

НОВОЕ ВРЕМЯ

Записки
провинциального
контрразведчика

21

май 1993

Первые
плоды
реформы

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

Международная академия маркетинга и менеджмента (МАМАРМЕН)

*Действительный член «Инкорвуза»
и Торгово-промышленной палаты Российской Федерации*
Объявляет очередной прием студентов (дневное, вечернее,
заочное отделения) на I курс 1993/94 учебного года

МАМАРМЕН —

Академия дает высшее образование и присваивает степени бакалавра и магистра наук по специальностям:

- государственное и муниципальное управление;
- управление (менеджмент);
- коммерческая и предпринимательская деятельность (маркетинг);
- международные экономические отношения;
- правоведение;
- финансы и кредит;
- книговедение и организация книжной торговли.

одно из первых в стране частных высших учебных заведений, прошедших государственную аттестацию.

Срок обучения в академии на базе среднего образования — 4 года, на базе высшего — 1 год. Лица, не владеющие русским языком, изучают его дополнительно 1 год.

Выпускникам академии присваивается квалификация «коммерсант» и «менеджер» и вручается конвертируемый диплом о высшем образовании.

Студенты очного отделения МАМАРМЕН имеют право на отсрочку от армии на период обучения.

Система обучения построена преимущественно на индивидуальной подготовке студентов.

Начало занятий:

дневное отделение — с 1 октября,
вечернее и заочное — по мере комплектования групп (круглогодично).

МАМАРМЕН предоставляет студентам общежитие.

Стипендия не выплачивается.

Адрес академии: 125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37-б.

Проезд: ст. метро «Водный стадион», авт. 65, 72 до остановки «Улица Лавочкина» (4-я остановка).

Почтовый адрес для корреспонденции:
125499, Москва, МАМАРМЕН, а/я 33.

Часы работы: ежедневно, кроме субботы и воскресенья, с 10 до 18 ч.

Телефоны приемной комиссии:

454-31-61, 454-30-19 — дневное и вечернее отделения

155-71-09 — заочное отделение

МАМАРМЕН имеет аспирантуру и докторантуру.

Читайте в этом номере:**В РОССИИ И РЯДОМ**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>М. Шакина</i> СЕЛЬЩИНЫМ И БЕЗ	4
МЫСЛИ В СЛУХ <i>Б. Сарнов</i> НЕ ХОЧЕТ НАРОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	8
ТЕРРОРИЗМ <i>Л. Млечин</i> БЕЗЖАЛОСТНОЕ ГОСУДАРСТВО ЛУЧШЕ БЕССИЛЬНОГО?	12
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ <i>Г. Ковальская</i> ЕВРЕЙСКАЯ ИДЕЯ НА ГРАНИЦЕ С КИТАЕМ	16
КОНСТИТУЦИЯ <i>К. Любарский</i> «ПРЫЖКИ В ЦАРСТВО СВОБОДЫ» (окончание)	20
ГРУЗИЯ <i>Д. Долидзе</i> ЖИЗНЬ БЕЗ СМОГА, НО С «ЛОТЕРЕЙНЫМИ БИЛЕТАМИ»	24

МИР

РОССИЯ-США <i>Анонимный автор</i> КАК СДЕЛАТЬ РОССИЙСКУЮ ДЕМОКРАТИЮ НЕОБРАТИМОЙ	29
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК <i>Я. Накасонэ</i> МЫ - ЯПОНЦЫ. ТЕМ И ИНТЕРЕСНЫ	35
ГЕРМАНИЯ <i>Б. Лысенко</i> ГЕРОЕВ ТОЖЕ СУДЯТ	38
МАКЕДОНИЯ-ГРЕЦИЯ <i>В. Тарлинский</i> ВОСХОД СОЛНЦА С 16 ЛУЧАМИ	40
ФИНЛЯНДИЯ <i>Е. Каменская</i> БРЕЖНЕВЦЫ, ЗУБРЫ И МУМИ-ТРОЛЛИ	42

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ <i>К. Кислов</i> СКАТЕРТЬ ДЛЯ ЧЛЕНА ПОЛИТБЮРО	46
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА <i>Н. Бетелл</i> ПРОСТИТЬ И ЗАБЫТЬ?	50
ЛИТЕРАТУРА <i>И. Руденко</i> ГОЛЫЙ СРЕДИ ОДЕТЫХ	54
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>М. Осоргин</i> СУЕТА СУЕТ И ТОМЛЕНИЕ ДУХА	58
СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ <i>В. Басков</i> МИЛИЦИОНЕР НАПРОКАТ	62
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>Д. Погоржельский</i> ОСТОРОЖНО: ОЗП!	64
ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)	

Обложка Владимира Пчелкина

Номер сдан в печать 18 мая 1993 года

Выдохся ли президент Ельцин?

Стр.4

После 1945 года японский национализм питается не чувством национальной исключительности, а экономическими успехами

Стр.35

Для провинциального контрразведчика встреча с членом политбюро была опаснее, чем столкновение с иностранными агентами

Стр.46

Главный редактор

**Александр
ПУМПУНЬСКИЙ**

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,
Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,
Кронид ЛЮБАРСКИЙ,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧАН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,
Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент и/o «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Мехико, Праге,
Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67**

Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92
Телетайп 113937 Честь.

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д.7.

**Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 60000.
Заказ №1538.**

© «Новое время»

ПОЧТА

Как получить наш журнал раньше всех?

Официальная подписка закончена, а тем, кто не успел подписаться на «Новое время», предлагаем оформить подписку прямо в редакции, приезжать к нам и получать журнал даже не в пятницу, а в четверг!

Подписаться можно в любой день, кроме субботы и воскресенья, и немедленно получить очередной номер журнала.

Телефон: 209-96-46

■ Благополучная кончина всенародной борьбы за трезвый образ жизни требует пересмотра нашего воплощенного в лозунги отношения к алкоголю. Вместо «Пить нельзя!» предлагаю следующие лозунги: Пить часто — путь к счастью! Отечество славим, которое пьет, и трижды — которое пьяно! Народ и алкоголь едины, спасибо водочке любимой! Напивайся смело — это правое дело!

Кто до дна выпивает — тот Отчизну уважает! Лучше уж алкоголизм, чем марксизм-ленинизм! Маловато в прошлом пили — перестройку провалили! Чтoб капитализм настал, выше поднимай бокал! На потеху человечеству пропьем свое Отечество! Воцарилась пьянству мода, кто не пьет — тот враг народа! Употребляющие минеральную воду негодны народу! Пивная — преддверие рая, а кто пиву не рад — того в ад! На заводе не ишачь — лучше

шкалик законьячь!
И дома не возводи — столько пьянок впереди!
И на бизнес не смотри — от зари пей до зари!
И в учебник лей вино — студенту трезвым быть смешно!
И науку не толкай — спирт в мензурку подливай!
И романы не строчи — чаркой по столу стучи!
Фундамент семейной гармонии — кабак, а не филармония!
И лечиться веселее — в ЛТП семьей всею!
Пей, папуля, пей, мамаша, эх, крепка семейка наша!
От язв совести бормотухой лечись — чекист, коммунар, большевик, коммунист!

В.Куземко
Днепропетровск

■ Национал-патриоты обрушиваются на «захвативших власть в России демократических иродов» по поводу бело-сине-красного знамени. Патриоты считают истинно русским черно-желто-белый флаг.

Неведомек нашим почвенникам, что споры на сей счет

велись и в начале века. Правда, тогдашние националисты — члены Всероссийского национального союза считали исконно русским именно... бело-сине-красный флаг! Вот что они писали: «Наш трехцветный, бело-сине-красный флаг, исторически связанный с превращением государства в Империю, пытаются заменить черно-желто-белым, составленным в 1858 году согласно правилам немецкой геральдики начальником отделения департамента геральдики неким Кене. Господин этот — выходец из Германии... Тому же Кене мы обязаны тем, что в 1863 году наш русский герб был обезображен: ему придали подобие австрийского и прусского — русскому орлу были ошипаны крылья и хвост...» Недовольны тогдашние националисты тем самым орлом, который так по душе сегодняшним «патриотам»! Особо отмечают члены Всероссийского национального союза заслугу «человека чисто русской души» — императора Александра III, который высочайшей волей приказал бело-сине-красный флаг национальным — «народным» по принадлежности нации и государственному, ибо с ним связана память о блестящем расцвете нашего мирового могущества».

Не очень-то хорошо знают наши «патриоты» российскую историю...

Михаил Ломов
Санкт-Петербург

Эмиграция в Ярославль

■ Москва — город утопий. Только в гигантских искусственных пространствах, оторванных от земли, могут возникнуть и воплощаться утопии. Утопия не есть свойство какой-то одной политической доктрины. Утопия — это способ социального восприятия каких бы то ни было идей вообще.

Коммунистическая утопия уже воплотилась в архитектуре, фресках, монументах и стала восприниматься так же естественно, как храм Василия Блаженного. Коммунизм стал частью реальной истории — от этого факта никуда не уйти.

Надо иметь полное отсутствие чувства юмора или очень буйную фантазию, чтобы после 70 лет существования одной утопии помнить названия улиц и станций метро. Когда станция метро «Дзержинская» стала назы-

ваться не менее угрожающе — «Лубянка», такая метаморфоза меньше всего воспринимается как возвращение в прошлое столетие...

Утопия есть сверкающая тень катастрофы, заметил кто-то. Право, я нигде не встречал больше оптимизма по поводу национального и религиозного возрождения России, чем в Москве (может быть, только еще среди эмиграции). Этот оптимизм пропорционально уменьшается по мере удаления от столицы и сменяется тихим ужасом, когда салонные русофилы оказываются в деревне. Возможно, старая добрая деревенская Россия где-нибудь и сохранилась, но не иначе как только в Москве. Или в Париже.

Я — не провинциал, я — эмигрант. Эмиграция — не статус, а мироощущение. Не местонахождение, а жизненная позиция. Лучше, коне-

**«Лучше уж
алкоголизм, чем
марксизм-
ленинизм»**

**Кто нашего орла
оципал?**

**Старая добрая
Россия
сохранилась
только в Москве.
Или в Париже**

■ Коммунисты по-своему отметили 1 Мая в столице России: бесчинствами и насилием возглавляемой ими толпы. В результате сотни людей ранены, состояние некоторых пострадавших критическое, нанесен материальный ущерб. Провокация была тщательно подготовлена и спланирована, зачинщики были основательно вооружены. Проиграв референдум, лишенные поддержки россиян, провокаторы имитируют «революционную ситуацию».

Органы правопорядка не оказали должного сопротивления насилию. Власть не хотят или не умеют следовать практике правовых государств, где полиция применяет в таких случаях крутые и решительные меры защиты порядка, жизни и имущества.

Преступным действиям коммунистов предшествовала длительная кампания пропаганды насилия и ненависти, которая оставалась безнаказанной. Запрет подобной пропаганды предпи-

сан статьей 20 Международного пакта о гражданских и политических правах ООН; своим бездействием власти России нарушили этот пакт.

Власти могут и обязаны преградить путь коммунистическим мятежникам. Ложное понимание «демократии» как вседозволенности, как бездействия властей, как готовности на компромисс со злом должно быть решительно отвергнуто. Такое понимание уже раз привело к Октябрю. На смену ему должны прийти: неуклонное уважение к закону, требование его соблюдения, жесткое применение силы к лицам и группам, попирающим его.

Сегодня этого достаточно для спасения страны от кро-

вавого коммунистического хаоса.

Исполнительное бюро НТС
Москва

■ Вот уже два года вся русская пресса как по команде старательно избегает публиковать материалы о булгарах — предках волжских татар. Но мутным потоком хлынули публикации о татарском иге, зверствах татар на Руси, о взимании непосильной дани с русских. В эту кампанию включились даже эстрадные пародисты, считающие хорошим тоном лишний раз поиздеваться со сцены над татарами. Однажды я даже послал на «Радио России» профессору-«патриоту» Захарову письмо с протестом против отождествления предков

современных татар с татарами Золотой Орды. Он процитировал мое письмо и начал отрицать очевидные исторические факты, рисуя русский народ истинным благодетелем по отношению к народам Поволжья, а татар — злодеями, чье злодейство заложено с рождения.

Наблюдая всю эту кампанию, я пришел к выводу, что антитатарская пропаганда координируется из единого центра. Цель такова: если придется подавлять национально-освободительное движение татар силой, то борьба эта должна выглядеть в глазах русских второй Куликовской битвой.

В прошлые годы вы писали о происхождении разных народов. Что мешает вам сейчас опубликовать такой материал о булгарах?

Ф.Хамдаев

Салават, Башкортостан

Подборку подготовила Т.Чернова

чно, жить в Париже, но на худой конец можно эмигрировать и в Ярославскую область.

Эмиграция есть особое высокомерие по отношению к собственной эпохе.

Эмигрантов не любят, потому что эмигрант лишь внешне напоминает человека. Внутри он — инопланетянин, себе на уме, выключенный из обязательных для всех схем поведения. Национальности как таковой нет, существуют лишь различные модели поведения.

Андрей Синявский однажды сравнил писателя с эмигрантом, с «вечным диссидентом». И тот и другой — предатели, потому что и тот и другой отказываются идентифицировать себя со своей эпохой, со своей страной...

Эмигрант, живущий в Ярославской области, несравненно более несчастен, чем эмигрант, живущий в Париже. К эмигранту, живущему в Париже, могут приехать какие-нибудь телевизионщики «Пятого канала» и снять ностальги-

ческий фильм. Наконец, он невзначай может оказаться наследником российского престола.

А эмигранта, живущего в Ярославской области, могут поймать как зайца и посадить в сумасшедший дом за нарушение паспортного режима. В лучшем случае ему просто набьют морду, даже если при этом он окажется правнучком Наполеона Бонапарта.

Короче, сегодня эмигранты, живущие в провинции, в правах не защищены так же, как в годы застоя не были защищены эмигранты, живущие в Париже. Но эмигрант, живущий в Ярославской области, — больше эмигрант, чем тот, кто живет в Париже. Ибо сама сущность эмиграции заключается в отщепенстве и ненависти, которой окружающий мир награждает тебя в отместку за твоё высокомерие к нему. Лучше быть эмигрантом в собственной стране, чем гражданином в чужой.

Андрей Новиков, Рыбинск, Ярославская область.

Коллектив нововременцев выражает глубокое сочувствие коллеге и товарищу — Сергею Дубову, президенту акционерного общества «Издательский дом «Новое время», в связи с постигшим его горем — трагической гибелью сына.

С ЕЛЬЦИНЫМ И БЕЗ

Марина Шакина

В высших эшелонах власти гарантом реформ остается только президент. Как долго сможет он нести этот единоличный груз?

Прошедший год в жизни страны можно считать за десять — столько необычных, будоражащих и решающих событий спрессовал он в себе. Первая половина нынешнего года ему не уступает по темпам политического процесса. Эти полтора

года стали непривычным испытанием для президента Ельцина — судя по всему, самым тяжелым в его жизни, хотя нельзя сказать, чтобы его жизнь была скудна на взлеты и падения.

Ельцину приходилось терпеть опалу высокого партийного начальства, что даже в последние годы коммунистического тоталитаризма было равнозначно гражданской смерти. Ему выпало на долю противостоять ГКЧП — в одиноч-

ку, если считать руководителей всех бывших союзных республик. Но это почти всегда были ситуации упущенного выбора, когда существуют две однозначные альтернативы, легко различимые и ярко окрашенные. Привлекательное достойное «да» и отвратительное «нет». Или соблазнительное «нет» и презираемое соглашательское «да».

Экстремальная ситуация, которой не видно конца

Последние полтора года Ельцин столкнулся с политическими задачами принципиально иного уровня — на несколько порядков сложнее, запутаннее. Эти задачи требовали иной подготовки, иного жизненного опыта, иных решений, иного мужества. В общем и целом можно признать, что Ельцин с задачей справился, хотя лично для себя и дорогой ценой.

Ельцин всегда считался политиком экстремальных ситуаций. За полтора года он подтвердил свое реноме — эти годы вполне можно считать экстремальной ситуацией, которой не видно конца.

Колоссальные нагрузки, связанные с запуском и развитием реформы, перепады «давления», которым он подвергался в равной мере и в среде демократов, и в среде антиреформаторов, бремя тяжелейших и зачастую до конца не просчитываемых решений, принимаемых в условиях жесточайшего цейтнота, не могли пройти даром для Ельцина. Он нырнул в реформу с высоты своей всеокрушающей поставгустовской популярности, очевидно, даже не предполагая, что его ожидает.

Гайдар знал свое дело и делал его, но он отвечал только за экономику. Он умел рассчитывать экономические последствия, да и то по большей части для «стерильной» экономической обстановки. Социальные, психологические, идеологические последствия ли-

берализации цен, приватизации, ломки старого жизненного уклада в масштабах всей страны должен был просчитывать президент. Ну если не просчитывать, то принимать решения и нести за них ответственность. Гайдар признавал, что у них с президентом существовало хорошее взаимопонимание в рамках разделения труда — Ельцин выслушивал аргументы экономические, но в ответ выдвигал доводы социально-политические, указывая ту черту, до которой можно идти в смелых и безоглядных планах экономических преобразований.

Ельцину приходилось действовать, исходя лишь из своего предыдущего опыта и полагаясь на интуицию, так как нормальные механизмы обратной связи в обществе, разрушившем унитарное государство, еще не наладились.

Степенность традиционалистов и суэта демократов

Отсутствовала и продолжает отсутствовать нормальная убедительная многопартийность. Мало того что у самого президента не было партии, которая оказывала бы ему постоянную действенную поддержку — и организационную, и информационную, и интеллектуальную. Оппозиционные и полуоппозиционные партии, их ассоциации, блоки и объединения носили и носят до сих пор достаточно фантомный характер. Судить по их саморекламным заявлениям о настроениях в народе было бы опрометчиво — они создавали довольно дезориентирующий политический фон, который мог сбить с толку кого угодно. Ельцин едва удержался от того, чтобы дать места в правительстве «Гражданскому союзу» или поддаться на идею о «коалиционном правительстве».

Агрессивные съезды, проходящие в последнее время чуть ли не ежемесячно, каждый раз выносили на повестку дня «персональное дело президента», обсуждая вопрос в лучших партийных традициях — в стиле оголтелой и массовой травли. Раз от разу можно было наблюдать, что эти разборки оказывают на Ельцина тяжелое и разрушающее действие. И кроме того, парламентские страсти искажали реальную картину восприятия реформы в обществе. Выражают ли депутаты волю избирателей или нет? Надо ли идти на компромисс? — эти вопросы надо было решать каждый день. И ответы были совсем не так очевидны.

Кроме того, в ближайшем окружении Ельцина шла постоянная борьба за влияние на президента и эта борьба не раз ставила Ельцина в тупик, создавая тяжелую стрессовую ситуацию. С одной стороны, лично преданные традициона-

сты, представители свердловской и московской партхозноменклатуры, уговаривающие притормозить, договориться с парламентом, не обострять. Аппаратные привычки, опыт Ельцина в принципе этим доводам были весьма созвучны. С другой — демократы, раз за разом формулирующие дерзкие политические идеи, требующие решительности, требующие смести из окружения всех, кто, по их мнению, препятствует реформе. И второе «я» Ельцина — его образ демократа и реформатора — тоже откликалось на эти вызывающие идеи.

Сколько раз за прошедшие полтора года казалось, что президент «сдает» реформаторский курс! Его сомнения и колебания становились видны не только тем, кто его окружает, но и уже переплескивались в политические действия.

Сколько раз досадовали на него сторонники демократов после перестановок в правительстве! После удаления Гайдара, Бурбулеса, Полторанина, Егора Яковлева. Сколько раз они задерживали дыхание, когда Ельцин, казалось, поддавался воинствующей антиреформаторской оппозиции, и потом переводили дух, когда каждый раз Ельцин своей волей продолжал толкать реформу вперед или по крайней мере не давал ей откатиться назад.

В очередной раз замерли сторонники реформ, когда за два дня до референдума Ельцин ввел в правительство своего земляка и однопартийца Олега Лобова — жест, долженствующий задобрить традиционалистов и их приверженцев накануне голосования. Еще один противоречивый шаг, выдающий смятение Ельцина и отсутствие у него ясной картины народных настроений. Референдум поддержал реформу, а Лобов не только остался вице-премьером, но и ужаснул всех обширными планами, изложенными в проекте указа о министерстве экономики.

По мысли Лобова, министерство не может быть не чем иным, как госплановско-партийно-хозяйственным спрутом, не дающим никому вздохнуть свободно. Ну, мозги так у человека устроены — не его вина. Ну, не в силах человек понять, как нелепо выглядят такие проекты.

Постоянные бои в парламенте, правительстве, ближайшем окружении измотали и дезориентировали президента. В последнее время стало казаться, что его политическая воля иссякает, в его политике множатся черты усталости, вялости, запоздалого реагирования. Кое-кто определенно утверждает, что на последнем, девятом съезде был момент, когда Ельцин всерьез собрался объявить о своей добровольной отставке, чуть было не сделав большой подарок депутатам. Но... съезд принял решение о референдуме.

Референдум прошел, и оказалось: на сегодняшний день Ельцин остается единственным общенациональным лидером России и в глазах избирателей — единственным гарантом реформ.

Если бы патриоты были поумнее, то берегли бы Ельцина как зеницу ока — он один из символов и гарантов единства этой страны. Разрушив этот символ, не так легко воздвигнуть на его место иной, который бы все восприняли и с которым бы считались.

Кто вместо Гайдара?

Личность президента накрепко сплелась с образом демократа и реформатора, хотя три года назад его посвящение в демократы было во многом делом случая. Этот образ приумножил его политический капитал и создал ему соответствующее имя. Три года назад настойчивость МДГ, искавшей себе харизматического лидера, и «домогаательства» общества, присмотревшего себе Ельцина в качестве человека, который может протаранить КПСС, поставили его во главе демократического движения. Как и три года назад, сегодня, после референдума, Ельцина удерживает на гребне доверия людей и необходимость это доверие оправдывать. Может быть, ему это в тягость, но деваться некуда.

После референдума выражение усталости на лице президента не сменилось выражением триумфа. И шаги, которые он предпринимает, в очередной раз получив доверие людей, многих разочаровывают. Несмотря на оживленные разговоры о возвращении Гайдара, об уходе Геращенко, никаких перемен в правительстве не происходит. Отставки Скокова и Хижи — хорошо. Но это, так сказать, отрицание. А где же позитивные действия? Кстати, отставку Скокова толкуют в том смысле, что президент разочаровался в его преданности, а вовсе не в идеологических воззрениях, которые давно не нравятся реформаторам. Реакция Ельцина на реваншистскую вылазку коммуно-патриотов первого мая многим тоже показалась чересчур умеренной.

Развернута интенсивная работа по подготовке новой конституции. Предприимчивость президента, решившего обойти в этом деле съезд и все устроить через субъекты Федерации, подстегнула парламентариев настолько, что если раньше они и слышать не хотели предложения секретаря Конституционной комиссии Олега Румянцева принять проект в этом году, то теперь, поняв, что могут обойтись вообще без

депутатов, парламент кинулся собираться и принимать конституцию наперегонки с Ельциным — кто первый.

Ельцин направил все усилия на то, чтобы снести политические препятствия на пути вперед, то есть принять «президентскую» конституцию. Ожидается, что битва будет затяжной и пройдет с переменным успехом — тяжба с парламентом вряд ли сможет разрешиться за несколько месяцев. Игра на поле экономической реформы, которая шаг

тель парламентского комитета по вопросам экономической реформы Сергей Красавченко. Ведутся активные консультации о возможном сменщике Виктора Геращенко.

Решающая битва будет, очевидно, разыграна на поле экономической реформы. И создается впечатление, что на этой площадке Ельцин теряет темп, упускает те золотые дни после референдума, когда еще можно было «ковать железо пока горячо».

Как обезвредить «бомбу замедленного действия»?

Парадокс состоит в том, что демократы имеют по-прежнему одного лидера, способного завоевать голоса избирателей на президентских выборах, которые все-таки, очевидно, состоятся до срока, — Ельцин. А с другой стороны, ясно, что вкладывать в него политический капитал на долгую перспективу не имеет смысла — он уже вынес самую тяжелую ношу, проделал самую трудную часть пути, и нет уверенности, что у него хватит сил довести дело до конца. Ельцин слишком выложился на начальном периоде реформ.

По идее демократам было бы выгодно как можно дальше оттянуть время новых президентских выборов, пока не будет подготовлен преемник. А это, как известно, задача не одного дня и не одного года. Но существует одно обстоятельство, которое подталкивает их как раз в противоположную сторону — к спешным выборам. Это обстоятельство — вице-президент, которому Ельцин отказал в доверии и лишил всех функций, но который по конституции займет его место по крайней мере на три месяца в случае импичмента, а там, глядишь, может остаться на подольше.

Спешные выборы с участием Ельцина позволят избавиться от этой «бомбы замедленного действия», обнаруженной под боком у реформы. Сегодня если кто и может перебежать Руцкому дорогу на выборах, так это только Ельцин. Другие претенденты, которых перебирают демократы, — Шахрай, Явлинский, Буковский — в ближайшей перспективе вряд ли будут иметь серьезные шансы.

Так что не исключено, что уставшему Ельцину придется отработать сполна свой демократический оброк, из-за которого он уже давно не принадлежит сам себе. И позволить демократам выжать из своей харизмы всю возможную для реформы пользу.

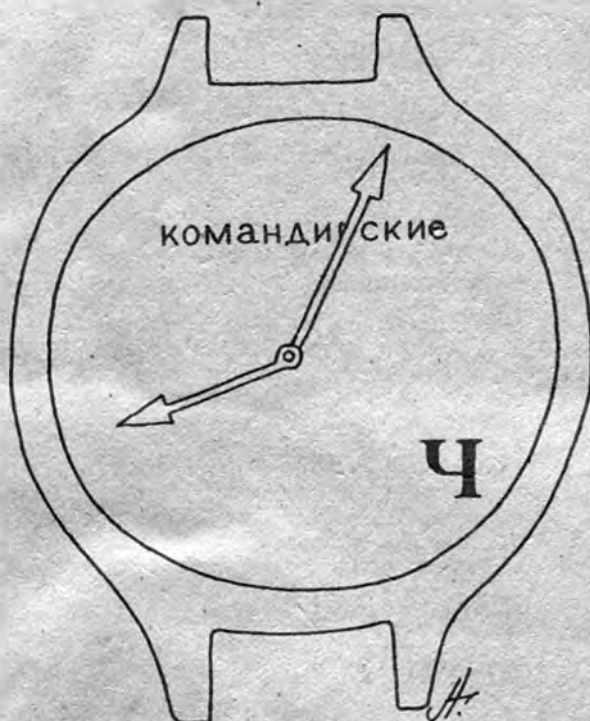

Рисунок Аркадия Гурского

за шагом, миллиметр за миллиметром преобразовывает страну, делая невозможным возврат к старому, представляется более выигрышной. Трудно решить, где все-таки было бы легче прорвать этот заколдованный круг «политика — экономика» — либо осуществить прорыв в реформе, либо в законодательном регулировании.

До окончательной и идеальной конституции нам далеко, и нынешняя ситуация с двумя проектами конституции и двумя претендентами на ее принятие не представляется вдохновляющей.

Есть люди, которым работа над конституцией не кажется содержательной без нормализации экономического положения, а в этой области активности Ельцин пока не проявляет.

Есть сведения, что Виктор Черномырдин упорно не желает видеть рядом с собой Гайдара. Не исключено, что в правительстве скоро появится новый человек, который будет объединять и прикрывать реформаторское крыло, — бывший председа-

*Вниманию
региональных телекомпаний,
независимых телестудий
и частных лиц!*

**НОВОЕ
ВРЕМЯ**

Журнал «Новое время»

совместно с

«Телекомпанией ОКНО»

выпускает видеоприложение
к журналу и предлагает вам
сюжеты на следующие темы:

ПОЛИТИКА

— репортажи из горячих точек и интервью из горячих кабинетов, политические обзоры и анализ текущих событий.

ЭКОНОМИКА

— мнения ведущих теоретиков и экономистов-практиков, тех, кто определяет экономический курс в России.

БИЗНЕС

— портреты предпринимателей и рассказы о новых предприятиях.

РАССЛЕДОВАНИЯ

— собственные изыскания журналистов «Нового времени» о деятельности КГБ, о правах человека, о белых пятнах истории, о судьбах людей.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

— исторические экскурсии, мнения этнографов, историков, социологов.

ЛИЦА

— пестрые короткие рассказы полуразвлекательного характера.

Независимые телекомпании! К вашим услугам — профессионализм столичных журналистов, изысканный московский стиль публицистики. Гостями на ваших телеэкранах станут самые популярные политические, общественные деятели, лидеры общественного мнения и звезды культуры — и все это без заезда в столицу! Вы сможете получить оригинальные репортажи, которые не увидите по Центральному телевидению.

Частные лица! Если ваш бизнес — политика, экономика, общественные связи, вы не сможете обойтись без собственных видеоархивов, которые мы поможем вам создать.

Наша аудитория — это серьезная публика. Поэтому вы придете к нам.

Факс: 198-04-22

Телефоны:

214-16-86,

214-04-11

Не хочет народ советской власти

Бенедикт Сарнов

Лет двадцать пять тому назад к моему другу приехала в гости тетка из Италии. В молодости она вышла замуж за итальянца, прожила с ним долгую счастливую жизнь, а теперь овдовела, осталась совсем одна и решила навестить свою бывшую родину, чтобы повидать последнее оставшееся в живых родное существо — племянника, которого она оставила очаровательным годовалым мальчуганом.

Вступай — не хочу

Племянник встретил тетку хорошо. Но был он при этом какой-то странный: рассеянный, взвинченный... Одним словом — не в себе. Чувствовалось, его что-то сильно мучает.

Тетке объяснили, что у племянника большие неприятности. Он подписал письмо в защиту арестованных диссидентов, и его за это только что исключили из партии.

Узнав, что странное душевное состояние ее милого Бореньки с ее приездом никак не связано, тетка успокоилась. А на объяснениеотреагировала так:

**И сказал об
этом на
референдуме.
А соввласть
уши заткнула
и не уходит**

*Фоторепортаж
Петра Новикова*

— Бедный Боря! Но если это для него так важно, пусть вступит в какую-нибудь другую партию...

Мы, друзья Бориса, повторяя эту бесмертную фразу, грустно посмеивались. Тогда мы даже и представить себе не могли, что доживем до времен, когда этот замечательный теткин совет можно будет осуществить не только в Италии или какой-нибудь другой зарубежной стране, но и на нашей несчастной родине.

И вот это блаженное время наконец настало. «Других» партий у нас теперь сколько угодно. Вступай — не хочу!

Но я так и не воспользовался этими вдруг открывшимися необычайными возможностями. Само это слово — «партия» — до сих пор вызывает у меня идиосинкразию.

И тем не менее, когда за несколько дней до 25 апреля мне позвонили и спросили, не согласюсь ли я в день референдума взять на себя роль наблюдателя от партии «Демократический выбор», я сразу согласился.

Отказаться было невозможно. Сторонники демократического выбора опасались, что во время референдума будет много жульничества, подтасовок, приписок. И опасения эти, увы, были не лишены оснований, ведь вся организация референдума на местах была в руках Советов.

Итак, я, как выражался один герой Зошенко, беспартийный черт с какого года, согласился представлять на референдуме партию «Демократический выбор» и в 6 часов утра с соответствующим мандатом в руках явился в помещение избирательного участка. Явиться надо было так рано, чтобы урны для голосования были опечатаны в моем присутствии. Перед этой процедурой я должен был, так сказать, воочию убедиться, что урны пусты.

«Что тут вычеркнуть?»

Процедура опечатывания прошла гладко, если не считать того, что в последний момент куда-то запропастилась печать. Кажется, она была заперта в сейфе, ключ от которого унес с собой кто-то из сотрудников. Возникло небольшое замешательство, которое длилось, впрочем, недолго. Никто не придал этому казусу никакого значения: мы к такой расхлябанности привыкли и давно уже почитаем ее чем-то вроде нормы.

И вот наконец пробило семь часов, и в зале, где за столами уже торжественно восседали члены избирательной комиссии, появился первый избиратель.

Это была женщина. Не молодая, но и не так чтобы очень старая. Совсем простая. Явно не шибко грамотная. Получив полагающиеся ей четыре бюллетени, она обратилась к комиссии:

— Я за Ельцина. Покажите мне, что я тут должна вычеркнуть.

Члены комиссии сидели с непроницаемыми лицами и молчали.

Я подошел к ней и стал объяснять, что на каждом бюллетене два слова: «ДА» и «НЕТ». Если на вопрос, стоящий в бюллетене, она хочет ответить «ДА», ей надо вычеркнуть слово «НЕТ».

Но только я приступил к этим своим объяснениям, как разразился скандал. Члены комиссии повскакали со своих мест, окружили меня плотным кольцом и стали оттеснять от растерявшейся женщины, которой я хотел помочь:

— Ни в коем случае!.. Вы не имеете права!.. Это незаконно!..

Смысл всей этой суматохи состоял в том, что по закону в день проведения выборов (или референдума) всякая агитация — «за» или «против» — должна быть прекращена.

Напрасно я пытался убедить членов комиссии, что вовсе не собираюсь агитировать избирательницу или (боже упаси!) навязывать ей свое мнение. Я лишь хочу помочь ей выразить ее собственную волю.

— Нельзя! — в один голос отвечали они. — Это незаконно! Не имеете права!

Один из членов комиссии даже не смог скрыть раздражения.

— Вам достаточно было отпу-

щено времени на агитацию, — сухо заметил он. И неприязненно добавил: — А вам все мало...

Не выйдет по-вашему

Я отнес эту их дружную непреклонность на счет десятилетиями внедрявшейся в их мозги догматической узости. Мысленно даже обозвал их тупицами. Но женщина, которой я так безуспешно пытался помочь, поняла инцидент по-своему. И, как впоследствии выяснилось, гораздо правильнее, чем я. Обернувшись к членам комиссии, уже усевшимся на свои места, она крикнула им:

— Все равно не выйдет по-вашему!

Я тут подумал, что она хватила через край. Но дальнейшее развитие событий показало, что права была она, а не я. Увы, не только скрупулезная щепетильность, не только законопослушный педантизм и даже не только догматическая узость побудили всех членов комиссии так решительно воспротивиться моей попытке откликнуться на ее просьбу. Главным двигателем, главным мотором их поведения было именно то, что женщина, пришедшая высказаться «за Ельцина», хотела от результатов референдума одного, а они — совсем другого.

С той или иной степенью откровенности они проявляли это на протяжении всего этого дня. Но с особенной ясностью это выявилось поздним вечером при подсчете голосов.

Сидя за длинным столом, члены комиссии раскладывали только что извлеченные из распечатанных урн бюллетени. Направо — те, на которых было зачеркнуто слово «НЕТ», налево — те, где вычеркнуто было «ДА». Стопка с бюллетенями, выражавшими доверие президенту, росла. Но еще больше росла стопка с бюллетенями, требующими досрочных выборов народных депутатов. И тут один из членов комиссии горестно вздохнул:

— Да-а... Не хочет народ советской власти!

— Да что там! Просто хотят развалить Россию! — злобно поджав губы, поддакнула сидящая рядом женщина.

— Меня другое удивляет, — вмешался третий. — Меня поражают эти старики, старухи. Пенсионеры. Их ограбили, а они высказываются «за»!

За этими репликами последовали другие, еще более откровенные, злобно обвиняющие во всем «свободу слова» — радио, телевидение, газеты, сумевшие в короткий срок

Народ сказал «да» реформам, потому что понимает: советская система — главное несчастье нашей жизни

Депутат Моссовета Виктор Анпилов, организатор и вдохновитель первомайской демонстрации. Коммунисты и национал-патриоты не способны признать поражение и уйти

«разложить народ».

Проведя с этими людьми целый день, я уже ничему не удивлялся. Мне уже было совершенно ясно, что их склонности, пристрастия, политические симпатии и антипатии просто не могли быть другими.

По своей ментальности, да и по тому положению, которое они занимали в обществе, все они были людьми той системы, которая сейчас, на их глазах, рушилась. Крушение этой системы было и их крушением. И удивляться надо было не тому, что они обескуражены и до глубины души уязвлены намерениями исходом референдума. Удивляться надо было тому, что они не делали ни малейших попыток хоть как-то на этот исход повлиять: при всей их неприязни к выявляющейся с каждым новым бюллетенем воле народа подсчет голосов велся корректно и абсолютно честно.

Люди ждут, что президент выйдет наконец из искусственно созданного «конституционного пространства»

Глубоко эшелонированная оборона

Я решил так подробно рассказать об этих своих впечатлениях по двум причинам. Во-первых, потому, что они удивительным образом совпадают с впечатлениями всех моих друзей, которым довелось провести этот день в той же роли наблюдателей, но на других избирательных участках. А во-вторых, потому, что это резкое несовпадение позиций членов избирательной комиссии с волей, выраженной избирателями, свидетелем которого я стал, довольно точно отражает ту расстановку сил, которая сложилась в обществе.

Наверху — последние рушащейся старой системы: народные депутаты всех уровней, а также чиновники, успевшие из старых властных структур перебраться в новые и неплохо там устроившиеся. Для них крах этой системы означает в конечном счете крушение всех их жизненных планов и надежд.

А внизу — народ, который в массе своей уже осознал, что эта самая, пока еще сохраняющая свои позиции, советская система — главное несчастье его жизни, главное препятствие на его пути к нормальному человеческому существованию.

Есть, впрочем, одно, весьма важное свойство, резко отличающее людей старой системы, утвердившихся в верхних эшелонах власти, от тех членов избирательной комиссии, которых я наблюдал на референдуме. Те, что на самом веру,

при полном крахе системы потеряют гораздо больше. Поэтому в отличие от членов избирательной комиссии они даже не помышляют о том, чтобы вести свою игру честно. Они готовы идти не только на самое неприкрытое жульничество, но даже и на откровенную уголовщину. Политическая провокация, закончившаяся массовыми беспорядками 1 мая в Москве, красноречиво об этом свидетельствует.

С поразительной наглостью эти люди говорят сейчас о том, что результаты референдума ничего, в сущности, не означают. Что ситуация осталась точно такой же, какой была до 25 апреля. Самые беззастенчивые договариваются даже до того, что президент, в сущности, потерпел на референдуме поражение, а они — коммунисты и национал-патриоты — одержали подлинную победу.

Да и что им еще остается? Признать свое поражение и уйти? На это они органически не способны. Вот и выходит, что только один у них теперь выход: продолжать как ни в чем не бывало, твердить, что у них все в порядке, что народ — за них, а они как были, так и остались единственными законными выразителями воли народа.

Нет, поведение этих людей давно уже никого не может удивить.

Удивляет другое.

Даже не просто удивляет, а поражает позиция, которую заняли сейчас многие представители самого что ни на есть либерального, самого демократического направления нашей общественной мысли.

Взять хотя бы одну из самых читаемых и почитаемых в либерально-демократической среде российских газет — еженедельник «Московские новости».

Мода на брюзжание

Номер этого еженедельника, вышедший когда первые итоги референдума были уже известны, открылся статьей одного из самых блестящих его политических обозревателей: «26 апреля, как и обещал президент, наступило».

Президент, как известно, обещал, что в случае его победы на референдуме политическая ситуация в стране изменится. «Что же мы видим?» — вопрошает на следующий день после референдума автор статьи и отвечает:

«Референдум не развязал, а, скорее, связал Президенту России руки. Вступив в эту игру, он пустил в ход не столько свой собственный капитал, сколько заемный...»

Завершается статья таким ироническим пассажем:

«26 апреля действительно наступило. Но отличалось от 25-го только тем, что случилось не в воскресенье, а в понедельник».

На той же странице — другая статья: «Осторожно: мудрый народ». Название — откровенно ироническое. Жалобно иронии направлено против тех, кто полагает, что, высказавшись в поддержку президента и проводимой им политики реформ, народ поступил мудро. А дальше — все тот же унылый скепсис:

«Неплохо бы проанализировать, кто именно воздержался от похода

на избирательные участки. Действительно ли самые пассивные и аполитичные? Или как раз те, кто неплохо разбирается в политике, сознательно решили не участвовать в драках между ветвями власти?»

А за несколько дней до референдума политический обозреватель другой (тоже вроде бы демократического направления) газеты — «Сегодня», обращаясь к будущим участникам всенародного опроса, давал им такой совет:

«Если уж пытаться внести свою лепту в кампанию агитации за референдум, я призвал бы сограждан поступить следующим образом. Обязательство придите на избирательный участок. Зарегистрируйтесь. Внимательно прочтите вопросы, предложенные для голосования. Зачеркивая «да» или «нет», проголосуйте как угодно — это не имеет значения. Опустите бюллетени в урну. Или в карман. Или — часть туда, часть сюда: это тоже все равно. Потом потерпите дня два, включите телевизор, сядьте перед ним и ждите. Рано или поздно вам объяснят, что вы имели в виду, когда голосовали, и вообще, что все это значило».

Даже одна из самых молодых и, что называется, подающих надежды наших газет не удержалась от задиристой иронии в своей публикации «Счет «сухой», а репутация подмочена»:

«Ну провели референдум. И что? Кому и какой от этого прок? Разве что поселковым комиссиям, устроившим за казенный счет в ночь подсчета голосов всероссийскую пьянку...»

Конечно, можно трактовать результаты референдума как историческую победу сторонников демократии, несмотря на то...

Допустим все же, что за президента большинство. Интересно, что он сможет сделать, даже опираясь на результаты референдума?..»

Ну и так далее, все в том же духе. Быть может, этот скептический тон продиктован лишь желанием показать: мы над схваткой.

Но даже если это только кокетство, не такое уж оно и безобидное...

Даже если вы не верите, что тонущий человек, отчаянно пытающийся добраться до берега, имеет шанс спастись, стоит ли подбадривать его возгласами типа: «Не тратьте, куме, силы, опускайтесь на дно!» Тем более что борьба еще в самом разгаре и исход ее далеко не так очевиден. Не говоря уже о том, что от исхода этой борьбы зависит вся наша жизнь, да и судьба всех этих скептиков — тоже.

Но тут мне могут сказать, что в основе этого скепсиса — не только кокетство. Что есть для него и более серьезные основания.

Конь, лады, ферзь...

Основания — те, что и после очевид-

ной победы президента сохраняется все та же патовая, тупиковая ситуация.

Президент как раньше, так и теперь не может сделать ни шагу, не выйдя за пределы так называемого «конституционного пространства». А пределы этого «конституционного пространства» определяются тем, что съезд народных депутатов обладает правом в любой момент по своей воле принимать любые поправки к конституции. Это все равно как если бы вы играли в шахматы с партнером, который обладал бы узаконенным Международной шахматной федерацией правом на ходу менять правила игры. Скажем, в миттельшпиле объявить: начиная с этого момента мой конь будет ходить как ладья, а ладья — как ферзь.

Политики, юристы, политические обозреватели, продолжающие запугивать президента (да и себя) этим самым «конституционным пространством» — хотят они этого или не хотят, — в сущности, поддерживают вот такие, заведомо жульнические «правила игры».

Возникает ряд вопросов.

Почему вотум доверия президенту надо определять исходя из количества людей, пришедших на референдум и выразивших недвусмысленно свою волю, а вотум доверия народным депутатам — исходя из количества всех граждан России, имеющих право участвовать в опросе? В этом случае все, кто не пожелал или не смог прийти на избирательный участок, автоматически зачисляются в стан противников демократических реформ.

Почему надо считать легитимным органом сборище людей, большин-

ству которых народ отказал в доверии?

И, наконец, последний вопрос. Можно ли всерьез относиться к Конституционному суду, сформированному этим парламентом и целиком от этого парламента зависящему? Конституционному суду, созданному до принятия нормальной конституции и, таким образом, призванному защищать старую, латаную и перелатанную брежневскую Конституцию? Конституционному суду, принявшему постыдное решение реанимировать компартию и узаконившему фашистский Фронт национального спасения? Конституционному суду, председателем которого в критический момент переметнулся на сторону одной из противоборствующих ветвей власти, изменив своей роли беспристрастного арбитра и превратившись тем самым в вульгарного политика, за что окрещен Позорькиным?

На все эти «почему» не может быть, как мне кажется, никакого другого ответа, кроме одного, естественно напрашивающегося.

На референдуме президент получил от народа мандат, дающий ему не только моральное, но и юридическое право выйти из искусственно созданного, огороженного только внешней проволокой «конституционного пространства». Разорвать наконец этот порочный круг!

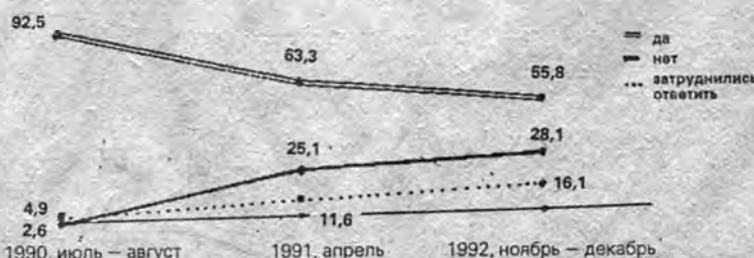
Если он этого не сделает, это будет означать, что проводить радикальные демократические реформы все это время ему мешали не только внешние препятствия, но и какие-то другие, более глубокие, сугубо внутренние причины.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС

Служба изучения общественного мнения ВР
Руководитель — проф. Б.А.Грушин

От общего — к частному?

Согласны ли вы с тем, чтобы земля была передана в частную собственность тем, кто на ней работает?

Суммарные результаты опросов россиян, проведенных в 1990–1993 годах. (В процентах от общего числа опрошенных.)

Безжалостное государство лучше бессильного?

Борьба с террором — тяжелое испытание для демократии. Во имя своих убеждений приходится изменять своим убеждениям

Леонид Млечин

Кровь, пролитая на первомайской демонстрации 1993 года, может оказаться отправной точкой российского политического террора. Убитый омоневец принес лидерам радикальных группировок, исповедующих российский вариант национального социализма, больше политических дивидендов, чем многие месяцы митингов и демонстраций.

Смерть под оком телекамеры

Они заявили о себе как о реальной силе, с которой придется считаться. О них заговорила вся страна, их всерьез стали воспринимать президент, правительство, парламент.

Им этого вполне достаточно для первого шага. Они могут решить, что пришел их час, что они способны повернуть развитие России в нужную им сторону.

Своей популярностью они в значительной степени обязаны телевидению, работе операторов, которые не упустили ничего из того, что происходило в те роковые часы.

Среди ста пятидесяти миллионов человек всегда найдется некоторое число людей, кому просто попра-

вилось, как демонстранты избивали и убивали милиционеров.

Средства массовой информации всегда принимаются в расчет террористами: телевидение словно занимается пропагандой в их пользу. Стремление правительства действовать в рамках законности выглядит как беспомощность и создает у террористов ощущение, что они вступили на верный путь.

Законы телевидения таковы, что мирные добропорядочные граждане не становятся героями программы новостей. Чем радикальнее политик, тем больше у него шансов увидеть себя на экране.

Противник обнаружен

Кровавое столкновение первого мая национальные социалисты выиграли: они сделали то, что хотели. Никто из них не наказан. Они получили поддержку в Верховном Совете и девятого мая прошли по Москве, чувствуя себя большими победителями, чем ветераны второй мировой войны.

А у победителей всегда появляются сторонники, активисты и сочувствующие.

Это значит, что майский опыт может быть сочтен ими достойным повторения.

До этого столкновения российских национальных социалистов с властью противник, которого следовало сокрушить, был неясен, размыт: демократы, агенты влияния, сионисты, кавказцы, спекулянты, торговцы родиной...

Враг внезапно материализовался, когда цепочка омоневцев перегородила Ленинский проспект.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что омоневцев были сторонники сильной власти и поклонники военной формы. С большим удовольствием толпа растерзала бы ельцинских министров или руководителей «Демократической России», но под рукой оказались милиционеры в мышиных костюмчиках.

Не складывается ли сейчас группа радикально настроенных молодых людей, которые решат, что политический террор вернее и быстрее приведет их партию к политической победе? Вот главный вопрос, на который мы скоро получим ответ.

С милицией сражаться выгодно

Если такая террористическая группа образуется, то в скором времени последуют новые акции — прежде всего против милиции.

Как показывает международный опыт

Появятся ли в России люди, которые решат, что террор вернее и быстрее приведет их партию к политической победе?

это свинья. В него можно и нужно стрелять» — западногерманские террористы выдвинули этот тезис, убив первого полицейского.

После каждого нового преступления они развивали этот тезис: «Человек в форме — не человеческое существо, и мы должны относиться к нему исходя из этого... Бессмысленно пытаться разговаривать с этими людьми, и естественно, что применение оружия позволительно».

Наши милиционеры не отличаются изысканными манерами. Если смерть одного из своих они сочтут индульгенцией и начнут избивать всех, кто попадется им на пути, то общественное

мнение окажется в замешательстве.

Жестокость полиции сыграла решающую роль в судьбе многих террористов.

Фусако Сигэнобу, возглавившая японскую «Красную армию», одну из самых безжалостных террористических групп, вспоминает, что переломный момент в ее жизни наступил 8 октября 1967 года, когда она участвовала в демонстрации токийских студентов против войны во Вьетнаме.

Семь тысяч полицейских дубинками разогнали студентов. Фусако Сигэнобу ударом сбили с ног. «Я лежала среди множества залитых кровью людей», — описывала она свое состояние. Так она поняла, что на силу можно отвечать только силой.

Для немецких террористов таким днем стало 2 июня 1967 года, когда сотрудник криминальной полиции Западного Берлина Карл-Хайнц Куррас застрелил во время демон-

Запись в рабочие дружины происходит во время митингов и демонстраций. Люди готовы взяться за оружие

терроризма, вооруженная борьба с милицией (полицией) выгодна террористам тем, что не только привлекает к ним внимание, но и в какой-то степени рождает симпатии.

Люди с дубинками нигде и никогда не были героями общества. «Мы утверждаем: тип в форме —

Террористы — это одиночки. Но они способны держать в напряжении всю страну

Наша милиция пока что не способна защитить ни нас, ни себя

страции против визита иранского шаха студента Бенно Онезорга. Возникла целая террористическая группировка «Движение 2 июня».

Когда в 1974 году умер в тюрьме западногерманский террорист Хольгер Майнс, это пополнило террористические группы новыми людьми.

Ханс-Йоахим Кляйн, который вместе с Карлосом участвовал в 1975 году в захвате министров нефти стран ОПЕК, скажет позднее: «Смерть Майнса показала мне всю мою беспомощность перед лицом политической системы. Я понял: хватит с меня противостоять системе в белых перчатках. Я должен взяться за оружие».

Людей, напавших первого мая на омонцев, было всего несколько десятков. Можно предположить, что «боевиков», вообще решительных людей, готовых к организованному применению силы, в Москве всего несколько сотен человек.

Власть кажется такой слабой

Этого количества боевиков вполне достаточно для того, чтобы успешно терроризировать целую страну.

Наши террористы вступают в вооруженную борьбу с властью в надежде на успех. Власть кажется такой слабой, ткни пальцем — развалится.

Толпы психологов, социологов и политологов будут работать над теорией терроризма, чтобы убедиться: такой теории нет. И ее не может быть.

Русские террористы, как и любые другие террористы, — это аутсайдеры, одиночки.

Социально-экономические проблемы, запаздывание российской демократии — слишком очевидные обстоятельства, чтобы о них говорить.

Прежнее время с определенной стабильностью, относительным благополучием и авторитарными структурами ушло и с ним — способность общества и государства к интеграции.

Пафос подъема, связанный с перестройкой, разрушением коммунистической империи, пробудил большие ожидания даже у тех, кто внутренне сопротивлялся этим переменам. Затем наступило разочарование. А насилие, террор есть следствие разочарования.

Скудный выбор политических партий, скомпрометировавший себя Верховный Совет оставляют вне формализованной политической

жизни некоторое число политически активных людей. Они находят себе место в полулегальных кружках и объединениях.

А душевное успокоение ищут в утопических, квазисоциалистических, национально-социалистических идеях.

Среди останков кораблекрушения

Потенциальные террористы выплывут из потока антиреформаторского движения.

Это движение состоит из карликовых партий национально-социалистической ориентации, которые возникают как грибы после дождя.

Это движение подбирает останки кораблекрушения советской власти.

Это движение не может и не будет единым. Оно разрушается с такой же скоростью, с какой сплывается перед лицом единой опасности.

Среди террористов будут преобладать молодые люди, чье нынешнее поведение впервые в их жизни получит признание: у них появятся

не только враги, но и друзья, сторонники и поклонники.

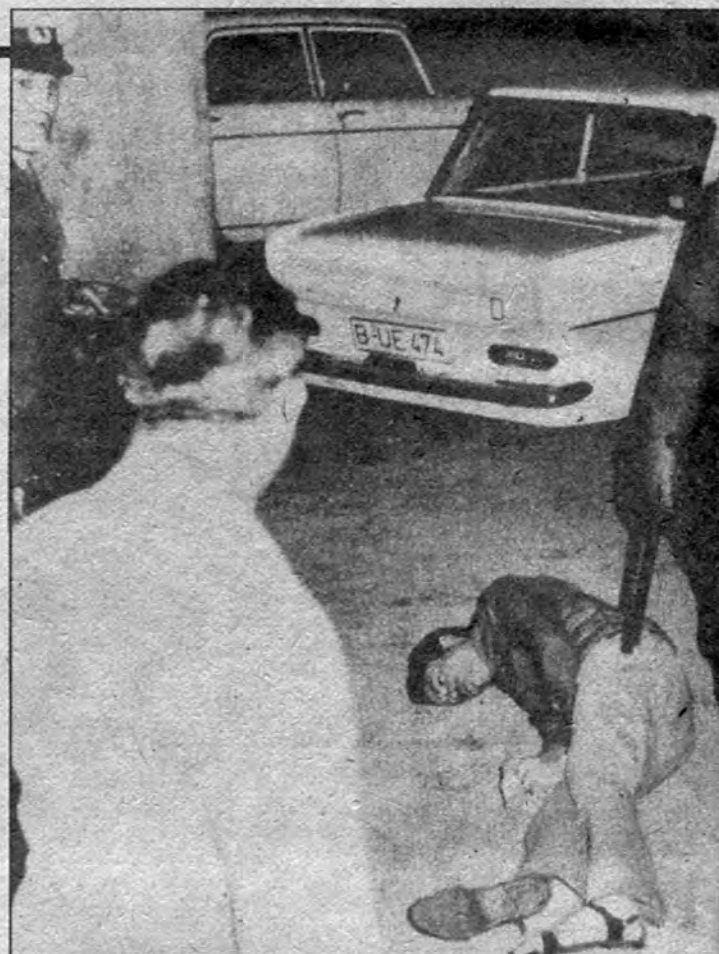
Они быстро сообразят, что привлечь внимание к своим политическим программам без провокаций и применения силы им не удастся. Это и есть первый шаг к террору.

Террористы всегда находят тех, кто будет к ним милостив и снисходителен, кто из всех сил постарается понять их проблемы, если не оправдать, то посочувствовать террористам, упирая на трудное детство или экономические трудности в стране: им скучно, у них нет перспектив, они не знают, как провести субботу с воскресеньем...

Может быть, для тех, кто берется за оружие и начинает убивать, нужно построить интернат с игральными автоматами, где они могли бы славно проводить свободное время?

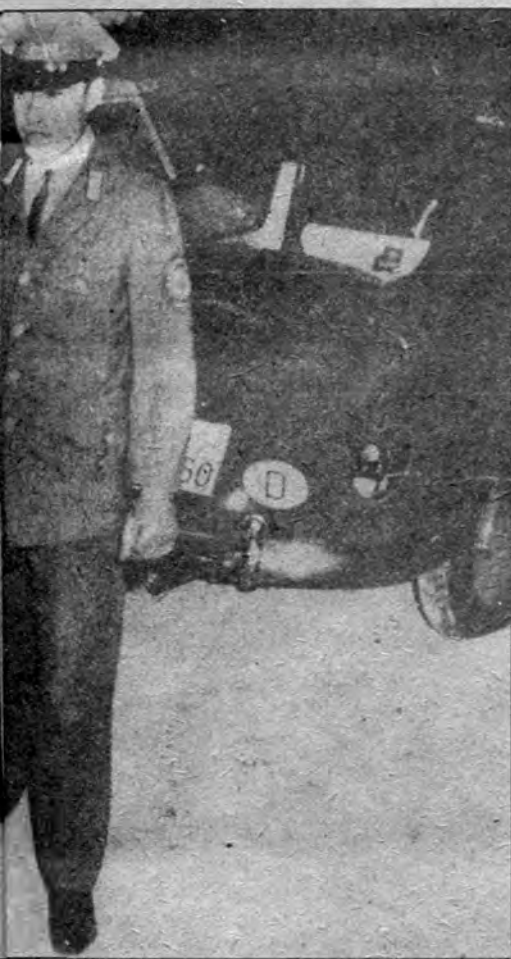
Приходящие в террор люди имеют определенный склад ума. Эти люди презирают нормальную жизнь нормальных людей. Они подчиняются неосознанному стремлению выбить яркие искры из пресной жизни. У них природная тяга к оружию, насилию. Им кажется, что преступления их возвышают.

«Убийство политического врага — не только необходимость, но и долг. Это моральный долг — убить. Именно так вы должны это оценивать», — говорил, обращаясь к

2 июня 1967 года сотрудник криминальной полиции Западного Берлина застрелил студента Бенно Онезорга. На этот выстрел немецкие радикалы ответили целой волной террора

своим соратникам, идеолог западно-германских террористов.

Специалистов хватает

Немецким террористам пришлось ехать в палестинские лагеря, чтобы научиться владеть оружием, обращаться с взрывчаткой, изготавливать поддельные документы и осуществлять громкие акции.

Нашим террористам в этом смысле проще.

Россия полна специалистов по этому делу — ветераны афганской войны, уволившиеся из армии офицеры, бывшие милиционеры, тянувшиеся к нелегальной среде.

Если уголовные, так называемые «заказные», убийства совершаются так умело, то это свидетельствует о том, что и база для профессионального террора тоже есть.

Снять конспиративную квартиру, обзавестись нужными документами, раздобыть деньги — все это не так трудно для умелых людей в современной России. Оружия в стране тоже достаточно.

Россия — не полицейское государство, и организовать учебные лагеря совсем нетрудно. Но уж если есть желание совсем уйти из-под контроля, то можно уехать в Приднестровье, в Абхазию, в Осетию — туда, где местная власть находится в

оппозиции к российскому правительству.

Переговоры с террористами невозможны

Пройдет много времени, прежде чем власть научится справляться с террористами.

В демократической стране власть кажется бессильной перед террором и террористами. Прокуратуру и полицию всегда обвиняют в скандальном бездействии, потакании преступникам.

В борьбе с террором приходится идти на очень многое: и прежде всего во имя собственных убеждений изменять собственным убеждениям.

Бессильное государство лучше безжалостного, считают последовательные либералы. Соображения гуманности исключают жестокость. У государства нет цели важнее, чем сохранение жизни человека.

Есть противоположная точка зрения: безжалостное к террористам государство лучше бессильного, неспособного справиться с террором. Ведь обязанность государства состоит в обеспечении безопасности всего общества как целого.

Переговоры с террористами и выполнение их требований невозможны. До тех пор пока террористы добиваются своего, террор продолжается.

Государство не может позволить террористам шантажировать себя, дать им возможность подорвать политику реформ. Поэтому государство приходится быть сильным и безжалостным.

Вопрос состоит в том, что понимать под силой государства.

За что сын отца пожалел

Есть китайская притча о суровом отце, который часто бил своего сына за различные преступления.

Сын терпел и никогда не плакал. Вдруг однажды во время экзекуции он расплакался. Отец изумился и перестал его лупить:

— Что с тобой?

— Тебя стало жалко, — заливаясь слезами, ответил сын. — Ты стареешь и бьешь меня слишком слабо.

В июле 1924 года молодой национальный социалист Йозеф Геббельс записывает в своем дневнике:

«Нам в Германии не хватает сильной руки... Германия тоскует об Одном, о Муже, как земля летом тоскует о дожде».

Проходит девять лет, нацисты берут власть. Геббельс — один из хозяев Германии. И что же? В его дневнике появляется новая запись:

«Был бы я фюрером, я знал бы, что сейчас делать. Но думаю, что виновных не привлекут к ответственности. Ведь в Германии в общем-то можно делать все, что хочешь. Нет сильной руки — нет и соответствующих мер против подобных преступлений, совершаемых теми, кто не

выполняет своего долга...»

Для национального социалиста достаточно сильной рукой может быть только его собственная рука, которая владыка.

На самом деле сильное государство — это правовое государство, принявшее необходимые законы и создавшее службы, способные эти законы исполнять.

Борьба с террором требует высокой квалификации. Немецкие террористы, казавшиеся неуловимыми, стали попадаться один за другим, после того как уголовная полиция ФРГ создала современный, оснащенный мощными компьютерами центр, обзавелась необходимой техникой и разработала тактику борьбы с террором.

До этого России еще далеко. Наша милиция пока что не способна защитить ни нас, ни себя.

Рисунки Марата Таурова
Фото Петра Новикова
и из журнала «Шпигель» (ФРГ)

Еврейская идея на границе с Китаем.

Галина Ковальская

Почему на Дальнем Востоке? Почему именно здесь, под Хабаровском, по Амуру вдоль границы с Китаем? Почему именно эта площадь, не большая и не меньшая, ведь на ней точно так же никогда не жили евреи, как и на тысячах километрах вокруг?

Никто никогда не найдет ответа, потому что его просто не существует. Даже если предположить, что Сталин уже тогда вынашивал свой план отселить из европейской части страны всех евреев, то все равно ведь это не объясняет, что заставило тысячи еврейских семей сняться с места и отправиться на край света. Голод 1930 и 1933 годов? Комсомольский энтузиазм (многие ехали по призыву партии)? Неумная жажда перемен — черта национального характера?

Самых первопереселенцев уже не спросишь, да и дети-то их, немолодые уже люди, почти сплошь поразъезжались. Сколько там, в Еврейской автономной области, евреев? По переписи 1989 года получалось около 4,5 процента, сейчас, может, процента 3 осталось: все уезжают и уезжают...

В гостях у Фейги Файнман

Бывший колхоз «Заветы Ильича» теперь называется Акционерное общество «Родина».

— А мы по-старому говорим, все «в колхозе» да «в колхозе». А вам кого?

Объясняю, что решила вот здесь, в селе Валдгейм, бывшем в 30-е годы переселенческим центром, — отсюда вырос колхоз, до сих пор считающийся «самым еврейским» колхозом Биробиджана, — поискать кого-нибудь, кто мог бы вспомнить о тех, первопереселенческих, годах.

— Как же, — радостно вскидывается моя собеседница, — вам к Фейге Лейбовне, она здесь с 1931 года, из самых ранних! Вот только я не знаю, сегодня суббота, она в теплицах или уже дома...

Моей спутнице около сорока, она русская, местный агроном. По дороге успевает рассказать, что живет здесь не с рождения, но уже давно, правда, с перерывом:

— На два года пришлось уехать под Мариуполь, там у мужа была работа... Уж так наскучалась, мне все казалось и деревья там не так растут, и петухи не так поют, а люди... да разве можно сравнить!

И вернулась русская семья при первой же возможности из своего Мариуполя в родной Валдгейм в Биробиджане.

Фейгу Лейбовну нагоняем по пути к до-

Город Биробиджан — столица области — лишен национального колорита и в архитектуре

Советский Израиль на Амуре не состоялся. Потомки переселенцев разъезжаются кто в Хабаровск, кто в Москву, а кто и на историческую родину...

му: у нее перерыв, сейчас мы попьем чайку и побеседуем, а потом ей — обратно в теплицы. Только вот рассказывать ей особенно нечего:

— Как жили? Хорошо, весело жили, наше село всегда больше всех пело, плясало. А как работали! Разве сейчас умеют так работать!

Фейга Файнман — знатная колхозница, здесь, в колхозе, выросла, всю жизнь проработала, замуж вышла, детей вырастила. Колхоз посылал ее в Москву на всевозможные «форумы», в Комитет советских женщин. Слова «акционерное общество» она принципиально не выговаривает.

— Фейга Лейбовна, — допытываюсь я, — вы, конечно, еще ребенком были, но, может, в семье говорили, почему поехали-то сюда евреи?

— Да почему евреи? — говорит Фейга Лейбовна. — Все поехали. А потому что

кто-то же должен был здесь колхоз организовывать!

— Так ведь болота сплошные, кому же хочется на болоте?..

— А что ж такого? И болота надо кому-то осваивать. Молодые были, не боялись ничего, о стране своей думали.

и в быту

— Фейга Лейбовна, ведь Валдгейм — это на идиш?

— Да, по-еврейски. А по-русски — дом в лесу.

— Все-таки еврейское было село?

— Да все жили, мы и не смотрели тогда.

— А праздники отмечали?

— А как же? На Первое мая...

— Нет, я не о том: пейсах, пурим...

— Это? Ну, я не знаю, может быть, старики какие... Мы этого не знали.

— А синагога хоть в селе была?

— А зачем? В городе, кажется, есть...

Новое поколение выбирает бизнес

Спрашиваю про свадьбы, про похороны — все та же картина: «комсо-

мольская юность моя...» Не признавали они ни национальности, ни традиций, когда с энтузиазмом ринулись создавать свою советскую еврейскую автономию без следов национальных обычаев, сохраняя разве что язык, и то для порядка.

— А школы были еврейские?

— До четвертого класса учили еврейский — все учили, и русские, и евреи, а потом по-русски. А потом отменили, все стали по-русски учиться...

— А вы, Фейга Лейбовна, идиш не забыли?

— Ну как же, я вот газету выписываю — «Биробиджанер штерн», читаю, чтобы не забывать...

Передовая советская колхозница. Что в ней от ее местечковых предков? Легкий акцент, неповторимая еврейская интонация, беззаветная нерассуждающая преданность идее общего блага.

— Я так считаю, что колхозы — лучше. Что вот Рак со своей мишпухой вышел из колхоза, у них теперь такое, как сказать? — единоличное хозяйство. Ну он собрал урожай хороший — так ведь для себя. Продал — так ведь опять всю выгоду себе. А мы-то всю жизнь продавали государству, чтобы всем доставалось и цены низкие были...

Старший внук Фейги Лейбовны предприниматель, и ее это очень печалит, она прямо-таки стыдится об этом говорить. Старшая дочь и вовсе в Израиле, и, хоть благодаря нынешней пропаганде односельчане и сослуживцы не видят тут никакой измены Родине, по тому, как поджигает губы хозяйка, как старается уверить, что сама дочь уезжать не хотела, а ее чуть не силой увезли зять и его родня, видно, каким тяжелым камнем легло ей на сердце «непатриотичное» поведение дочери.

Да что бы она видела хорошего от своего колхоза? Зарплата при всей заслуженности все равно десять тысяч. Дом у Фейги Лейбовны прекрасный, но построили его с мужем сами, колхоз даже крышу починить не помог.

В этом месте и она, и зашедшая вместе со мной на чаек агроном дружно принимают ругать колхозное начальство, которое всю жизнь только себе норовило запахать и стройматериалы, и всякие блага, и ругают его с таким же энтузиазмом, как односельчанина Мишку, который здесь разбогател на торговле спиртом, потом уехал в Израиль и купил там квартиру, потом вернулся, но тамошнюю квартиру не продал, а сдает ее за доллары, а здесь купил магазин и торгует запчастями, но того и гляди опять укатит.

— И что за люди такие? Как так можно?

Невысокий, коренастый, в высоких болотных сапогах и ватнике, он вышел во двор на собачий лай, отогнал двух подбежавших с желанием поласкаться щенков, прикрикнул на собаку, чтоб замолчала, кивнул приветственно и, не слушая моего жалкого лепета: «Говорили... фермер, сын первопоселенца... хотелось познакомиться», — таким же коротким жестом головы указал на дом:

— Пойдемте.

Фермер Рак и его жена Маша

— А я думала, евреев-фермеров не бывает.

— Видите, вот бывает.

Как идут его дела? Нормально, с первого же урожая купили три комбайна и вернули часть ссуды, в будущем году вернут все остальное. Стоит ли спешить, ведь ссуда дана на 10 лет? Нет, спокойней расплатиться поскорей, мало ли чего еще выдумают.

— Не положено вроде менять процент или вообще правила?

— Да кто смотрит, положено — не положено, что хотят, то и воруют. (Это про все власти на свете, и федеральные, и местные.)

Ему под шестьдесят, бывший председатель колхоза. Собственно, потому и пошел в фермеры, что обиделся: не избрали на второй срок. Сдержанный, скупой на слова, он возбуждается, когда рассказывает о своих столкновениях с нынешним председателем — до сих пор не переговора обиде.

Жена Маша, которая тем временем быстро накрывает на стол («картошечки, грибочков»), высокая, полная, пышногрудая (ее куда естественней было бы встретить где-нибудь на одесском Привозе, а не среди амурских болот — да ведь он как жизнь поворачивается!), вообще уверена:

— Да если бы он не подпоил людей — тебя опять бы избрали!

Она вообще говорит гораздо больше, громче и уверенней, чем ее муж, и он через некоторое время не выдерживает:

— Маша, ты уж сделай-таки кофе!

Председательские связи во многом обеспечили ему фермерский успех.

— Кредит же получить очень трудно, а у меня там знакомые, мне дали.

Другие трудности также преодолевались: с доставкой товаров, с семенами. Но производительность у них в семейном фермерском хозяйстве (кроме Бориса Рака из колхоза с паями выделенных два его брата, два его сына и зять) в три с половиной раза выше, чем в колхозе.

— Землей надо заниматься все время, — назидательно говорит Борис, — а не так, чтобы от случая к случаю.

И тут же ехидно сообщает, что новый-то председатель завел свое малое предприятие и выдаивает колхоз, а колхозники к нему, к Раку, ходят жаловаться. Да только поздно спохватились, он уже свободный человек.

Есть ли антисемитизм в Биробиджане?

— Если не секрет, сколько прибыли в этом году получили?

Очень долгая пауза.

— Нормально получили.

А на прощание Борис с Машей вдруг огорошили меня (дело было накануне референдума), сообщив, что голосовать за Ельцина ни за что не будут, потому что вокруг него все сплошь жулики, и пусть уж лучше придет Руцкой и всех жуликов разгонит. А Фейга Лейбовна вопреки логике и здравому смыслу собралась голосовать за президента — «больше ведь не за кого».

Заходит речь о Руцком. Ничего они про него не знают, кроме пресловутых «11 чемоданов». Вскользь упоминаю, что свою политическую карьеру Руцкой начинал во время выборов в союзный парламент и его активно поддерживали «патриоты». Маша прямо руками всплескивает: «А нам не сказали, мы не знали, нет, тогда лучше уж Ельцин со своими жуликами, это ж, если эти бандиты к власти придут — тогда вообще конец света!»

— А у вас антисемиты есть?

— Нету, — отвечает Борис.

— Как нету, как нету? — вскидывается Маша. — У Василенок мальчик что сказал?

Рассказывают историю, видимо, наделавшую шуму среди еврейской части Акционерного общества «Родина». В школе один третьеклассник прямо на уроке заявил: «Ненавижу евреев и негров!» Тогда его учительница (Таня вообще-то сама русская, — комментирует Маша, — но замужем за евреем, живет со свекровью, рыбу «фиш» замечательно готовит — совсем объевреилась) спросила с характерной еврейской интонацией: «Ну, допустим, негров ты никогда не видел. А что ты имеешь ко мне?» Мальчик смутился: не ожидал такого поворота.

— Он-то думал, что евреи как негры! — со смехом завершает Маша.

Ну вот, уже и поколение в Биробиджане растет, которое не знает, какие из себя евреи!

Конституционная запятая

Все знают, что Еврейская автономная — последняя автономная область. На нее даже указывают как на светлый пример отсутствия амбиций. Все остальные повысили статус и стали республиками. Мало кто заметил, что при всем том Еврейская автономная область уже не пер-

Вот так изображали когда-то труд первопоселенцев. Сейчас в области дыни не выращивают

вый год как вышла из состава Хабаровского края. То есть Хабаровский край очень даже заметил и почитает себя глубоко обиженным.

По хабаровской версии депутаты от области несколько раз поднимали на сессии краевого Совета вопрос о повышении статуса, о выходе из края, но каждый раз получали отпор не только со стороны края, но и от представителей «своих» же районов: Сидовичского, Октябрьского, которые заявляли, что в этом случае сами готовы выйти из Биробиджана.

В версии лидеров Еврейской автономной — их инициатива в процессе отделения вообще минимальна.

— Может быть, на каком-то уровне вопрос и поднимался, но во всяком случае никаких решений, никаких законодательных актов на этот счет нет.

Взаимные претензии перечисляют долго и с обидой.

С одной стороны:

— Мы шестьдесят с лишним лет вкладывали в них средства. Все предприятия, какие у них есть, построены за счет края; их экономика вообще не может функционировать самостоятельно, население это уже почувствовало и радо было бы вернуться обратно в лоно Хабаровского края; процент еврейского населения в области ничтожен, так что никаких оснований для выделения в отдельное образование нет.

С другой:

— Нас шестьдесят лет эксплуатировали как сырьевой придаток, потому и сократилось у нас так катастрофически еврейское население, что у нас нет своих вузов, которые могли бы удовлетворить потребность еврейской и местной русской молодежи в образовании; нигде не записано, каким должен быть национальный состав для существова-

ния соответствующей административной единицы — вон в Хакасии 7 процентов хакасов, так это не смешно, а в Биробиджане — 4,5, так это смешно.

Под шум взаимных претензий, под разговоры о возможном или невозможном повышении статуса руководителей (не говоря уже о жителях) края и области и не заметили, как в числе многих поправок к Конституции возникла заплата между словами: «Еврейская автономная область» и «Хабаровский край». Получилось вместо «Еврейской автономной области Хабаровского края» — «Еврейской автономной области, Хабаровского края». Так что самостоятельный статус стал конституционной нормой без постановлений и решений областных и краевых органов — единственный в своем роде случай.

Ну и как же идут дела у «свободного независимого Биробиджана»? Как везде. Больше всех, разумеется, недовольны «отделением» депутаты Хабаровского крайсовета от самой области: они-то на этом статус свой теряют. Готовы ставить вопрос о пересмотре. Но для такого решения, во-первых, нужен новый съезд (никак иначе Конституцию не изменишь), во-вторых, надо набрать на нем не меньше двух третей голосов. Кое-кто из жителей Биробиджана тоже ропщет, считает, что выделяться из края не следовало — там, дескать, дешевле хлеб и вообще продукты. К слову, в Хабаровске ходят упорные слухи, что жизнь как раз дешевле в Еврейской автономной области. Я разницы в ценах не заметила. Вообще можно понять стремление объяснить ухудшение положения причинами конкретными и ясными: поторопились порвать с краем или, наоборот, позволяют продолжать эксплуатировать область (есть и такие суждения). Разделиться области с краем на деле мудрено: единая энергосистема, да и просто дачные участки жителей Хабаровска сплошь и рядом в Биробиджане.

Добились, что дотации (а область живет на дотациях, как и весь Дальний Восток) идут теперь из Москвы напрямую, а не через руководство Хабаровского края.

На самом деле трудности, с которыми сталкивается сейчас Еврейская автономия, — естественные трудности реформирования сельскохозяйственного региона.

Упадок животноводства из-за дороговизны кормов (Борис Рак доходчиво объяснил, что сейчас скот держат только «для себя», потому что ездить покупать дороже обойдется (до Хабаровска всего 3 часа езды, а стоит 700 рублей поездом), а на продажу — нет, невыгодно). Стремительное вздо-

рожение горючего и техники — и вот уже колхозы и совхозы не в состоянии ее покупать; уникальные гусеничные комбайны — гордость областной промышленности — остаются невостребованными (одного Бориса Рака мало, чтобы обеспечить нормальный спрос, да и южные соседи — китайцы, корейцы — хотя и покупают, но немного). Зато тепличное овощеводство — одна из специализаций региона, — похоже, идет в гору, и не только в фермерских, но и в так называемых «акционерных» (а по сути все тех же колхозно-совхозных) хозяйствах.

Еврей с китайцем — братья навек

Еще одна сложность: сельское население, как и везде, проявляет исключительную пассивность на всевозможных ваучерных аукционах. Хотя на первые аукционы здесь постарались выставить самые стабильные и прибыльные предприятия — не какой-нибудь военный завод, от которого не чаяли, как избавиться, а швейное объединение и леспромхоз. И все равно продали меньше акций, чем рассчитывали.

— То ли люди уже остались без чеков, то ли просто никому и ничему не верят, — сетует Вольф Кац, председатель областного комитета по управлению госимуществом.

Вообще говоря, потенциал у области мощный. Здесь, на сравнительно небольшой территории, есть и нефть, и масса минеральных ресурсов, и мрамор, и цементное сырье, и, конечно, лес — главное богатство всего дальневосточного региона.

Интенсивное освоение всех залежей (говорят, даже следы алмазов в Биробиджане нашли) требует денег, которые Москва в нынешней ситуации, естественно, отстегивать вяло и неохотно. Руководство области очень надеется на статус свободной экономической зоны для привлечения иностранных инвестиций.

В первую очередь ставка, конечно, делается на соседний Китай. Это во всех отношениях желанный партнер: во-первых, территория области вытянута вдоль границы с Китаем, так что Еврейская автономия вполне может претендовать (к неудовольствию Хабаровского края) на первоочередное внимание своего южного соседа. Во-вторых, китайская рабочая сила — если и дороже нашей, то очень ненамного, поэтому китайский интерес не сводится, как это бывает у более богатых партнеров, просто к эксплуатации дешевого труда.

Высвободившись из-под опеки края, Биробиджан на всех парах

рванул навстречу Китаю: только объем перевозок по замерзшему Амуру вырос за год почти в 2,5 раза. Совместные предприятия как грибы растут, и это при том, что область еще не добила всех прав свободной зоны, налоговые льготы в основном получили, а льготный режим въезда-выезда, похоже, в ближайшее время не светит.

Израиль любим пока без взаимности

Однако отношение к этим совместным предприятиям очень неоднозначно и у жителей, и даже в среде областной администрации. Многие пеняют им, что, регистрируясь как многопрофильные, эти предприятия очень быстро сводят всю свою деятельность к перепродаже. И то сказать, куда еще в условиях нынешней инфляции можно вкладывать деньги без риска прогореть? Но вот курирующий внешние связи области Валерий Гуревич готов привести несколько примеров производственных совместных предприятий: в Биробиджане — совместная с китайцами цветная фотография, там же — производство аудиокассет. Особенно перспективны в этом смысле, по мнению Гуревича, небольшие совместные предприятия по селам. Например, по китайской технологии наладили производство соевого масла в совхозе «Самарский». В России вообще не знают такой глубокой переработки сои, как в Китае, — надо учиться, да к тому же они и оборудование ставят.

Очень старается Биробиджан обратить на себя внимание Израиля. Кое-какие израильские фирмы проявляют легкий интерес, но в целом о биробиджанско-израильском сотрудничестве говорить пока не приходится. Китайско-еврейские отношения явно имеют лучшее будущее.

Правда, об одном совместном биробиджанско-израильском предприятии уже договорились, и аж на израильской земле: будут выпекать там по российской технологии ржаной хлеб. Зачем он израильтянам? Не иначе и на бывших наших рассчитано, для ностальгирующих, так сказать.

Еврейская автономия начиналась с общины энтузиастов на месте нынешнего города Биробиджана. Она завершит свое существование — можно предположить — с окончательной ассимиляцией оставшихся, не уехавших евреев. Ничего из этой затеи выйти не могло и не вышло. Но еще одно поколение биробиджанцев будет писать, как написал в «Биробиджанер штерн» один русский рабочий: «Я не скажу вам за весь свой трудовой коллектив...»

БИРОБИДЖАН — МОСКВА

«Прыжки в царство свободы»

Франко недавно умер, и дело его еще живет. Первая годовщина смерти диктатора

Кронид Любарский

Испанцы смогли учесть трагический опыт Второй республики и не повторить его, когда перед ними открылся новый шанс перехода от авторитаризма к демократии. Преодоление наследия франкизма, замена полуфашистского (если не просто фашистского) режима современной демократической государственностью — пожалуй, один из самых впечатляющих эпизодов в послевоенной политической истории Европы.

«Перестройку начала партия»

Франко и его министры впервые осознали необходимость экономических реформ еще в начале 50-х годов, когда выяснилось, что франкистская политика автаркии и изоляционизма обходится стране слишком дорого. С середины 50-х в стране начинают возникать нелегальные оппозиционные организации: рабочие ассоциации, студенческие союзы, либеральные католические группы, на скрытое давление которых власти ответили репрессиями.

В конце 60-х во франкистской политической элите начало зреть понимание необходимости реформ политических. Под влиянием этих «реформистов», стремившихся только к тому, чтобы продлить жизнь режима, придав ему более современный облик, Франко издал серию законов, известных как *Leyes Fundamentales*, Основные законы. Эти законы, общим числом шесть, в большинстве своем представляли собою обновленные франкистские законы 30–40-х годов (Хартия труда, Закон о кортесах и другие). Стараясь объединить эти законы в

**Испания
рассталась с
прошлым
безболезненно.
Удастся ли
это России?**

некую единую квазиконституционную систему, 10 января 1967 года Франко издал седьмой Основной закон, названный «Органический закон государства». Испанская политическая система в соответствии с этим обозначалась как «органическая демократия».

Принц Хуан Карлос де Бурбон и Бурбон был назначен преемником Франко как главы государства, а пост премьер-министра, который до того занимал сам Франко, был передан одному из самых верных и твердых сторонников каудильо адмиралу Карреро Бланко. Казалось, что «престолонаследие» режима обеспечено, но судьба распорядилась иначе. Принц Хуан Карлос, как выяснилось позднее, оказался человеком твердых демократических убеждений, а Карреро Бланко был в 1973 году убит баскскими террористами из организации ЭТА (*Euzkadi ta Azkatasuna*, Родина и свобода). 20 ноября 1975 года скончался и сам каудильо Франсиско Франко.

Внутреннее недовольство положением в стране, выразившееся во все большем влиянии нелегальных и полунелегальных политических и профсоюзных группировок, дополнялось и внешним давлением со стороны международной общественности, а также Европейского экономического сообщества и НАТО, стремившихся интегрировать Испанию в Европу. Тем не менее выбор страны в пользу демократии вовсе не был предопределен.

Твердокаменные франкисты, так называемый «бункер», настаивали на сохранении старой системы в полном объеме. Против реформ были, как ни парадоксально, и крайне левые террористические и сепаратистские группировки, действовавшие по принципу «чем хуже, тем лучше», ибо любая успешная реформа лишила бы морального оправдания само их существование. Влиятельная группировка «реформистских» франкистов стремилась лишь к косметическим реформам, которые могли бы продлить жизнь режима путем обновления фасада.

С другой стороны, в стране действовали влиятельные силы, выступавшие за решительный разрыв с прошлым (*ruptura*). Эти силы включали в числе других компартию, социалистическую рабочую партию и находившиеся под их влиянием профсоюзы, а также региональные группировки в Каталонии и Стране Басков.

Задача короля и других реформистов по выбору оптимального пути была непростой.

Первый премьер-министр, назначенный королем после смерти каудильо, Карлос Ариас Наварро в январе 1976 года объявил программу «реформ сверху». Разрешалось проведение политических собраний доселе нелегальных политических партий (за исключением коммунистов) при условии уведомления властей за 72 часа. Допускались — в разрешительном порядке — уличные демонстрации. Вводились небольшие изменения в систему формирования кортесов и в структуру ряда государственных учрежде-

Окончание. Начало в № 20/93.

ний. Однако, например, система государственных франкистских профсоюзов — «синдикатов» осталась совершенно нетронутой. Это было все, на что были согласны «реформистские» франкисты.

Темная лошадка Суарес

Такие «реформы» никого не удовлетворили. Как всякие полумеры, они лишь обострили ситуацию. Партии, технически оставаясь нелегальными, начали вести свою деятельность все более и более открыто. Участились и усилились забастовки, хотя они тоже оставались запрещенными.

Хуан Карлос ответил на это назначением в июле 1976 года нового премьера, малоизвестного бюрократа из франкистской администрации Адольфо Суареса, — назначением, которое вызвало всеобщее недовольство. Мало кто в то время догадывался, что именно незаметному Суаресу совместно с королем Хуаном Карлосом предстояло стать могильщиком франкизма.

Уже в сентябре 1976 года Суарес представил пакет своих реформ, который явился результатом интенсивных консультаций между правительством и оппозиционными силами. Нигде в предложенном законе не шло речи об отмене франкистских Основных законов. Более того, сам пакет реформ был назван восьмым Основным законом, чем подчеркивалась преемственность с франкистским режимом. Правда, закон имел и подзаголовок: *Ley para la Reforma Política*, Закон о политической реформе.

В законе провозглашался — без особой конкретизации — ряд демократических принципов: суверенитет народа, верховенство закона, нерушимость основных прав человека и так далее. В неявной форме признавался политический плюрализм. Кортесы, до тех пор находившиеся под практически полным контролем исполнительной власти, преобразовывались в двухпалатный парламент, где лишь несколько членов сената назначались королем, а все прочие депутаты избирались прямыми выборами. Большая часть власти, принадлежавшей каудильо, передавалась короне.

Этот переходный закон был в декабре того же года вынесен на референдум и одобрен большинством в 94,2 процента.

Отталкиваясь от этого закона, правительство Суареса в первое полугодие 1977 года сделало еще несколько важных шагов в политической реформе. Был принят новый избирательный закон, легализованы политические партии, объявлена амнистия политическим заключенным, предварительно были признаны некоторые требования со стороны региональных группировок. Кульминацией этого явилось назначение на 15 июня 1977 года первых за сорок лет свободных выборов в Испании.

Генерал Франко был человеком осторожным. С Гитлером он встречался лишь однажды, в мировую войну не вступил и первым задумался о «перестройке»

Стратегия, избранная и осуществленная королем, Суаресом и лидерами оппозиции, пожалуй, не имеет себе аналогов. Прикрывая демократические шаги авторитарной формой, они сумели нейтрализовать потенциально опасных политических экстремистов как справа, так и слева. Рамки франкистских Основных законов были использованы для «легального» разрушения франкистской же системы. Одновременно с этим отдельные демократические институты (выборы, свобода прессы) были использованы для утверждения демократической системы. Этот процесс, соединивший видимость авторитарной легальности с реальностью демократической практики, без риска нарушения стабильности, получил название *autogiratura*, что по-русски звучит не очень удачно: саморазрыв — то есть добровольный разрыв с прошлым.

«Процесс пошел»

К моменту смерти Франко в стране была лишь одна легальная партия — Национальное движение, служившая лишь ширмой для личной диктатуры каудильо. Ее авторитет даже среди ее собственных членов был крайне низок. После смерти Франко выход из подполья нелегальных оппозиционных группировок и появление новых нарастали как снежный ком. В 1976 году уже более 200 политических групп претендовали на звание партий.

Среди них были старые, исторически признанные как партии — коммунисты и социалистическая рабочая партия, — а также зародышевые организации, которые впервые выступили как настоящие партии лишь на выборах 1977 года. Среди этих новорожденных партий наиболее влиятельными были Народный альянс — коалиция шести правых партий во главе с соратником Франко Мануэлем Фрага Ирибарне и Союз демо-

кратического центра — правоцентристская группировка умеренных либералов и умеренных консервативов, руководимая самим Суаресом.

Именно Союз демократического центра и получил на выборах наибольшее количество мест — 165. За ним следовали социалисты со 118 депутатскими мандатами. Прочие партии получили значительно меньше: коммунисты — 20 мест, Народный альянс — 16. Региональная каталонская партия завоевала 16 мест, а баскская — 8. Десять мест пришлось на долю всех остальных.

Сначала не было полной ясности даже в том, что именно явилось результатом выборов: «регулярный» парламент (кортесы) или «чрезвычайное» учредительное собрание, единственной задачей которого являлась бы выработка и принятие новой конституции. Либералы и левые выступали за последний вариант, но в конце концов победила точка зрения Суареса и возглавляемого им Союза демократического центра: с принятием конституции собрание будет продолжать действовать уже как парламент.

Парламент с самого начала выработал довольно сложную процедуру разработки и принятия конституции, а также установил для этого сроки, которые, надо сказать, довольно жестко выдерживались.

Первоначальная разработка проекта была поручена парламентскому подкомитету по делам конституции, куда вошли представители крупнейших партий: три представителя Союза демократического центра и по одному от социалистов, коммунистов, Народного альянса и каталонской партии. Их партийные платформы были заранее опубликованы и подверглись оживленному обсуждению. 22 августа 1977 года подкомитет приступил к интенсивной работе, которая длилась по апрель 1978 года. Она проходила в обстановке строгой секретности — лишь

Взрыв бомбы, уничтоживший адмирала Карреро Бланко, лишил «бункер» одного из его сильнейших лидеров

однажды в ноябре произошла большая утечка информации, вызвавшая бурную дискуссию в прессе. В конце концов под предварительным проектом конституции поставили свои подписи все семь членов подкомитета.

С мая по июнь 1978 года парламентский комитет по делам конституции и гражданских свобод в составе 36 членов изучал предварительный проект и, внося в него бесчисленное множество поправок, принял окончательный проект конституции. В июле он поступил на пленарную сессию парламента, где после месячных дебатов и был одобрен подавляющим большинством голосов.

Из нижней палаты проект был передан в конституционный комитет сената, где к нему было предложено еще более тысячи поправок. После этого в сентябре-октябре проект обсуждало и вносило поправки полное присутствие сената, которое наконец тоже его одобрило.

Однако сенатские поправки потребовали нового согласования с нижней палатой, для чего и был создан объединенный конституционный комитет, успешно завершивший свою работу за две недели. 31 октября 1978 года раздельным голосованием палат окончательный проект конституции был принят. В нижней палате за него проголосовали 325 депутатов при шести против и 14 воздержавшихся, в сенате — 226 (против пять при восьми воздержавшихся).

6 декабря 1978 года на общенациональном референдуме испанцы с энтузиазмом одобрили конституцию: 87,9 процента «за» (что составило 59 процентов от списочного состава избирателей) при всего лишь 7,8 процента «против». 27 декабря конституцию подписал король.

Великое слово «консенсус»

Успешная разработка и принятие

конституции в послефранкистской Испании стали возможными в первую очередь благодаря тому, что они велись на основе консенсуса. Слово «consenso» стало в эти дни и месяцы в испанской прессе наиболее часто употребляемым термином. Оно означало новую для страны форму политических переговоров на основе широких межпартийных коалиций. Consenso включало в себя и использование для достижения согласия всех возможных средств — переговоров тайных и публичных, парламентских и внепарламентских, индивидуальных и групповых.

Однако термин «consenso» обозначал не только способ ведения переговоров. В Испании он применялся и для обозначения так называемой «коалиции консенсуса», ставшей наиболее успешной политической силой того времени. Эта коалиция включала в себя суаресовский Союз демократического центра, социалистов, коммунистов и каталонскую партию. На разных этапах к ней присоединялись и иные партии. Были периоды, когда в коалиции возникали серьезные разногласия и даже раскол — например, в конце первого этапа переговоров в парламентском подкомитете. Но в целом «коалиция консенсуса» испытание выдержала с честью.

Достигнуть консенсуса было не легко. Достаточно привести несколько примеров, насколько расходились позиции участников переговоров в начале процесса. Так, Союз демократического центра и Народный альянс выступали за парламентскую монархию, а все прочие партии — за республику. Эти же две партии выступали против допущения возможности национализации собственности, а прочие партии — за такую возможность. По первому из этих вопросов демцентр и Народный альянс настояли на своем, по второму уступили.

По важнейшему для Испании вопросу о роли церкви (вспомним, как решали его во Второй республике) те же демцентр и Народный альянс выступали за сохранение официальных или полуофициальных отношений между церковью и государством, остальные же партии — за полное отделение церкви от государства. В результате конституция номинально отделяет церковь от государства, но признает особое положение католической церкви.

Труднее всего далось решение территориального вопроса. Наиболее непримиримо выступали Народный альянс, требовавший строго унитарного государства, и баски, настаивавшие на предельно широкой автономии. В результате их крайние позиции привели лишь к сплочению «коалиции консенсуса», что и позволило достигнуть компромисса. Впрочем, если в вопросе о балансе властей были выработаны ясные и хорошо работающие формулы, то территориальная формула звучит довольно двусмысленно и потенциальные возможные конфликты сохраняются. Однако другой исход — жесткая, односторонне догматическая формула — еще более осложнил бы проблему. Такова обратная сторона медали — за компромиссы приходится платить политическую цену.

Что же сделало возможным успешное достижение конституционного консенсуса, который во Второй республике оказался немислимым? Конечно, сыграли свою роль глубинные социально-экономические и культурные изменения в испанском обществе. Возникновение большого и разнообразного среднего класса разрядило многие острые общественные конфликты 30-х годов. Тенденции к секуляризации совместно с изменением ценностной ориентации самой католической церкви смягчили остроту клерикальной проблемы. Однако наряду с этим невозможно переоценить роль, которую сыграла испанская политическая элита, сумевшая извлечь уроки из собственного опыта и из изменившейся политической обстановки. Немалое значение имела и смена поколений. Поколение политиков, воспитанное гражданской войной, постепенно сошло со сцены и заменилось тем, что выросло в эпоху франкистского «застоя». Даже компартия под руководством Сантьяго Каррильо сумела включиться в процесс выработки консенсуса и иногда была более уступчива, чем социалисты. Так, коммунисты-парламентарии голосовали за восстановление монархии на постоянной основе, в то время как социалисты по этому вопросу воздержались.

В результате Испания имеет одну из самых эффективных и демократических конституций Европы. Кое-что из нее не мешало бы позаимствовать и нам, например, решение вопроса о гражданстве (я писал об этом в №5 журнала за этот год).

Франкистское прошлое для Испании — это действительно прошлое.

Сказка — ложь, да в ней намек

Пора завершать наш затянувшийся обзор и подвести некоторые итоги. Мне кажется, что как положительный, так и отрицательный опыт конституционного строительства в государствах, расстающихся с авторитарным или тоталитарным прошлым, позволяет сделать следующие выводы.

Трудно надеяться на принятие демократической и эффективно работающей конституции в стране, общество которой находится в кризисе. Конституция, разумеется, должна направлять жизнь общества, но делать это она может только в том случае, если в ней зафиксированы реальные тенденции и нормы, устоявшиеся в этом обществе. Расколотое общество, общество в состоянии брожения, в стадии становления, не создаст действенной конституции, а создав, не будет по ней жить.

Создание конституции требует, чтобы имелись в наличии и создатели — представительные партии, отражающие интересы весомых общественных групп, а также политическая элита, выдвинутая этими партиями, которая могла бы реально взять на себя бремя конституционного творчества.

Выработка эффективной конституции невозможна в условиях диктатора одной, пусть даже и убедительно победившей, стороны. Конституционное творчество — это всегда компромисс, ибо компромисс между законодателями — это одновременно и компромисс между различными социальными слоями общества, условие гражданского мира. Без достижения консенсуса конституционное творчество невозможно.

Конституция нового государства, приходящего на смену прежнему, тоталитарному или авторитарному, требует для своего принятия новых структур, представительного корпуса законодателей, избранного для этой цели взамен прежних, обслуживавших отживший режим. Прежде чем строить новое здание, должна быть освобождена строительная площадка.

Поэтому мне кажется, что все представленные сейчас на обсуждение проекты конституции будущей демократической России — президентский, «румянцевский», сиречь от Верховного Совета, и все иные альтернативные проекты — страдают одним фундаментальным недостатком: они претендуют стать именно конституциями, тогда как самое большее, на что они могут претендовать, — это на роль временного конституционного закона.

Совершенно ясно, что будущая Россия еще только начинает формировать свое лицо, определять свои непреложные ценности. Любая конституция, которая сейчас кажется

Король Хуан Карлос решительно повернул Испанию к демократии

идеальной, — неважно, будет ли это президентская или «верховносоветская» конституция — самой логикой исторического революционного развития обречена на быстрое старение. Через три-четыре года она будет так же напоминать лоскутное одеяло, как и нынешняя. Если же в новую конституцию будут введены положения, предельно затрудняющие внесение в нее поправок, не в пример конституции действующей, то это, пожалуй, еще более ухудшит положение: мы будем вынуждены жить по конституции, которая безнадежно отстала от реальности, как жили в послереволюционные годы португальцы, «строившие социализм».

Принимаемый сейчас конституционный закон должен иметь открытый переходный характер и быть ориентирован именно на процесс институциональных изменений в стране во всех сферах жизни. Он призван обеспечивать деятельность властных структур, способных проводить такие изменения. Важной составной частью его должен быть закон о выборах на многопартийной основе. В самом конституционном законе должны быть указаны четкий механизм и сроки прекращения его действия (скажем, через три года), а также ясный способ принятия постоянной, стабильной конституции.

Принципиально важным является и вопрос о том, кто должен принимать такой конституционный закон — даже если он будет иметь только временный характер. Ни в коем случае это не может быть нынешний съезд или порожденный им Верховный Совет, оставшиеся нам в тяжелое наследство от рухнувшей советской власти. Самодискредитация этих органов достигла такой степени, что об этом нельзя уже даже и говорить, настолько это очевидно каждому. Шаги, предпринятые Верховным Советом после референдума по противодействию экономической

реформе, удушению средств массовой информации и ликвидации последних следов разномыслия в своих рядах, убедили, надо полагать, даже тех, у кого еще оставались какие-то иллюзии. Последнюю точку поставила позиция Верховного Совета в связи с первомайским побоищем, когда он фактически солидаризовался с убийцами и штурмовиками.

Неудовлетворительно и предложение президента поручить принятие конституции некоему неопределенному собранию «субъектов федерации». Совершенно неясен способ формирования этого собрания, который президент полностью передоверил самим «субъектам» («хотите избирайте, хотите назначайте, в общем, решайте сами»). При таком подходе велика вероятность, что и это собрание окажется собранием «бывших», воодушевленных одним желанием — удержать ускользающую власть. Я уж не говорю о том, что сами «субъекты федерации» остались нам в наследство от советской власти и «ленинской национальной политики» и плохо отражают нынешние геополитические, экономические и этнические реалии.

Видимо, трудно предложить что-либо иное, нежели принятие конституционного закона учредительным собранием или составом временного парламента, избранного на основе нового избирательного закона, который надлежит срочно разработать. Мысль эта высказывалась уже неоднократно — настолько она очевидна и носится в воздухе.

Способ принятия конституции — вещь не формальная: он неизбежно определяет и характер самой конституции. Всякое изделие несет на себе печать мастера. Спешить с принятием новой конституции действительно нужно, но поспешать надо осторожно. Любой ложный шаг по «собственному пути» может тяжело отозваться уже в недалеком будущем.

Жизнь без смога, но с «лотерейными билетами»

Письмо из Тбилиси

Центр города — полуразвалины-полустройплощадка

Я начал писать это письмо 9 апреля. В день траура. Еще накануне предупреждали, что будет рабочий день, а потом парламент внутри себя посовещался и, как видно, решил: траур так траур! Хотя ничего такого скорее всего не будет, ожидается очередное накручивание несколько ослабшей и подржавленной пружины всеобщей истерии. Будет, разумеется, помпезное шествие со склоненными знаменами, черными повязками, возложением цветов и произнесением зажигательных речей (хоть бы дождь пошел!). Будет митинг. Как испохабил хорошее английское слово. В нашем смысле это, по Мерабу Мамардашвили, пространство, освобождающее от мышления и совести и еще от кучи всяких «дурацких» вещей.

УЛИЦЫ ПУСТЕЮТ С НАСТУПЛЕНИЕМ ТЕМНОТЫ: даже в центре ходить по ним тревожно и неуютно. И опасно. Почти ежедневно слышишь: еще кого-то ограбили, кого-то убили.

Милицейские посты и гвардейцы с автоматами на улицах — картина обычная.

**Жители
грузинской
столицы
устали от
политических
дебатов, даже
абхазская
война не
слишком
занимает их
умы. Чем
заполнены
будни
тбилисца?**

Скромно в сторонке — цистерн, чим под охраной двух-трех м «форме» — маскировочных ком или робах цвета хаки. Эти ору не держат — они лица частны для охраны бензина и выручки. оставляют на сиденьях «жигуля того рядом.

ЦИСТЕРН С БЕНЗИНОМ РОДУ ВРОДЕ МНОГО, И ОНИ СТАИВАЮТ — возле каждой большая очередь в две-три легк

Но самих легковушек на ул гораздо меньше. Просторно на т улицах, хоть вдоль ходи, хоть по дземные переходы скоро будут зины переоборудовать, а то он растут. Воздух какой чистый! С рошо знакомая черная полоса н — исчез. Перестали дымить мн ные теплоэлектроцентрали и автобусов очень мало, раз в пят чем раньше. Ибо на грязных стерн с горючим крупно мелом цена: 150 рублей за литр. Авт как увидит, шарается в сторо в гараж, на прикол.

Зато в троллейбусах давка ст со стонами, воплями и костоло часы пик — они тут стали каки

«Общее отношение к абхазской войне — непонимание, недоумение...»

ные: утренний начинается после одиннадцати и плавно, без перерыва, переходит в вечерний, а с пяти начинает спадать, — в часы пик пассажиры на троллейбусах висят гроздьями в обеих дверях, и сзади, и даже на крыше изредка сидят.

Меня пока выручают вес и сила — ездить-то надо. В последний год понаотмерял я по городу такие концы — раньше не поверил бы.

В метро тоже давка такая, что скоро по примеру японцев надо будет нанимать студентов покрепче — запикивать пассажиров в вагоны. И сейчас уже из динамиков вслед за формальным: «Осторожно, двери закрываются» раздается раздраженный и очень неформальный голос: «Отпусти двери! Сколько можно стоять?!» А после того как недавно сгорело здание управления метрополитена с диспетчерской, поезда стали ходить как бог на душу положит. Интервалы больше десяти минут, а бывают и по двадцать с лишком.

В ТРАНСПОРТЕ ПОМИМО ГРУЗИИ И ВЫЯСНЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ разговоры на темы исключительно бытовые. Политические дебаты канули в Лету. Сократились до пары обязательных безрадостных замечаний в безнадежном тоне. Даже об абхазской войне — так, иногда потолкуют, обсуждая последние события.

О странной абхазской войне и говорить не хочется. Приезжал недавно оттуда парень — он там с первых дней. Войка, дослужился до командира бригады. Так он жаловался: не пускают, говорят, нас за Гу-

мисту (там это речка «пограничная» между воюющими сторонами). Не пускает свое же начальство. Только, говорит, сунемся, сейчас же пальчиком грозят: пожалуйста обратно.

И все же главное тут, что никто ничего не понимает. Ни для кого уже не секрет, что «на той стороне» русские воюют, — и все равно события ни в какую логику не укладываются. Странно как-то «рука Москвы» действует. Дело, наверное, в том, что рука не одна и не две, а орудует там кто-то многорукий и к тому же безголовый, многочисленные руки действуют сами по себе. Так что общее отношение к абхазской войне — непонимание, недоумение. Плюс трупы.

НА РАБОТЕ ДАЙ БОГ ЕСЛИ ЧЕТВЕРТЬ СОТРУДНИКОВ ЕДИНОВРЕМЕННО ПРИСУТСТВУЮТ НА МЕСТЕ. Судя по всему, так происходит повсюду, не только в наших академических кругах, но и на предприятиях. Работы нет, зарплату не платят по три-четыре месяца. Кое-кто еще работает, если разживется необходимым: реактивами (у нас), сырьем (на заводах).

Недавно говорил с заместителем директора большой фармацевтической фабрики: по его словам, в цехах из девятисот рабочих осталось меньше сотни, да и тем делать нечего. Мы сползаемся часа на два-три, обмениваемся новостями и разбредаемся кто куда. О некоторых мне только гадать приходится, на что они существуют.

В последние дни обстановка не-

сколько оживилась с появлением новой игрушки — купонов, с ходу окрещенных «лотерейными билетами» (очень похожи). Народ язвит, конечно, по этому поводу, обшучивает купоны как только может. Однако принимают безоговорочно повсюду, почти во всех коммерческих лавках по полному весу, один к одному. Несколько раз на рынке слышал зажигательные патриотические речи — их произносили покупатели, если продавец отказывался принимать купоны. Но и от продавцов — «Как не приму? Это же наши грузинские деньги! Обязательно приму!» — тоже слышал не раз. Говорят, что, если эта обстановка продержится хотя бы две-три недели, можно считать, что смена валюты прошла вопреки ожидаемому с минимальными потерями.

Несколько дней назад в самом центре города наткнулся на столлик. За столликом — два молодых бородача, на столлике — списки, вернее, разграфленные листы, а на стене, за спиной у бородачей — большой рукописный плакат. Народно-демократическая партия проводит сбор подписей сторонников проведения референдума по трем вопросам. Первый: «Считаете ли вы, что в Грузии необходимо ввести чрезвычайное правление с передачей всей полноты власти Шеварднадзе?»

Между прочим, кому ни рассказывал, почти все реагировали одинаково: «Правильно! Где это они сидят? Схожу подпишусь». Я пока воздержался.

ЕДИНСТВЕННОЕ МЕСТО, ГДЕ МОЖНО СЕЙЧАС НАЙТИ

РАБОТУ и даже получать более-менее пристойную плату, — это всевозможные военные, околвоенные, полувосенные и милитаризованные организации.

Сколько-нибудь четкой и единой структуры не просматривается. Ориентир — даже не столько ведомство, сколько личность в ведомстве: отряд, группа, служба такого-то при министерстве обороны, при разведке, контрразведке, погранохране и еще где-то. Сами «личности» сильно похожи друг на друга, все сравнительно молодые, в службах охраны порядка во втором поколении (папы уже на пенсии), прошедшие выучку — часто в России или даже в Европе. Они набрали себе по 300–500 человек, порой неплохо обученных и относительно дисциплинированных.

ЕЩЕ ТАКАЯ ЗАБАВНАЯ НОВОСТЬ. СОЗДАЕТСЯ ОБЩЕСТВО ПО ЗАЩИТЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГРУЗИИ. И вроде бы российское правительство уже выделило этому обществу весьма изрядные суммы и освободило от таможенных поборов.

Я было задержался: в обстановке повального идиотизма с кого-нибудь станет даже такой бред — завозить, к примеру, продукты питания и продавать их по льготным ценам гражданам с русскими фамилиями. Тут можно спровоцировать такие антирусские настроения! А их сейчас в Грузии, между прочим, нет. Совсем нет. И все попытки создать их (имею в виду массовые) население просто проигнорировало.

Меня в Москве в былые годы тоже могли при случае обозвать черно... Однако считать это антигрузинскими настроениями я бы не стал. Тут это, пожалуй, на еще более низком уровне.

Меня успокоили. Общество создается под крылышком у Шеварднадзе и будет использовано как средство обойти свои же собственные препоны в торговле.

МНОГИЕ ВОКРУГ УЕЗЖАЮТ ЛИБО СТАРАЮТСЯ УЕХАТЬ. Кому повезло, те в Штаты или в Израиль. А кто национальностью не вышел, те поближе, в это самое «ближнее зарубежье». Русские (и русскоговорящие) тоже стараются уехать. В России и зарплата вроде выше, и цены ниже, и для частной инициативы простора больше.

Вчера заходил И. Он примеривается отчалить на северные равнины. Жена у него русская, да к тому же дочь военнослужащего, так что они пойдут как беженцы и вывозить их будут вояки. Я для проверки его спросил, есть ли в Грузии антирусские настроения. Он ответил: есть, ярко выраженные, и на официальном уровне, хоть и негласно, и на бытовом. Я поинтересовался, в чем выражаются «официальные-негласные».

Он объяснил так: например, официальное заявление на русском языке в учреждении у тебя могут не принять. Вот так.

...ХОЛОДЕНЬ КАКАЯ С ЭТИМ ДОЖДЕМ ПРИШЛА! Пришлось включить камин. Он нас (вернее, они — их у меня два, большой и маленький), так они нас всю зиму спасали, ибо, что такое центральное отопление, мы несколько подзабыли в этом году. И что такое «горячая вода из крана» тоже. Мылись и моемся из ковшика, ведрами нагревая воду на плите. Процедура зимой не из самых приятных, так как в ванной, несмотря на все усилия, было порядочно холодно.

По-новому купаемся. Новые принципы приобретения продуктов (в хлебной очереди отстоять два часа с непривычки трудно), новые темпы — чтобы уж точно не опоздать на лекцию, из дома надо выходить за полчаса, а раньше такая дорога занимала не более 45 минут.

У НАС ТЕПЕРЬ ТРОЛЛЕЙБУСЫ ХОДЯТ ТАБУНАМИ: минут тридцать-сорок (и больше) — ни одного, а потом сразу пять-шесть штук кряду. Водители говорят, что боятся в одиночку ездить. Так что там, где раньше быстрее было доехать, теперь быстрее дойти.

Ухудшение условий естественно вызывает дискомфорт. Но, на мой взгляд, еще больший дискомфорт вызывает собственно изменение уклада жизни. Надо прилаживаться по-новому, перелаживаться. У кого-то приспособляемость лучше, кто-то лучше расчухивает и запоминает новые условия игры, кто-то хуже.

Мотаясь по разным делам по городу, проезжая через центр, все еще не могу привыкнуть — отвожу глаза. Конец проспекта Руставели и правая сторона площади Свободы — полуразвалины-полустрой-площадка. Дом правительства только закончили восстанавливать — сменили всю мраморную облицовку, изъеденную пулями и осколками, восстановили колонны (две были разрушены, висели на арматуре). Теперь шлифуют гранитный цоколь. Рядом отстраивают здание Первой школы, уже стены начали поднимать. А за ними на целый квартал, метров на 150 вверх по склону — груды обломков, огрызки стен... Влево от Дома правительства чудом уцелевший Воронцовский дворец и универсам со станцией метро, а дальше выгоревший остов старого здания штаба Закавказского военного округа и снова развалины до конца площади.

По другой стороне — Дом художника уже полностью разобрали и место расчистили; собор Кашвети, как оспой переболевший, и почерневший скелет гостиницы «Тбили-

си». Напротив — такое же совершенно выгоревшее здание министерства связи, от него только фасад остался.

У М. НЕДАВНО БЫЛО ПРИКЛЮЧЕНИЕ В НОВОМ, ТАК СКАЗАТЬ, СТИЛЕ. Шла она домой и неосмотрительно несла пакет с мясным фаршем (или котлетами — не помню точно). Пакет был не полиэтиленовый, промок и пах мясом. Местная стая бродячих собак взяла ее в оборот, благо было уже темно и, следовательно, пусто. Покусать не покусали, а вот одежду порвали изрядно, пока она не догадалась отдать пакет.

Этих барбосов развелось по городу великое множество. Попадают вполне породистые особи. Сбиваются в стаи. Агрессивность растет пропорционально голоду. Не так давно троица таких разбойников на моих глазах буквально на лету схавала куренка. Чистая работа. Первый п прыжке захватил куренка в пасть, остальные двое наскочили с боков и одновременно отхватили все, что осталось вне пасти. Хозяин, заоравший было, даже поперхнулся от такой молниеносности, постоял, плюнул и только рукой махнул. Тем более что псы тут же испарились.

Откуда куренок? Тоже веяние времени. Повсюду, где только можно, сооружаются курятники и грядки. Даже в центре города, по дворам, проулкам, прямо под окнами. Грядки и курятники ограждены и армированы стальной сеткой на арматурных прутьях — от собак, и не только от них.

В том же проулке, где погиб куренок, есть еще одна достопримечательность. Представь себе вольтер для хищника, размером с небольшой гараж. Сварная решетчатая конструкция из арматуры толщиной в палец. Внутри натуральный «жигуль». Такой «гараж» не предохраняет от дождя и снега, в нем нет приспособлений для ремонта, полук с инструментами и запчастями — ничего такого, только крепкая решетка с замком. Как в зоопарке. Можно сунуть палку в бампер или предложить булку с солидом. А он тебе «Р-рр!»

РЕШЕТКИ — ЕЩЕ ОДНО ВЕЯНИЕ ВРЕМЕНИ. Зарешечено все — окна первых этажей, часто вторых и последних этажей, витрины. Хорошо если только витрины, иной раз еще одна решетка с окопешком отделяет покупателя от прилавка. Коммерческие киоски в запертном виде смотрятся как доты. В любом подъезде половина дверей — как от сейфов. На каждой — не менее трех замков. Больше семи я тоже пока не встречал.

Давид Долидзе
ТБИЛИСИ

КРЕЙТ

*Профессиональные системы,
доступные всем*

- КОМПЬЮТЕРЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ СЕТИ
- КОМПЛЕКТУЮЩИЕ И МИКРОСХЕМЫ
- РЕМОНТ И СЕРВИСНОЕ
ОБСЛУЖИВАНИЕ
- УСТРОЙСТВА SCSI
- ВИДЕОСТУДИИ
ВЕТАСАМ SP,S-VHS
- ВИДЕОКАССЕТЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ФОРМАТОВ

(095) 212 - 21 - 37

- КОМПЬЮТЕРНАЯ
ГРАФИКА
- ВИДЕОРЕКЛАМА

С.-ПЕТЕРБУРГ

FAX: (812) 312-4312

TEL: (812) 311-1301

HEWLETT
PACKARD

SONY®

adaptec

Quantum

Commodore AMIGA

АВТОМОБИЛИ АМЕРИКАНСКОЙ ФИРМЫ

"Jeep"

СИФ Санкт-Петербург
в Москву дополнительно 200 \$

Jeep "Wrangler"

4 цилиндра-двигатель 2,5 л., ручная трансмиссия, мягкий отбрасывающийся верх, задние сиденья отбрасываются.

Цена - 16150 \$

Дополнительное оборудование:

пластмассовый верх - 600 \$

кондиционер - 750 \$

магнитофон/радио - 200 \$.

Jeep "Cherokee" Base

6 цилиндров - двигатель 4,0 л., автоматическая трансмиссия, магнитофон, 5-е колесо в салоне.

Цена - 20100 \$

Дополнительное оборудование:

кондиционер - 750 \$

задний стеклоочиститель

и обогрев стекла - 400 \$

кожаные сиденья - 1200 \$.

Возможен вариант с ручной трансмиссией - цена ниже на 700 \$, но срок поставки увеличивается на 45 дней.

Jeep "Cherokee" Sport

6 цилиндров - двигатель 4,0 л., автоматическая коробка передач, магнитофон, заднее колесо в салоне.

Цена 20900 \$

Дополнительное оборудование:

кондиционер - 750 \$,

задний стеклоочиститель

и обогрев - 400 \$,

кожаные сиденья - 1200 \$,

электрически открывающиеся

окна и дистанционное открывание

дверей - 600 \$

Jeep "Grand Cherokee" Base

6 цилиндров - двигатель 4,0 л., автоматическая трансмиссия, магнитофон/радио, кондиционер, электрические окна и двери, задний стеклоочиститель, противоугонная система, дистанционное открывание дверей.

Цена - 26800 \$

Дополнительное оборудование:

кожаные сиденья - 1200 \$.

Jeep "Grand Cherokee Limited"

Включено все дополнительное оборудование за исключением 8-цилиндрового двигателя - 5,2 л. - 800 \$.

Цена - 31900 \$.

На все модели "Jeep" берется дополнительно 150 \$ за цвет "Metalik".

ФОРМА ОПЛАТЫ: стопроцентная предоплата.

Срок поставки - в течение 45 дней после оплаты.

Черный, белый, красный - цвета, за которые не надо платить 150 \$.

Телефон для справок: (095) 281-49-69

Меморандум

Всем, кто в этом заинтересован

21 марта 1993

Редакция получила письмо из Америки. Без обратного адреса. И без подписи. Обнаружить автора нам не удалось. Единственное, что нам стало известно в ходе поиска, — это что анонимные размышления, которые мы сегодня печатаем, имеют широкое хождение в высших эшелонах американского истеблишмента. Нас они заинтриговали. Надеемся, что заинтересуют они и наших читателей. Мы заранее просим у них прощения за, быть может, не очень точный перевод выражения «the policy of engagement» как «политика со-участия». Это на совести наших переводчиков. Все остальное — на совести анонимного автора.

Как сделать российскую демократию необратимой

Необходимость нового видения

Президент Клинтон как будто бы смело принял «острейший, по словам Ричарда Никсона, внешнеполитический вызов нашего времени». Одного энтузиазма недостаточно, однако, чтобы сделать демократию в России необратимой. Для этого нужны новое политическое видение, монументальная реформа всей русской политики, которую президент унаследовал от своего предшественника.

Аналогия с реформой здравоохранения поможет, я надеюсь, объяснить разницу. В этой области новая администрация прекрасно понимает, что дело вовсе не в том, что старая политика дурно исполнялась, но в том, что дурны и порочны сами ее предпосылки. И никакие заплатки или поправки в этой дурной политике дела не изменят. Тут нужно было новое видение проблемы, которое и предложила новая ад-

министрация. К сожалению, ничего подобного не предложила она в отношении российской политики Соединенных Штатов.

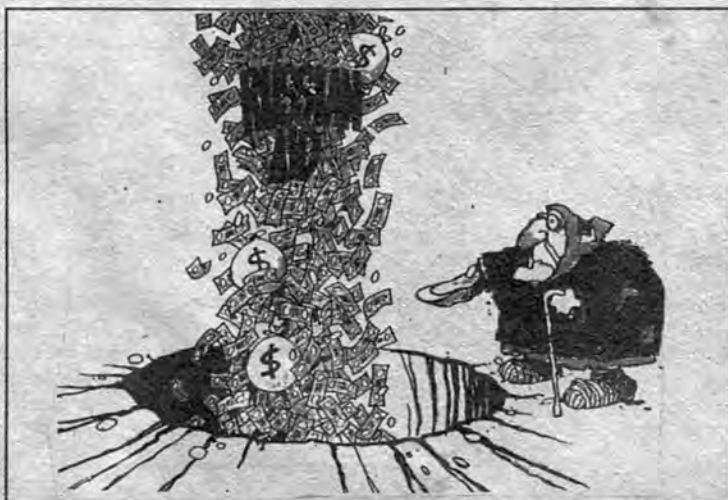
Что неверно в старой политике

Первая и самая фундаментальная из ее предпосылок сводится к тому, что по каким-то необъясненным и даже необсужденным причинам имперский гигант, принадлежащий к тому же классу великих держав, что Германия или Япония, с такой же, как была у них, авторитарной полити-

ческой традицией и тотально милитаризованной экономикой, предполагается способным к самотрансформации в современную демократию.

Вторая предпосылка состоит в том, что население и политические элиты России, в отличие от Японии и Германии, способны прийти к немедленному консенсусу в отношении демократии — в самом разгаре коллапса авторитарной цивилизации.

Третья предпосылка исходит из того, что антиавторитарное руководство России, хотя и полностью лишено ка-

Неужели и дальше помощь России будет проваливаться в тартарары?

кого-либо опыта в демократической политике, вполне способно тем не менее самостоятельно выработать сложнейшую стратегию перехода к демократии.

Четвертая предпосылка заключается в том, что исходя из всех этих недоказанных предположений Запад может ограничить свое участие в российских реформах тем, что называется **помощью**, например кредитами или, скажем, рассрочкой внешнего долга.

Последняя, наконец, предпосылка старой политики состоит в том, что, поскольку Америка честно исполняет эту свою финансовую обязанность, мы можем с чистой совестью доверить свою собственную безопасность слабому и неустойчивому реформистскому правительству в Москве — точно так же, как доверили мы ее неустойчивому реформистскому правительству в Берлине в 1920-е годы.

В самом деле, поразительное сходство политики администрации Буша с той, которую проводил Запад в отношении веймарской Германии, бьет в глаза. План Янга великодушно рассрочил в 1929 году немецкий внешний долг (последний взнос согласно этому плану Германия должна была сделать только в 1945 году) и буквально затопил страну кредитами. И что же? Помогло это остановить приход фашистской диктатуры четыре года спустя?

Как мы знаем, после второй мировой войны эта политика была решительно союзниками отвергнута и в Японии, и в Германии. Почему? Не было ли это признанием роковой ошибки, совершенной ими после первой мировой войны? Не было ли, другими словами, это роковое сведение гигантской дилеммы демократической трансформации к тривиальной проблеме денег, которое я и называю веймарской политикой, признано виновным в страшном провале этой трансформации?

Очертания нового видения

Суть послевоенной реформы как раз и заключалась в замене веймарской политики политикой непосредственного **со-участия** в демократической трансформации обоих агрессивных имперских гигантов. Превращением реваншистской реакции занялись союзники, а не слабые антиавторитарные правительства в Токио или в Бонне.

Даже на минуту не верили мы тогда в возможность самотрансформации имперских гигантов. Или в возмож-

Американский госсекретарь Джордж Маршалл дал свое имя плану возрождения Германии и других европейских стран. В результате уже к 1948 году магазины в Западной Германии ломились от провианта (справа вверху), а города быстро восстанавливались. На фото вверху город Аахен в 1945 году и сегодняшний Аахен (справа)

ность возникновения немедленного консенсуса среди немцев или японцев по поводу демократии. Или в способность неустойчивых послевоенных правительств выработать самостоятельную стратегию перехода к демократии, а тем более ее реализовать. Вместо всех этих беспочвенных предпосылок была выработана четкая серия необходимых программ, включая монументальные земельную, профсоюзную и образовательную, не говоря уже о конституционной, реформы в Японии или программу денацификации в Германии.

И в любой момент, когда Токио или Бонн спотыкались об эти программы, будь то из-за недостатка денег или политической воли, союзники всегда были на месте — со своей экспертизой, со своей решимостью и, если надо, со своими деньгами и политическим давлением. Нечего и говорить, недоразумений и конфликтов было достаточно. Но важен результат — при всех противоречиях и Япония, и Германия действительно перешли к необратимой демократии. Почему же не смогла бы сделать это Россия — при условии сходной политики, непосредственного со-участия?

Неоккупационное со-участие

Самое очевидное возражение состоит в том, что, скажем, командующему оккупационными войсками союзников в Японии генералу Макартуру было легче выработать программу демократической трансформации японского общества и во-

плотить эту программу в жизнь. Вряд ли это справедливо, однако, по отношению к старому воину. Ибо со многих точек зрения его отношения с японцами — раздавленными, униженными своим эпохальным поражением, не желающими сотрудничать с оккупантами, — были много труднее, нежели наши со свободной и суверенной Россией, откуда проамериканские симпатии еще сильны у ее населения.

Нет сомнения, технически политика такого неоккупационного со-участия должна быть несопоставимо более тонкой и изощренной. Вместо административного давления она должна основываться на комбинации высокого морального авторитета и мощи ресурсов, которых недостает России. Я имею здесь в виду ресурсы не только материальные, но и духовные, и культурные, такие, как политический опыт, интеллектуальная изощренность и моральное сопереживание.

В принципе оккупация есть лишь один из возможных путей междуна-

родного сотрудничества и со-участия, и причем наименее эффективный. Хотя бы потому, что она максимизирует психологическое сопротивление в трансформирующейся стране, как это происходило в Японии, тогда как резервуар доброй воли, существующий сегодня в России, его минимизирует.

В конце концов оккупация продолжается самое большее несколько лет, тогда как цель ее заключается в том, чтобы помочь построить демократическую цивилизацию, способную простоять столетия. Так легче ли строить такую цивилизацию с подневольными людьми, подчиняющимися приказам, как приходилось делать это Макатуру, или с народом, большинство которого выбирает ее свободно, по собственной воле?

Исходя из этого действительный императив политики со-участия заключается лишь в необходимости воспитания американской политической элиты, средств массовой информации и общественного мнения

в духе такой политики прежде, нежели окончательно испарятся проамериканские симпатии в России.

Вот почему время представляется здесь фактором критическим. Точно так же, как было когда-то в веймарской Германии, сегодняшняя ситуация в России напоминает скорее гонку между Западом и российским реваншизмом. Кто раньше сумеет убедить

русских в том, что перспектива нормальной и гордой жизни зависит от него, тот и определит направление трансформации.

Идеологический базис «веймарской политики»

Никакая серьезная реформа русской политики Соединенных Штатов невозможна, покуда остается в силе центральная максима «веймарской политики». В прямом противоречии с нашим опытом в послевоенных Японии и Германии максима эта гласит, что любые международные усилия помочь строительству демократической цивилизации в другой стране могут повлиять на ее судьбу лишь незначительно, маргинально. Подтекст для новой администрации ясен: любыми средствами избегайте политической вины «за потерю России». А в остальном, что вы можете сделать, если от вас зависит лишь такая малость?

Если бы генерал Макатур следовал этому интеллектуальному клише, Япония, быть может, угрожала бы нам сегодня не «тоётами», а ракетами. К счастью, его центральная максима была прямой противоположностью этому идеологическому оправданию безответственности. Его кредо было: **сделай так, чтобы новый Перл-Харбор никогда больше не угрожал нам с этих берегов.**

Кредо Макатура было оправданием полной ответственности за собственную судьбу и безопасность. Кроме того, воспитание публики в духе политики со-участия просто невозможно без освобождения от этого циничного клише. Джон Ф. Кеннеди никогда бы не воодушевил Америку на полет к Луне, если бы был убежден, что успех такого полета зависит от нас лишь «маргинально». Можно мобилизовать людей на борьбу против угрозы нового Перл-Харбора, говоря фигурально,

но нельзя вдохновить их перспективой новых налогов для субсидий другим государствам. А без такой мобилизации общественного мнения никакая политика со-участия неминуема. На самом деле, как только сегодняшний энтузиазм американцев, вызванный борьбой президента Ельцина против реваншистских поползновений парламента, уляжется и деньги, собранные для помощи, снова окажутся выброшенными на ветер, глубокое разочарование вполне может охватить западное общественное мнение, сделав новые усилия невозможными.

Что говорит нам история?

Пока что я лишь пытался показать, что если история действительно чему-то учит, то обе политики — как «веймарская», так и политика со-участия — были однажды испробованы. Первая катастрофически провалилась, тогда как вторая сработала.

Видит бог, мы не должны этому удивляться. Хотя бы потому, что ни одна великая имперская держава в этом столетии не сумела самостоятельно подняться из руин цивилизационного коллапса. Начиная с декларации Сунь Ятсена, провозгласившего Китай демократической республикой в 1911 году, каждая попытка прямого перехода к демократии в классе имперских держав неизменно вела к такому цивилизационному коллапсу, который столь же неизменно превращал их в угрозу для человечества. Достаточно вспомнить опыт демократии в России 1917 года или в Японии 1920-х, не говоря уже об опыте веймарской Германии.

Единственный известный истории путь обеспечить демократическое выздоровление в державах этого класса — тот, на котором стоял генерал Макатур в Японии. И это был путь разделения ответственности с трансформирующейся нацией, путь международной мобилизации всех необходимых для этого ресурсов. Короче говоря, путь со-участия. Именно об этом говорит нам история.

«Ключ к глобальной стабильности»

Могут, конечно, возразить, что все в жизни меняется и история вовсе не всегда самое надежное руководство к действию. Это правда. Только за последние десятилетия все в жизни менялось именно в направлении, которое подтверждает беспрецедентную опасность «веймарской» политики. Позвольте мне перечислить хотя некоторые из этих изменений.

В отличие от 20-х мы живем сейчас в ядерном мире, в котором Россия — по-прежнему ядерная сверхдержава, что делает цену полити-

ческой ошибки не сопоставимо выше, нежели тогда. Всякий, кто ближе знаком с некоторыми из соперников Ельцина из лагеря российских реваншистов, «непримиримых», как они себя называют, хорошо знает их глубокое презрение к любым международным договорам, их брутальный антиамериканизм и симпатию к европейским неонацистам и исламским экстремистам. Эти люди не остановятся перед ядерным шантажом. Явление нового Гитлера с де-

С именем генерала Дугласа МакАртура связаны не только военные победы США на Дальнем Востоке, но и восстановление японской экономики. На снимках: так выглядела Хиросима после атомной бомбардировки и так она выглядит сегодня

сятками тысяч ядерных боеголовок — может ли присниться худший кошмар современному человеку?

Так же как Германия 1920-х, сегодняшняя Россия оказалась «ключом к международной стабильности», говоря словами того же многоопытного Никсона. Другими словами, падение ельцинского антиавторитарного правительства неминуемо послужило бы сигналом для консолидации всех реакционных сил мира.

Одна за другой все предпосылки нашей сегодняшней «веймарской политики» оказываются утопическими. Вместо консенсуса по поводу демократии все, что наблюдаем мы сегодня в России, свидетельствует о расколе нации и о возникновении угрожающего реваншистского, антидемократического движения.

Вместо продуманной стратегии перехода к демократии — отчаянная серия политических импровизаций, в результате которых раздробленные демократические силы оказываются в глухой обороне, а реваншисты в наступлении и где единственным гарантом сохранения антиавторитарного, антиимперского и прозападного правительства остается личный авторитет президента Ельцина. Международный фашизм рвется на московскую политическую сцену — в надежде приспособить к своим антиамериканским целям ядерную сверхдержаву и разрушить «Новый Карфаген», как называют они Соединенные Штаты. По-прежнему не видно отчетливых путей к предотвращению массовой, многомиллионной безработицы. Другими словами, ситуация уже развивается по наихудшему сценарию.

Таким образом, изменения в мировой политике, как долгосрочные, так и недавние, свидетельствуют, похоже, как раз о том, что история и в самом деле — надежное руководство к действию и уж во всяком слу-

чае, что продолжение «веймарской политики» еще опаснее сейчас, чем было оно в 20-е годы.

Последнее возражение против немедленной реформы русской политики Соединенных Штатов («В распоряжении президента Клинтона нет тех средств, которые генерал МакАртур потратил на демократическую трансформацию Японии») выглядит самым неубедительным.

В распоряжении президента Буша тоже не было средств, чтобы воевать с Ираком, захватившим Кувейт. Но разве это его остановило? Тем более что здесь речь идет о «ключе к международной стабильности» и ситуация для всемирной кампании для ее сохранения неизмеримо благоприятнее, нежели была она во времена МакАртура.

Если генерал мог рассчитывать только на американские ресурсы, да и те должен был делить с планом Маршалла для Европы, то сегодня в международной стабильности заинтересованы не только страны «большой семерки» и остальная Европа, но и Южная Корея, и все «азиатские тигры», не говоря уже о Саудовской Аравии и ее несметно богатых партнерах по нефтяному картелю. Короче говоря, все те международные силы, которые сделали возможной «Бурю в пустыне». Недостает лишь лидера. И недостает его потому, что русская политика Соединенных Штатов остается нересторнированной.

Эксперты для реформы

Каков был первый шаг президента Клинтона, когда ему понадобилась стратегия радикальной реформы здравоохранения в Америке? Он создал группу первоклассных экспертов (Task Force), способных быстро и основательно обобщить международный исторический опыт реформ этого рода и адаптировать его к национальным особенностям

страны. Так почему бы не собрать такой же Task Force для радикальной реформы политики Запада по отношению к России? Почему бы не дать ему конкретный срок для представления публике общей политической стратегии демократической трансформации России, продемонстрировав таким образом миру серьезность своих намерений? Без сомнения, в этом случае состав группы должен быть международным, и она должна, по крайней мере наполовину, состоять из авторитетных и независимых российских экспертов.

Я не говорю уже о том, что сам факт созыва такой группы означал бы психологический прорыв, публичное отречение от «веймарской политики», сигнал российской публике, что отныне с нею заключен союз в борьбе против сил реакции и реванша. Такой шаг восстановил бы в России доверие к Западу, основательно подорванное за годы политически невидимой помощи.

Отвечая на вызов реваншистов

Смысл стратегии трансформации заключался бы, по-видимому, в разработке серии проектов, сумма которых позволила бы организовать в России решительное демократическое контрнаступление на всех фронтах сегодняшней политической войны. Контрнаступление, способное преодолеть как нынешний политический паралич, так и глубокую психологическую апатию, как правило, быстро сменяющую в России кратковременные периоды политической эйфории. Однако разработка общей стратегии может занять месяцы. В промежутке необходим, по-видимому, ряд немедленных акций, подготавливающих почву для предстоящего генерального контрнаступления.

Важно, чтобы эти акции проводились не под абстрактным знаменем

«помощи реформе», как происходило в годы «веймарской политики», но были точно нацелены на нейтрализацию вызовов «непримиримой» оппозиции. Как во всякой войне, дело решается не количеством выстрелов, но числом попаданий в цель. Вот некоторые из таких целей.

«Непримиримые» утверждают, что внешняя политика России служит интересам Запада. Они будут об этом говорить, пока Россия не станет полноправным членом всех межгосударственных организаций свободного мира, включая НАТО, пока «большая семерка» не станет «большой восьмеркой», пока российский экспорт встречает препятствия на западных рынках. Другими словами, пока Россия подобно Японии не станет органической частью Запада.

Русско-Американская комиссия партнерства может быть организована для этой цели без промедления на базе недавно созданного Международного фонда Россия—США, возглавляемого Александром Яковлевым.

В отличие от нас союзники «непримиримых», европейские фашисты, поняли с самого начала: то, что происходит в России, вовсе не сводится к рыночной реформе, что на самом деле здесь идет политическая война, схватка идеологий. Соответственно посылают они в Россию не своих счетоводов и экономических советников, а политиков и интеллектуалов. Они принимают активное участие в политической дискуссии о будущем России на страницах «патриотической» прессы. Представляется очевидным, что аналогичная дискуссия с участием демократических интеллектуалов и политиков мира совершенно необходима и на страницах либеральной прессы. Лучшие представители мировой демократии должны быть здесь, на линии фронта, делясь

своими идеями и опытом, объясняя публике не только ценность демократии, но, еще важнее, цену, которую пришлось бы заплатить стране за реставрацию авторитаризма.

Верховный Совет утверждает, что находящийся под его контролем Центральный банк беспрерывно печатает новые деньги для предотвращения многомиллионной безработицы, способной окончательно дестабилизировать страну и сорвать реформу. Ответом

должна стать программа массового создания рабочих мест в России и для этой цели основан Международный банк капиталовложений, который положил бы конец бесплодному спору о том, кому в России можно доверить деньги — правительству или частным предпринимателям. Ситуация всепроникающей коррупции, которая является органической частью крушения авторитарной цивилизации, исключает и тех и других. Банк мог бы предоставлять беспроцентный кредит всем иностранным предпринимателям — я имею в виду подлинных предпринимателей, а не бюрократию корпоративных гигантов — с условием создавать рабочие места там, где они нужнее всего: в малых предприятиях и в сельской инфраструктуре, не говоря уже о технологическом перевооружении индустрии.

Центральный проект

Чтобы читателю стало совершенно ясно, что имеется здесь в виду под демократическим контрнаступлением, расскажу о проекте, который обсуждался уже с российскими и японскими официальными лицами. Речь идет о строительстве в сердце страны двух или трех сверхсовременных мегагородов для беженцев из соседних республик, для демобилизованных солдат, для всех бездомных и отчаявшихся в России. Города эти могли бы строиться не только для них, но и их собственными руками. Вот несколько политических задач, которые мог бы решить такой проект.

Он не оставил бы камня на камне от утверждения «непримиримых», что демократия покинула в беде миллионы русских в отделившихся республиках.

Он лишил бы «непримиримых» их наиболее воинственных потенци-

альных приверженцев. Эти люди вовлечены были бы в строительство собственного будущего.

Он сломил бы психологическую апатию масс, послужив мощным символом того, что может принести России демократия, и одновременно живым напоминанием о том, что она может потерять, если последует авторитарному призыву оппозиции.

Он создал бы строительный бум в стране, ибо, если даже деньги, технология и менеджмент для проекта пришли бы из-за границы, инженерные и архитектурные таланты, не говоря уже о рабочих руках и строительных материалах, все равно были бы отечественные.

Он создал бы новое и гигантское поле приложения сил для российской молодежи.

И, наконец, он деморализовал бы «непримиримую» оппозицию — как потому, что она потеряла бы жизненно важную для нее политическую базу, так и благодаря психологическому прорыву демократии.

Остров надежды, образ великого будущего, был бы создан таким проектом. Без сомнения, японский кредит (2,5 миллиарда долларов) мог бы служить лишь начальным взносом для проекта таких масштабов, и на каком-то этапе он потребовал бы дальнейшего финансирования. Но политический выигрыш от этого не может быть переоценен. Я подчеркиваю эту, политическую, сторону дела, ибо именно в ней, собственно, и состоит кардинальное отличие политики со-участия от «веймарской политики» помощи.

Удерживая форт демократии

Каковы бы ни были немедленные результаты сегодняшнего кризиса в России, пришло время сказать с некоторой уверенностью, что ключ к ее демократическому выздоровлению больше не в руках русских. Он в руках мира. Русские сделали, что могли. Мы — не сделали. Отныне судьба их новой реформы зависит от нашей способности реформировать свою собственную политику в отношении России. Ибо сегодня демократия удерживается у власти уже не собственной силой, но лишь персональным авторитетом президента Ельцина.

Если нынешний кризис закончится благополучно, президент сможет удержать форт еще несколько месяцев или лет, но делать это бесконечно — не может. Не сумев вовремя перейти к политике со-участия, а следовательно, демократического контрнаступления, мы окажемся в ситуации, когда за реванш «непримиримых» придется платить нам.

ВАШИНГТОН

Фото из журналов «Каррент байографи» (США), «Штерн», «Шпигель», «Гутен таг» (ФРГ), альбома «Хиросима—Нагасаки» (Япония), рисунок из журнала «Ньюсуик» (США)

ВСЕ ГАЗЕТЫ РОССИИ В ОДНОЙ

Московский
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

*... лучшие статьи и самые
интересные новости
из 200 газет
России читайте
в еженедельнике
"Московский
Обозреватель".*

Индекс в подписном каталоге 32114 (стр. 40).
Цена подписки на 3 месяца 390 руб.

Генеральная дирекция Международной
благотворительной лотереи

"ДЕТИ ЧЕРНОБЫЛЯ"

**приглашает организации и граждан
распространять лотерейные билеты
валютной международной
благотворительной лотереи**

"ДЕТИ ЧЕРНОБЫЛЯ".

Наш адрес: г. Москва,
2-я Ямская улица,
дом 6/8, 2-й этаж
(район Суцевского вала).
Тел: (095) 289-73-53,
289-34-85.

Мы — японцы. Тем и интересны

Ясухиро Накасонэ

Никто не испытывает таких сильных национальных чувств, как японцы, которые таким образом избавляются от комплекса неполноценности. Но после 1945-го японцы не опасны

Многие японцы отрицательно относятся к институту государства и идее национализма. Однако одновременно они готовы признать понятие национальной идентичности. Когда кого-либо из них спрашивают: «Вы японец?», — они сразу же, не пытаясь подумать, что же означает слово «Япония», отвечают: «Да». Иными словами, они рассматривают свою принадлежность к японской нации как сам собой разумеющийся факт. Они разделяют чувство национальной идентичности почти инстинктивно.

Можно сказать, что именно таково большинство японцев. Японца, сомневающегося в том, что он усвоил изначальные основы японского бытия, почти не найти. Не поняв этого, невозможно постичь специфические черты послевоенной Японии. Более того, без этого станет неясным, какое место должна занимать Япония в современном мире.

Любовь и ненависть

Послевоенная Япония оказалась ввергнутой в состояние растерянности потому, что ее захватило чувство неопределенности в отношении самой себя — одновременно чувство любви и ненависти. Поэтому проблемы государства и национализма продолжают восприниматься сквозь призму в значительной мере деформированной психологии.

Мы хотели бы сформулировать следующие четыре положения.

Японцы в расовом, этническом и культурном отношении являются на редкость гомогенной нацией; именно в силу этого укрепляется чувство национальной идентичности. Однако в ходе своего исторического развития Япония восприняла китайскую, а также евроамериканскую культуру, в определенной мере приспособившись к ним. Зародившееся вследствие этого у японцев чувство неполноценности часто трансформировалось в воинствующий национализм.

В результате поражения во второй мировой войне в виде реакции на чрезмерный гнет со стороны государственной бюрократии и милитаристской системы, существовавших накануне и в годы войны, в обществе усилилось стремление следовать евроамериканской цивилизации и одновременно с этим сформировалась позиция антитрадиционализма и отрицания государства.

Мы публикуем отрывок из книги «После «холодной войны», написанной бывшим премьер-министром Японии Ясухиро Накасонэ вместе с профессорами Сусуму Нисибэ, Сэйдзабуро Сато и Ясусукэ Мураками. Русский перевод книги выпускает фирма «Универс» издательской группы «Прогресс».

Однако, несмотря на это, сильное чувство национальной принадлежности у японцев продолжало сохраняться.

В послевоенные годы национализм внешне отрицался, вследствие этого он стал проявляться в различных видоизмененных формах. Антиамериканизм, связанный с пацифизмом; экономизм, сопровождающийся в результате экономических успехов Японии освобождением «от чувства неполноценности» в отношении Европы и США; азиатизм, заключающий в себе эмоциональный настрой на солидарность с отсталыми развивающимися странами Азии (а также Ближнего Востока и Африки), — в этих компонентах национального самосознания содержался сильный привкус воинствующего национализма. Несмотря на это, общественное мнение, по крайней мере внешне, рассматривало национализм как идеологию, отношение к которой должно быть отрицательным.

В сегодняшней Японии должно утвердиться то, что мы назвали бы открытым национализмом. Чувство национальной идентичности следует публично признать. Но оно не должно, с одной стороны, подавлять свободу индивида, а с другой — вести страну к изоляции от мирового сообщества. Иными словами, с точки зрения перспективы развития Японии в будущем важное значение имеет поддержание баланса между тремя институтами — индивидом, государством и мировым сообществом.

«Срединное великолепие»

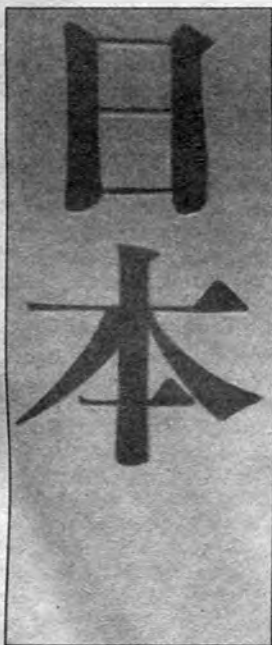
Возьмем, например, Америку. Если в этой стране постоянно не осуществлялось бы целенаправленное воспитание чувства национальной идентичности, скажем чувства верности американскому образу жизни и звездно-полосатому флагу, понятие «американец» вряд ли прочно вошло бы в сознание граждан. Ведь в действительности все граждане США, за исключением аборигенов, — это американцы в привычках.

Обратимся далее к Малайзии. Структура ее населения такова: малайцы составляют 54 процента, китайцы — 35, индусы — 10. В результате, чтобы установить национальную идентичность малайзийца, необходимо постоянно каждый раз спрашивать о его национальности. То же самое относится и к Сингапору.

У японцев развилось сильное чувство

Японцы обращены в себя и неохотно открываются внешнему миру

Два иероглифа, составляющие название страны, напоминают о древнем мифе, который утверждает, что Япония произошла от солнца

национальной принадлежности, можно сказать, не имеющее аналогов в мире. Оно стало таковым не вчера и не сегодня, в его основе лежит исключительно многовековая история страны. Главная причина такого положения заключена в расовой и религиозной гомогенности японцев. Кроме нее, только Южная Корея обладает такой высокой степенью гомогенности в расовом и религиозном отношении.

К этой, так сказать, внутренней причине, стимулировавшей рост чувства национальной идентичности, добавлялось сложившееся в древние времена осознание факта существования вблизи Японии крупного государства со своей цивилизацией: речь идет о Китае. Это, так сказать, внешняя причина.

Китай, как уже говорит само его название — Чжунхуа («Срединное великое государство»), в течение трех тысячелетий вплоть до Опиумной войны 1840 года являлся центром Восточной Азии. И в военном, и в экономическом, и в культурном отношении он был несравненно более высокоразвитым государством, чем окружающие его страны.

Вокруг этого государства «Срединного великого государства», в прямом смысле слова сверкавшего своими красками, обитали племена варваров. Именно поэтому изменения в Китае вызывали изменения и в окружающем его пространстве. Так, объединение Японии императорским двором Ямато и объединение царств на Корейском полуострове под эгидой Силла произошли в результате воздействия такого события, как рождение в Китае колоссальной империи в период династий Суй и Тан.

Японцы, осознававшие, что вовне существует развитое государство, намного превосходящее их страну по своей мощи, должны были постоянно задумываться об этом. В результате среди японцев усилилось

Национальное богатство Японии создано тяжелым трудом послевоенного поколения

осознание принадлежности к одной общности.

Хотя Япония по сравнению с Корейским полуостровом была более изолирована от Китая, по степени восприятия передовой китайской цивилизации она была близка к нему. Однако Япония отличалась от Кореи тем, что не испытала на себе гнета, поддерживавшегося военной силой. Это способствовало формированию в стране чувства национальной идентичности.

Цусимский пролив в три раза шире Дуврского пролива (Па-де-Кале), отделяющего Великобританию от Европейского континента. Физически сильный человек вполне может переплыть его.

В Цусимском проливе сталкиваются течения Куроисио и Ояисио, здесь всегда стоит туман, море неспокойно. К тому же здесь дуют специфические для Восточной Азии муссоны, и пересечь пролив вплавь не так легко. Даже Хубилай, создавший в Евразии громадную империю, из-за этого пролива не мог покорить Японию. Несмотря на то что Япония соприкасалась с высокораз-

витой цивилизацией, не было случая, чтобы ее покорили военной силой. Осознание отдаленности от передовых цивилизаций, очевидно, и породило у японцев специфическое чувство взаимной близости, выражаемое понятием «мы».

Все лучшее за морем

Считается, что национализм является продуктом нового времени; он стал явственно обнаруживаться после революции во Франции. Но подлинная история японского национализма уходит намного дальше, в глубь веков. Нечто похожее наблюдалось на Корейском полуострове. Но в Японии чувство национальной идентичности проявилось настолько рано и настолько в сильных формах, что, пожалуй, этому явлению нет аналогов в мире.

Какими же особенностями характеризуется японский национализм с исторической точки зрения?

Если постоянно думать, что существует богатое развитое государство (цивилизация), которое намного превосходит твоё и намного сильнее его, то само собой возникает чувство неполноценности. Один японский философ в своих воспоминаниях, написанных на склоне лет, сделал такую запись: «Япония — это варварская страна, здесь нет ни одного мудреца. Конфуций, Мо-цзы, Лао-цзы — все они родились в Китае. Я считаю, что нет никакого проку читать книги, написанные японцами, и поэтому в молодости углублялся в чтение только книг китайцев. Но это была ошибка». В прошлом в Японии наблюдалось всеобщее преклонение перед идеями страны «Срединного великого государства».

Косвенно это подтверждается следующим: о заморских книгах обычно говорили, что они «первосточники». И в то же время считалось, что книги, в которых о том же самом написано на японском языке, не являются оригинальными. Предполагалось, что все истинное нахо-

Но и новое поколение работает не менее усердно, разве что не на поле, а в компьютерном зале

дится там, за морем, и Япония должна постоянно заимствовать это. Вот насколько было неистребимым чувство неполноценности по отношению к соседнему передовому государству!

Но постоянные размышления о том, что Япония уступает Китаю, были невеселым занятием. Поэтому естественно, что против таких настроений зрел протест. Одним из его проявлений стал пресловутый «дух Ямато». В стране получило хождение выражение «дух Ямато плюс китайская материальная культура». Смысл его заключался в следующем: что касается науки, то ее нужно черпать для себя из Китая, а вот если не знать японских нравов и обычаев, то жизнь потеряет свой привычный ритм. «Дух Ямато» выражал мудрость жизни, необходимую для успешного ведения повседневных дел. Считалось желательным на этой основе стремиться к усвоению науки и культуры Китая. В конце прошлого века «дух Ямато» трансформировался в принцип «дух Ямато плюс западная материальная культура».

Агрессивный национализм как оборотная сторона чувства неполноценности

Национализм, выросший из чувства неполноценности и протеста против этого чувства, может легко принять извращенную форму. Хотя в известном утверждении «национализм является последним убежищем мерзавцев» есть некоторое преувеличение, нельзя отрицать, что японский национализм во многом обуславливался деформированным образом мышления.

Так уж принято в Японии: сначала восхищаются передовой страной, а потом переходят к отождествлению себя с ней. Это выражается во все большем масштабе заимствований ее достижений. Дело кончается тем, что начинают подчеркивать, насколько близка Япония к передовой стране. Вот, например, что говорил один из средневековых конфуцианцев: «В Китае свой край называли страной Среднего великолетия, а окружающие его страны получили название Восточная Дунь, Северная Хань, Западная Сэй, Южная Бань. В иероглифе «дунь» есть компонент, означающий человека. А в названии Северная Хань ключ иероглифа «хань» означает животное, в названии Западная Сэй присутствует иероглиф обезьяны, а в названии Южная Бань — иероглиф насекомого. Иными словами, Япония, получившая название Восточная Дунь, конечно, не является страной вели-

колепия, как Китай, однако среди варваров она лучше всех».

Такой взгляд на Японию распространялся все более. Со временем он перерос в чувство гордости японцев по поводу того, что «Япония стала единственной в Азии страной, воспринявшей европейскую культуру».

Но освобождение от чувства неполноценности вскоре привело к появлению чувства превосходства. Стали настаивать на том, что «японское лучше выражает подлинную сущность китайского».

Появились люди, которые заявляли: «В Китае никто по-настоящему не понимал Конфуция. Но в такой отсталой стране, как Япония,

Раньше такие повязки одевали самураи или камикадзе перед последним боем. Этот школьник написал другой лозунг: «Сдать экзамены!»

человеком, впервые заново открывшим подлинную суть учения Конфуция, стал я». Если проследить более ранние этапы этой линии, то мы встретимся с такой личностью, как Нитирэн (1222–1282 годы).

Нитирэн провозгласил своего рода идею периферийной революции. Индия — это центр мира, и если Китай является периферией мира, то уж Япония — это периферия периферий: таков был взгляд на мир в буддизме того времени. Что же касается Нитирэна, родившегося в префектуре Тиба, которая в те времена в Японии считалась захолустьем, то он заявил: «Учение Сякя Муни, являющееся истинным учением, родилось в центре мира. Однако в век упадка центр увядает, и поэтому новое учение о спасении появляется именно на периферии. Я являюсь спасителем и преисполнен чувства стать мессией».

В качестве оборотной стороны чувства неполноценности родилось чувство превосходства, принявшее

форму убеждения в том, что «быть на периферии, наоборот, означает преимущество». В дальнейшем это чувство переросло в воинствующий национализм. Он проявился в идее о величии японской империи и идее азиатизма, просуществовав вплоть до окончания второй мировой войны. Его отзвуки слышны и поныне.

Оккупация как символ освобождения

Побежденная Америкой (она составила основу коалиции союзных держав), Япония оказалась в положении оккупированной страны.

Для нее это явилось двойным ударом — материальным и духовным.

Во-первых, японская армия, что бы там ни говорили, была полностью разгромлена, а территория страны превратилась в пепелище, народ страдал от голода. Американская цивилизация одержала победу в материальной сфере. Во-вторых, Япония была побеждена и в духовной области, или, вернее, многих японцев захватило чувство потерпевших поражение. Тогда говорили: «Вторая мировая война ознаменовала победу демократии и либерализма».

Людей снова захватила мысль: «Ну вот, Япония по-прежнему является отсталой, варварской страной». Скрытое в глубине души в течение долгих полутора тысяч лет чувство поражения еще раз больно ударило по самолюбию.

Оккупация Японии американцами в целом явилась благодеянием и прошла мирно — это был беспрецедентный случай. Прекратились воздушные налеты, все жили спокойно в своих домах. И дело не только в этом. По сравнению с военным временем в условиях оккупации люди ощутили чувство свободы. В стране были проведены демократическая и экономическая реформы. В результате весь японский народ охватило радостное чувство ощущения того, что «после войны жить стало лучше».

Конечно, те, кто из-за послевоенных реформ оказался не у дел, например помещики и некоторые другие, резко критиковали оккупацию и встретили ее враждебно. Однако большинство граждан расценили послевоенные изменения как прогрессивные. Особенно это касается женщин. Ибо после предоставления им избирательного права — а это было в Японии впервые — и отмены существовавшей семейной системы они получили возможность почувствовать на себе, что означает прин-

цип «равенства мужчин и женщин».

Кроме того, японцы воочию смогли увидеть несметные богатства Америки. По сравнению с солдатами императорской армии солдаты оккупационных войск по своим физическим данным и экипировке выглядели великолепно. Американские промышленные товары беспрерывным потоком хлынули в страну — все это свидетельствовало о подавляющем превосходстве Америки в материальной сфере. В результате сознание японцев глубоко захватила притягательная сила американского образа жизни. Иными словами, иностранная оккупация стала не гнусным и постыдным событием, а наоборот, ее восприняли как символ освобождения.

Национализм, который во время войны пережил период подъема, стимулируемый лозунгом «Все для государства!», исчез. Однако в глубине души практически каждого японца по-прежнему теплилось чувство национальной идентичности. Как только произошло некоторое оживление экономики, у японцев постепенно стала возрождаться уверенность в себе.

Национализм начал проявляться в необычной форме: будучи изгнанным из «вестибюля» здания, он стремился войти в него с «черного хода».

Идея национализма претерпела деформацию под воздействием экономизма. В конце прошлого века был провозглашен лозунг «Богатое государство — сильная армия», согласно которому богатое государство должно было целиком служить созданию сильной армии. Со времен промышленной революции сложилось убеждение: если предварительно не создать развитую экономическую базу и передовой технологический потенциал, то сильную армию не построить.

Этот курс закончился крахом. Тогда появился другой тезис: «Милитаризованное общество было плохим, поэтому, отказавшись от сильной армии, на этот раз приложим все силы только для создания богатого государства». В этом тезисе нашел проявление национализм периода после второй мировой войны. Положившись в военном отношении на Америку, Япония целиком устремлялась в экономическую сферу. Страна на рубеже 60-х годов превзошла все государства Азии. В 1968 году она заняла второе после Америки место в мире по уровню национального дохода и превратилась в одну из крупнейших мировых экономических держав. С этого момента национализм стал стимулироваться экономическими достижениями страны...

Героев тоже судят

На скамье подсудимых человек, которого называли «немецким Горбачевым»

Ханса Модрова, бывшего премьер-министра Восточной Германии, судят в Дрездене — городе, где его многие знают и любят

Борис Лысенко,

собственный корреспондент
«Нового времени»

В первый день процесса подсудимого, которого привезли в Дрезден из Берлина, встречали цветами и транспарантами: «Руки прочь от Модрова!»

Бывшего первого секретаря окружного комитета Социалистической единой партии Германии в Дрездене многие хорошо знают и ... любят.

Дорога в ЦК

Жизненный путь и партийная карьера Ханса Модрова кажутся типичными для большинства руководителей бывшего социалистического государства.

Судя по справочнику «Кто есть кто в ГДР», он родился в рабочей семье, был учеником слесаря, в последний год войны был призван в вермахт, попал в плен.

В советской зоне оккупации юный Ханс Модров присоединяется к коммунистам и быстро делает карьеру. В двадцать пять лет он уже первый секретарь бюро Союза свободной немецкой молодежи Восточного Берлина, учится в советской высшей комсомольской школе. В 1961 году делает новый шаг вперед

— первый секретарь одного из столичных райкомов партии.

Затем его забирают в ЦК — в отдел пропаганды. На посту заведующего важнейшим отделом Модров сменил ставшего членом политбюро Вернера Ламберца, которого прочили в преемники Хонеккера. Но Ламберц погиб во время визита в Ливию при довольно странных обстоятельствах — его вертолет разбился по так и не выясненным причинам.

В партийной иерархии существовали свои законы: для того чтобы стать секретарем ЦК, попасть в политбюро, Модров должен был прежде возглавить крупный партийный комитет, доказать свою способность руководить не только цеховскими инструкторами, но и промышленностью.

В 1973 году освободилось кресло первого секретаря дрезденского окружкома — Вернер Кроликовский переехал в Берлин, чтобы стать со временем членом политбюро и первым заместителем председателя Совета министров ГДР.

Можно было бы сказать, что Модров сделал блестящую карьеру.

Ссылка

Но в Дрездене Модров застрял надолго. Руководил окружкомом шестнадцать лет — до осени 1989 года, когда народное восстание смело

режим Эриха Хонеккера. 13 ноября уже Народная палата ГДР, а не политбюро, как прежде, утвердила доктора экономических наук Ханса Модрова премьер-министром.

Еще в 1985 году у Модрова начались неприятности. Официально о том, что секретарь одного из 13 окружкомов «впал в немилость», разумеется, никто не говорил, но и ни для кого не было секретом, что Дрезден для Модрова — ссылка.

Советским журналистам, работавшим в те времена в Берлине, было известно больше, чем того хотелось бы руководителям ЦК СЕПГ, но обсуждать, что происходит с Модровым, мы могли только между собой, а не на страницах своих изданий.

Советская перестройка была воспринята руководством ГДР в штыки, но молча. И когда Модров в одном из интервью высказал идеи, созвучные с горбачевскими, генеральный секретарь Хонеккер был взбешен.

Модров быстро почувствовал недовольство ЦК. Даже в 1989-м, который оказался последним для коммунистического режима, в Дрезденском округе работала проверочная комиссия под руководством члена политбюро и секретаря ЦК Гюнтера Миттага. Задачей комиссии было «обуздать» непокладистого секретаря, который имел привычку высказывать собственное мнение, не всегда сходясь с «установками» политбюро.

Покровитель

Скромный уклад жизни Модрова — без излишеств и помпезности — раздражал обитателей роскошных вилл и любителей королевской охоты.

Членам политбюро не нравилось, что первый секретарь в Дрездене ходит на работу пешком, копается в саду, общается с соседями, а в праздник может с ними и пива выпить. Любой человек в городе мог подойти к Модрову на улице и обсудить свои проблемы.

Модров стал очень популярным среди восточных немцев человеком. В нем видели будущего руководителя страны, способного вывести ГДР из экономического кризиса. Модров раньше других заговорил о необходимости радикальных реформ.

Сегодня можно спокойно анализировать нормальные шаги нормально мыслящего человека, который понимал, что нельзя отворачиваться от надвигавшихся на общество проблем. Но в те времена это было достаточно рискованно для честолюбивого политика, питавшего определенные надежды.

Я помню, как функционеры СЕПГ с горящими глазами рисовали идиллическую картину растущего

благополучия первого в мире государства рабочих и крестьян на немецкой земле. Хонеккер и его окружение не желали даже слышать о каких-то проблемах. Мнение генерального секретаря было законом для всех, но не для Модрова.

Почему же Хонеккер с ним не расправился?

У Ханса Модрова был могущественный покровитель, перед которым пасовал даже всемогущий Эрих. Этим покровителем был Советский Союз. Советское посольство и ЦК КПСС выделяли Модрова из всего гдэрского начальства. На встречи в посольство Модрова доставляли тайно, хронясь от бдительного ока следователей из министерства госбезопасности ГДР.

Хонеккер понимал, что убрать Модрова — значит, открыто бросить вызов Москве. На это генеральный секретарь ЦК СЕПГ не решился.

Политик или уголовник?

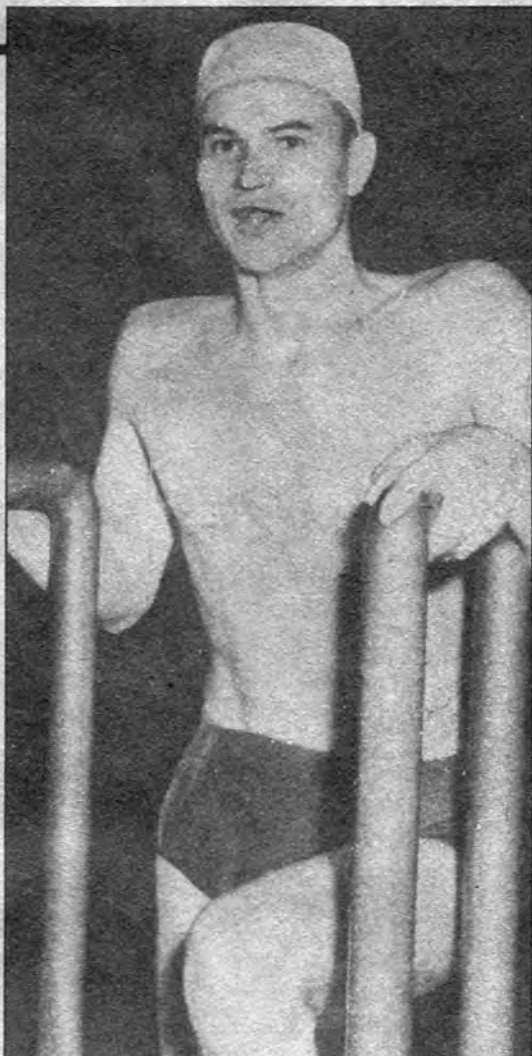
Ханс Модров был реформатором горбачевского типа. Он не стремился к смене политического строя в ГДР, к отказу от социализма. Он хотел лишь модернизировать социализм.

Модров остался почетным председателем Партии демократического социализма, наследницы СЕПГ. Практически он единственный политик из бывшей ГДР, который сохраняет какое-то место в политической жизни объединенной Германии. Он депутат бундестага, и его выступления в защиту экономических интересов жителей восточных областей Германии нравятся далеко не всем.

Многие немцы считают, что процесс над Модровым носит политический характер. Об этом говорят адвокаты Модрова. Журнал «Шпигель» иронизирует: «Разве не этого человека еще не так давно с распростертыми объятиями встречали в Бонне, воздавая ему хвалу за восстание против ГДР? Неужели воссоединение Германии совершил не борец за права человека, а уголовник?»

Ханса Модрова обвиняют в соучастии в фальсификации результатов местных выборов в Дрездене 7 мая 1989 года.

Как и в других процессах над бывшими чиновниками ГДР, возникает множество вопросов юридического характера, прежде всего вопрос о подсудности: можно ли судить человека, который жил в одном государстве, по законам другого?

В молодые годы Модров был хорошим спортсменом, но и сейчас в выходной день может проплыть восемь километров. Крепкое здоровье пригодится ему во время судебного процесса

Для немцев сам факт нарушений больше не представляет никакого интереса. Своего почетного председателя единодушно поддерживает Партия демократического социализма.

Газета «Нойес Дойчланд» в эти дни печатает много высказываний рядовых членов партии, которые воздают должное Модрову как «человеку, который не отказывается от своего политического прошлого и не меняет убеждений».

Практически все граждане бывшей ГДР считают Ханса Модрова героем объединения Германии. Именно Модров сделал процесс демонтажа социалистической системы, объединения Германии бескровным и максимально безболезненным.

Он как премьер-министр использовал для этого все рычаги власти, включая министерство безопасности. А теперь ему инкриминируются рабочие контакты с МГБ, и суд выясняет: ограничивались ли эти контакты обсуждением одних лишь проблем снабжения?

БЕРЛИН

Фото из журнала «Штерн» (ФРГ)

Восход солнца с 16 лучами

Македонцы обретают государственность в дипломатических, исторических и семантических спорах

Вадим Тарлинский

Страсти вокруг югославской Македонии разгорелись с весны 1992 года, когда в конституции республики появились статьи, возлагающие на республику «обязательство» защищать права македонского народа в соседних странах.

Кто эти люди?

Тут же возник вопрос: кого включить в состав македонского народа? Славян-македонцев, проживающих не только в югославской Македонии, но и в Греции и Болгарии? Эллинов-македонцев, проживающих в основном в Греции? Или и тех и других?

Греки оценили конституционные новации соседей как вмешательство в их внутренние дела. В передачах радиожурналистов из Скопье (столицы югославской Македонии), в картах «великой Македонии», появившихся в македонских газетах, они усмотрели территориальные претензии, подкрепляемые новой конституцией. Карта Европы со схематичными границами «единой Македонии», изданная Европейским сообществом, была конфискована на осенней международной ярмарке в Салониках.

В горных районах Пиирии участвовали учения греческой армии. По танкодромам ползали «леопарды». В горах гремело эхо разрывов — шли ночные танковые стрельбы. В небе над Эгейским морем отрабатывалась техника борьбы с «вражескими» самолетами.

Дорожные магистрали и улицы греческих городов покрылись плакатами и транспарантами: «Македония — 3000 лет греческая земля». На ветровых стеклах автомобилей наклеивали лозунги: «Македония — только греческая».

Лишь только Скопье стал использовать некоторые символы античной Македонии как знаки своей государственности, контуры эллинской Македонии с ее античным символом (солнце с 16 стреловидными лучами) облепили рекламные тумбы греческих городов, украсили спортивные майки и даже пивные кружки. Спущенный в августе на воду военный фрегат греки назвали «Македонией».

Уже три поколения жителей бывшей югославской, болгарской и греческой «Македонии», отметил один из лидеров албанской партии в македонской столице Скопье, называют себя не иначе как македонцами, и с этим ничего не смогут поделать ни США, ни Европа, ни Греция. Мусульманские лидеры на Балканах придерживаются сходной позиции.

«Македонская карта» активно разыгрывалась в процессе предвыборной борьбы в США: Билл Клинтон объявил, что демократическое правительство «легче поймет беспокойство Греции» по поводу Македонии, нежели республиканское. Американское «панмакедонское» общество в лице его президента Фотиса Ярославуса и вице-президента Чарльза Муратидаса, напротив, направило в государственный департамент послание с призывом «более явного признания Америкой Республики Македонии».

И вот в конце лета 1992 года на паспортном контроле аэродромов европейских столиц появились паспорта нового государства с «солнечной символикой» на гербе. Естественно, греки сразу отказались признавать эти документы.

Большинство европейских стран, не желая раздражать Афины, «поняли беспокойство Греции». Некоторые, например Турция, Болгария, Россия, Беларусь, Литва, признали бывшую югославскую Македонию.

Глава этой Македонии Киро Глигоров, находясь в США, даже припугнул выжидающих: «Как бы не повторился боснийский вариант».

Стоило, однако, в конце января нынешнего года представителю Дании в Европейском сообществе слегка «пожурить» те страны, которые препятствуют признанию Македонии, как прозвучала резкая отповедь представителя Греции, а в Салониках состоялась бурная демонстрация с лозунгом: «Македония — неотъемлемая часть Греции».

Завоевательные походы Александра Македонского — это чуть ли не единственное, что известно о Македонии, которая со времен императора отошла в тень истории

Хотя племена, которые позднее создали античное государство Македонию, находились под влиянием греческой культуры и усвоили греческую письменность, их этнический состав был разнороден. Это были и фракийцы, и иллирийцы, и представители некоторых других народов, родственных грекам, но не являющихся, строго говоря, эллинами.

Скудость данных о языке македонян и по сей день затрудняет четкую идентификацию их этнической принадлежности.

Великий передел

После блестящей эллинской эпохи, увенчанной образованием бескрайней империи Александра Македонского, последовал ее распад, завоевание эллинов Римом, проникновение в Македонию римской культуры и расселение некоторых латинизированных племен на этой территории, а затем ее вхождение в Византию, где и македонцам и эллинам была уготована провинциальная судьба.

С VII века нашей эры начался процесс славянизации: сначала Македония вошла в состав Болгарского царства, потом в состав Сербии. На короткое время здесь господствовали крестоносцы, затем Македония

Македония по-прежнему сельскохозяйственный

вновь подпала под византийское, а затем, почти на семь веков, под турецкое иго. Кстати, уже в Косовской битве на стороне турок сражались отряды болгарских и сербских феодалов, принявших ислам. Процесс исламизации, особенно в северной, славянской Македонии и соседней с ней Боснии, шел на протяжении многих веков, что стало одной из причин конфликтов наших дней.

В XIX веке Греция, а затем Сербии и Болгарии удалось освободиться от турецкого ига, однако Македония продолжала прозябать на периферии Османской империи. С этим были связаны и обе Балканские войны, предвестницы грядущей мировой.

Итогом войн стали значительные территориальные приобретения Сербии. Ей досталась северная, центральная и западная Македония. Греция присоединила южную и этэйскую, «нижнюю», Македонию.

Через год Балканы оказались ввергнутыми в мировую войну, после которой по Версальскому мирному договору был произведен окончательный раздел Македонии: большую часть получила Греция — стратегический союзник Антанты, около 40 процентов — Сербия. Союзнику врага — Болгарии — досталось менее 9 процентов.

На возвращенных Элладе землях началась политика грецизации.

Многочисленный передел Македонии привел к значительному перемещению греко-славянского населения, которое называло себя македонцами, не вкладывая, однако, в это понятие строгий этнический смысл.

Когда державы — победительницы мировых войн по своему усмотрению кроили политическую карту, никто не поднимал вопроса о том, что македонцы, будь то славяне, греки или албанцы, — подобно столь же разноразличным швейцарцам — вполне сложившаяся самостоятельная нация.

Однако еще в 1893 году пиринский македонец Гоце Делчев создал Вну-

тримакедонский освободительный союз, имевший прогерманскую направленность. Союз сначала звал на борьбу с турецкими завоевателями, а с 1912 года — с «грекославянскими оккупантами».

Иосиф с Иосипом договорились

В начале второй мировой войны нацистская Германия и фашистская Италия произвели еще один, так называемый «венский» раздел Македонии, согласно которому югославская и значительная часть греческой Македонии отошли к Болгарии.

Тогда же один из лидеров Освободительного союза Михайлов, сочтя ситуацию благоприятной, прибыл в Берлин и попытался получить аудиенцию у Гитлера, чтобы предложить программу вовлечения Македонии в войну на стороне оси Берлин — Рим.

Однако никто из нацистских бонз Михайлова не принял. Немцы вспомнили о нем лишь через два года, но в связи с неблагоприятным переломом в войне у них уже не дошли руки до македонской карты.

То, что не удалось фашистам, сделал коммунист — маршал Иосип Броз Тито.

В сентябре 1944 — январе 1945 года войска антигитлеровской коалиции освободили всю Македонию. В югославской Македонии, вошедшей в состав титовской Югославии, была провозглашена народная республика. Права македонцев как самостоятельного народа впервые признал коммунистический Белград.

Однако в 1948 году произошла известная ссора Иосифа с Иосипом — двух «отцов народов». Идея Балканской федерации, а в ее составе «единой и независимой» Македонии ушла в небытие. Начиная с 50-х годов национальная политика в югославской и греческой Македонии стала существенно различаться.

Если на севере политика была направлена на развитие национального самосознания македонцев в сообществе югославянских народов, включая и вопросы веры (в 1967 году в Скопье была образована автокефальная православная церковь), то на юге Македония была полностью интегрирована в греческую культуру, экономику и государственность.

Страна без названия

Политика греческого правительства сводилась к концентрации греческого населения в Македонии. Так, большинству греков — эмигрантов из Советского Союза предлагали

Македонский руководитель Киро Глигоров безболезненно отделил республику от Югославии, но у него возникли проблемы с другими соседями

обосноваться в северных районах.

Некоторые греки — политические эмигранты 40-х годов, и без того считавшие себя выходцами из Македонии, наивно указывали при возвращении национальность «македонец». Кто мог предвидеть, что это создаст серьезные проблемы для репатриации? Греческие иммиграционные службы, обнаружив в паспортах национальность «македонец», отказывались их принимать.

Любопытно, что, несмотря на националистические тенденции в

Скопье, Грецию до поры до времени не особенно беспокоило существование югославского соседа. Это можно объяснить тем, что югославские республики были младшими братьями в семье. Все экономические и тем более политические вопросы Афины решали только с Белградом.

В последнее время Греция пытается найти компромиссное решение. Так, появилось предложение назвать новое государство «Македония-Скопье» (по-видимому, по аналогии с Гвинеей-Бисау), «Славянская республика Македония». Однако Скопье пока что отвергает эти мотивы.

Другой возможный подход — вспомнить Хельсинкское совещание, Версальский и Нейский договоры, Тегеранскую и Ялтинскую конференции... И, поклявшись друг другу в соблюдении принципа неизбылемости границ, подписать трехсторонний договор (Греция — Македония (Скопье) — Болгария) о совместном развитии трех македонских территорий.

...У границы с Македонией магистраль забита греческими машинами. Македонские пограничники не пропускают их из-за неправильно оформленных документов: в путевых листах не проставлено «Македония».

Но на греческих картах, на указателях, установленных у дороги, нет упоминания о Македонии. По-прежнему водитель читает на путевом шите, что до границы с Югославией остается столько-то километров.

В апреле в члены ООН было принято сто семьдесят первое независимое государство. Однако флаг с символикой империи Александра Македонского не взвился на флагштоке. Новое государство вошло в мировое содружество под временным названием «Бывшая югославская республика Македония».

Фотом из журнала «Национал-джеографик» (США)

Брежневцы, зубры и муми-тролли,

или На кого обречь себя независимой Финляндии?

Елена Каменская

Кто в начале будущего года станет президентом у наших северных соседей?

Уходящий в отставку Мауно Койвисто, вероятно, последний президент, имевший возможность трижды занять эту должность. В июле 1991 года парламент изменил конституцию, лишив президента права переизбираться на третий срок. Запоздалая мера безопасности принята в память об Урхо Калеве Кекконене, который оккупировал этот пост четверть века.

Санитарная зона

Если хочешь быть лидером, надо стать лидером своего поколения, а не следующего, заметил еще давно американский президент Вудро Вильсон. И он же говорил: груз прошлого ограничивает возможности того, что можно сделать в настоящем. Койвисто с его преувеличенно осторожной и опасливой внешней политикой может войти в учебники по политической истории как пример использования вильсоновской теории на практике.

При всем том Койвисто очень не повезло: ему пришлось расхлебывать политическую и экономическую кашу, заваренную почти полвека назад, когда член политбюро и советский комиссар в капитулировавшей Финляндии Андрей Жданов афористически кратко сообщал своим коллегам о плане-максимуме советского правительства: «Мы должны залезать во все поры финской экономической жизни».

План этот был блестяще проведен в жизнь при все более охотном участии самих финнов, вполне оценивших комфортные прелести торговых отношений с Советским Союзом. Но наступила расплата: рухнув, этот последний придавил собою и Финляндию, и за пару лет страна, любившая сравнивать себя с Японией, погрузилась в пучину экономического кризиса.

Койвисто и его правительство оказались без вины виноватыми, но популярности им это не прибавило. А тут — выборы.

В 1918 году, когда Финляндия решила стать монархией и пригласила к себе на царство гессенского принца Фридриха Карла и когда принц Фридрих Карл уже почти стал Вяйнё I, — в это время Паасикиви, защищая свои монархические пристрастия, объяснял любителю демократии: «В этой крошечной стране мы все друг друга знаем, ругались друг с другом на чем свет стоит, немало выпили вместе по-свойски. И ты полагаешь, что один из нас вдруг займет такое положение и будет столь уважаем, что сможет в качестве президента править ко всеобщему удовлетворению? Король — другое дело».

За прошедшие семьдесят пять лет ситуация изменилась, но кое в чем разительно напоминает ту, давнюю. После монархоподобного Кекконена и не очень яркого Койвисто в пору было бы ждать чего-то совсем нового. Но заморского принца нет, и ни у кого уже нет охоты его искать, а новой крови — чтобы влить ее в старые демократические мехи, тоже взять неоткуда, вздыхают политические аналитики в Финляндии.

Эпоха Койвисто оказалась неким подобием санитарной зоны, разделяющей «Финляндию уходящую» (с выжженным советским клеймом на лбу) и какую-то другую Финляндию — ту, которой еще нет.

Пряничные годы

Российская империя приручала Финляндию сначала пряником, потом кнутом. Поколение финских политиков, определивших историю страны в первой половине этого века, — довольно тесный круг лиц, сменявших друг друга в президентском и министерских креслах, — делилось на тех, кто сформировался в пряничные годы, до 1899-го, то есть в пору мирных отношений с Россией, и тех, чья молодость пришлось на кнут русификации.

Урхо Калева Кекконен с женой на Гавайях. 1961 год. Он занимал президентское кресло двадцать пять лет подряд

Первые питали к России теплые чувства или, как минимум, были лояльны, что позволяло им с пониманием относиться к русским, а затем к советским интересам и, несмотря на свой антисоветизм, пытаться договориться с Москвой.

Вторые были ненавистниками всего русского, ориентировались на Германию и оказали решающее влияние на политику Финляндии между 1918 и 1939 годами. Все они сошли с политической сцены после подписания Соглашения о перемирии в сентябре 1944 года. Некоторые по требованию советской стороны, представленной в Финляндии членом политбюро Андреем Ждановым, были осуждены на различные тюремные сроки.

В группе военных преступников были: бывший президент Финляндии, бывший премьер-министр, лидер социал-демократической партии, другие крупные политические деятели — всего восемь человек. Годы формирования всех восьмерых совпали с периодом наиболее жесткой российской политики по отношению к Финляндии — с 1900 по 1913-й. Приход к власти большевиков в 1917 году не мог, разумеется, изменить их негативного отношения к России.

Таким образом, выводить Финляндию из войны и защищать ее государственный суверенитет пришлось консерваторам русофильского толка и «реальным политикам» — Маннегрейму и Паасикиви, последним могиканам ушедшего поколения.

После второй мировой войны советская империя приручала Финляндию в обратном порядке — сначала кнутом, потом пряником. Правые и трудновоспитуемые из социал-демократов пряника не получали, слишком рьяные коммунисты — тоже («грешили левачеством»), «ревизионисты» — тоже. Тем больше доставалось примерным, способным ученикам и среди них самому любимому — Кекконену.

Боролся резидент с послом

Любимым, впрочем, он сделался не вдруг, а за заслуги; поначалу же был настоящим «гадким утенком». Так, Паасикиви, ставший в марте 1946 года президентом и выдвигавший Кекконена на пост премьер-министра, охотно соглашался с коммунистическими оппонентами, что его протеже не пользуется авторитетом среди депутатов, и ворчливо добавлял, что «Кекконен много пьет и, напившись, бывает болтлив». Что касается Жданова, курировавшего внутреннюю политику Финляндии в тот период,

Мауно Койвисто (справа) на волейбольной площадке. Ему пришлось выводить Финляндию из кризиса, порожденного распадом Советского Союза и крахом особых отношений

то его отношение было жестко негативным:

«Кекконен на посту премьер-министра для нас неприемлем, потому что он... показал себя беспринципным человеком, не способным на решительное проведение нового демократического курса Финляндии и старался быть послушным орудием в руках Паасикиви. Кекконен не может быть фигурой, способной... твердо обеспечить проведение дружественной политики по отношению к СССР».

Следовательно, финским коммунистам надлежит «сделать невозможным для Кекконена сформирование правительства». Жданов очень и очень ошибался.

Именно на Кекконена, ставшего президентом в 1956 году, поставила Москва и никогда в своем выборе не

раскаивалась. Она поддерживала его всеми возможными и невозможными средствами 25 лет: дипломатическим путем крепила его политическую линию, косвенно субсидировала его предвыборные кампании, помогала сделать «правильный выбор» и «вышибать» противников. С «большим братом» Кекконен обсуждал заранее все свои политические планы и подбор людей и благоволил к тем, кто был любезен Москве.

Советский Союз спасал Кекконена, когда ему грозила утрата президентского поста, — в Финляндии для острастки общими усилиями учинялся внутри- и внешнеполитический кризис.

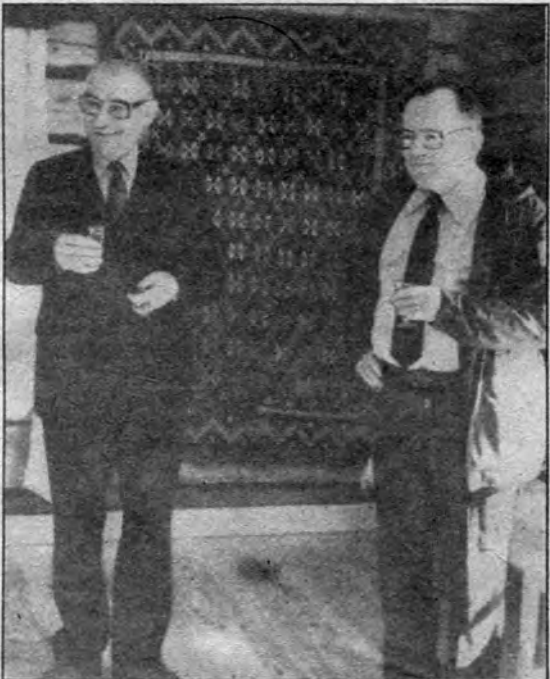
Советские разведслужбы аттестовали Кекконена агентом влияния. С резидентом КГБ в Хельсинки Жениховым «агент» встречался в советском посольстве или в доме своего сына. За право держать связь с президентом Женихову пришлось бороться с послом А.Захаровым, и из этой борьбы резидент КГБ вышел победителем.

Пить вредно

В 1961 году Женихова на резидентском посту сменил Виктор Владимиров. Он был одной из ключевых фигур в советской игре 1981-го, когда решался вопрос о преемнике Кекконена. Тот был болен, и власть уходила из его рук.

Это стало ясно весной 1981-го, когда Кекконен захотел, но не смог свалить правительство Койвисто, который отказался подать в отставку вместе со своим кабинетом, мотивируя это тем, что парламент не выражал недоверия правительству. Это было не просто непослушание, но непослушание, оставшееся безнаказанным, — грозный сигнал для Москвы.

Впрочем, московское руководство могло не беспокоиться: уже был на примете кандидат, проверенный долголетним и плодотворным сотрудничеством, — Ахти Карьялайнен, человек из близкого окружения Кекконе-

Резидент советской разведки Владимиров и неудачливый кандидат в президенты на выборах 1981 года Карьялайнен, которого изо всех сил поддерживала Москва

на, перебивавший на многих постах, но особенно долго — на посту министра иностранных дел.

План кампании в поддержку Карьялайнена, которую должен был организовать Владимир, Москва разработала по привычной схеме: обработка нужных людей внутри страны плюс небольшой внешнеэкономический кризис — искусственное создание проблем в программе товарообмена с СССР, которые должен был блестяще разрешить незаменимый Карьялайнен.

Отвечал за проведение этой экономической диверсии председатель Партии центра и министр иностранных дел Пааво Вяюрюнен, тогда еще юноша-политик 34 лет, ныне — один из претендентов на президентский пост.

Владимир и его молодой помощник Вяюрюнен понимали, что их друг Карьялайнен — фигура невыигрышная, хотя бы по причине склонности к пьянству, и что его кроме Москвы поддерживает лишь тонкий верхний слой партийных ветеранов. Но — приказ есть приказ. И только когда съезд центристов, где ветераны были в меньшинстве, отказался выдвинуть Карьялайнена, Москва дала команду крепить связь с Койвисто, кандидатом от социал-демократической партии.

К этой партии еще с далеких довоенных времен относились враждебно. Осенью 1939 года ее лидер Таннер, встретившись со Сталиным на переговорах в Москве, не нашел ничего лучшего, как заявить, что он меньшевик...

Суда над Таннером Жданов добивался особенно упорно, заявляя, что решение не отдавать Таннера под суд будет равнозначно «плювку в лицо Советскому Союзу». Ненависть к Таннеру и «таннеровцам» не была утолена и после суда: в течение 20 послевоенных лет всякое правительство, возглавляемое социал-демократом, вызывало у Москвы желание поскорее его свалить.

Но в 1981 году выбор был сделан в пользу социал-демократа Койвисто. Владимир сумел поладить с будущим президентом и на зависть очередному послу даже стать его другом. Посол, по свидетельству очевидца, просто ревновал Койвисто к резиденту КГБ...

Зубры впереди

В следующем году впервые в истории Финляндии президента должны избирать на прямых выборах. До сих пор это было делом парламента или коллегии выборщиков, которых в свою очередь избирал народ.

Теперь общественные и партийные организации выдвигают любое количество кандидатов. После этого проводятся предварительные выборы по партиям, в которых могут принимать участие и посторонние, не члены партии. Таким образом,

Майка с автопортретом кандидата в президенты Пааво Вяюрюнена, которого всегда считали лучшим помощником резидента советской разведки в Хельсинки

выявляется партийный фаворит. Но и только. Официально результаты предварительных выборов не являются обязательными для съезда партии, который выносит окончательное решение и называет своего кандидата. В действительности же победивший на предварительных выборах и станет скорее всего официальным кандидатом от партии.

Все нынешние претенденты — или «комсомольская» поросль 70-х, или зубры поколения Койвисто. Один из таких зубров, 64-летний доктор политических наук Раймо Иласкиви, председатель Национального союза пенсионеров.

Из морозилки в печь

Раймо Иласкиви прозорливо предупреждал об опасности разрыва торговых отношений с Советским Союзом, о грозящем банковском кризисе, о росте безработицы. «К сожалению, — насмешливо замечал обозреватель газеты «Хельсингин саномат», — его поднимали на смех, как и всех пенсионеров в этой стране». Тем не менее он победно завоевывает голоса избирателей, действуя наверняка — понося экономическую политику правительства.

Другой зубр — почти ровесник Иласкиви — Калеви Сорса, многолетний функционер социал-демократической партии, множество раз возглавлявший правительство при Кекконене и Койвисто.

Сорса — кандидат в президенты с почтенным стажем: он начал «подавать надежды» в этом качестве еще в 70-е годы. Последние пару лет он провел в директорском кресле Финляндского банка, традиционном кандидатском отстойнике. Пик его популярности прошел давно. С тех пор минуло три года, и язвительный журналист заметил недавно, что «Сорса (по-фински буквально «утка». — Е.К.) долго лежал в морозилке. Те-

перь его сунули в микроволновую печь и смотрят, что получится».

Очевидно, чтобы привлечь к себе долгожданное и необходимое сейчас внимание, ибо предварительные выборы на носу, Сорса неожиданно сделал заявление о желательности получить обратно от бывшего СССР три небольших острова в Финском заливе, отошедшие к нему после войны. Четвертый островок, Сейскари, Сорса намерен оставить России, так как тот имеет «военное значение» (см. «НВ» № 18/93).

Прекрасный незнакомец

55-летний Мартти Ахтисаари, согласно данным мартовского опроса, оказался самым популярным из всех претендентов, опередив даже признанного лидера Иласкиви. Популярность их, однако, имеет разный характер. Те, кто симпатизирует Иласкиви, знают его как облупленного. Ахтисаари никому не известен. Он — прекрасный незнакомец на финском политическом небосклоне.

За последнее время про него успели, конечно, кое-что узнать: учился в Оулу, там же преподавал в народной школе, там его прочили в мэры в 1989 году и там гадалка посулила ему, что «после великой депрессии» его выберут в президенты как «темную лошадку». Он не стал баллотироваться в депутаты парламента, потому что семья была против. Вместо этого работал за границей. Стал почетным гражданином Намибии. В Мозамбике написал одно хорошее стихотворение, которое, как ему кажется, стоит опубликовать...

Кто-то надеется, что Ахтисаари похож на муми-тролля не только изрядной толщиной (он весит 115 килограммов). Кто-то связывает с ним самые радужные надежды на обновление, на выход из кризиса.

Ахтисаари творит свой образ на глазах у заинтересованной публики. Многие ему верят, некоторые нет. Но соблазн поверить велик — не такой уж большой выбор у тех, кто не хочет снова видеть у руля «брежневцев».

Достойный представитель именно этой когорты — 46-летний Пааво Вяюрюнен, только что ушедший в отставку министр иностранных дел, тот самый молодой подручный резидента советской разведки Владими-

ров. Путь Вяюрюнена к власти — обычный бесславный путь партийного функционера, замеченного и приближенного самим великим Кекконеном. В 1988 году он соперничал с Койвисто на президентских выборах. На предварительных выборах он одержал внушительную победу.

Провинция предпочла отдать голоса ему, а не министру-женщине, сулившей пугающие перемены и отказ от «старой политической культуры».

Вы решаете свои проблемы сами? **Вас!**
Тогда мы работаем для

РПС

Акционерное общество Издательский дом "Новое время"

РУССКАЯ ПРЕСС – СЛУЖБА

МЕЖДУНАРОДНОЕ
РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ
АГЕНТСТВО

103782, Москва,
Пушкинская площадь
Тел.: 209-9581, 209-0211
Факсы: 200-4223, 209-5178

- агентство с полным циклом услуг -
от разработки имиджа и концепции
рыночного поведения Вашей фирмы
до создания конкретной рекламной
продукции.

Мы считаем, что лучшая демонстрация
возможностей агентства – это успех наших
клиентов.

Ваш заказ попадет к профессионалам: художникам,
текстовикам, менеджерам. Их опыт и преданность
делу – гарантия Вашей известности среди
потребителей.
Наши возможности позволяют предложить целый
спектр услуг:

РАЗРАБОТКА ФИРМЕННОГО СТИЛЯ

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ РЕКЛАМНЫХ КАМПАНИЙ

с обоснованием целей и задач, созданием девизов
и визуальных образов.

РАЗМЕЩЕНИЕ РЕКЛАМЫ В СМИ

в нашей стране и за рубежом через наши
представительства. РПС обладает эксклюзивным
правом на размещение рекламы в журналах "Новое
время", "New Times International", "Amour", "We
offer", а также в газетах "Все для Вас",
"Домашний адвокат", дайджесте "Московский
обозреватель".

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ:

каталогов, буклетов, проспектов, визиток, конвертов
и наклеек.

ПРОВЕДЕНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПАБЛИК РЕЛЕЙШНЗ:

статьи, интервью, сюжеты на ТВ и радио,
пресс-конференции.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ СУВЕНИРОВ:

значков, зажигалок, брелоков, маек, ручек,
вымпелов.

Мы можем выполнить для Вас один вид работы или
весь комплекс. Мы можем сотрудничать с Вами на
условиях бартера и кредита.

НАШИ РАСЦЕНКИ И СРОКИ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАКАЗОВ БУДУТ ДЛЯ ВАС ПРИЯТНЫМ СЮРПРИЗОМ!

209-95-81
209-76-52
200-21-10

Скатерть для члена политбюро

Записки провинциального контрразведчика

Константин Кислов

Осенью 1938 года после окончания краткосрочных курсов при Высшей пограничной школе в Москве несколько человек, в том числе и меня, направили в распоряжение Управления НКВД по Красноярскому краю. Через два месяца меня распределили в Управление НКВД Хакасской автономной области. В 1940-м назначили начальником контрразведывательного отделения.

В провинции оперативный работник в силу обстоятельств вынужден заниматься многим из того, что столичному контрразведчику чаще всего даже неизвестно.

Особенно накладны и, конечно, в ущерб делу отвлекают его всякого рода «особые мероприятия». Ну взять хотя бы визиты высоких гостей, зарубежных или наших, ответственных, — все едино.

Секретные телеграммы

Весной 1942 года в Абакан прибыл член политбюро ЦК ВКП(б) Андрей Андреевич Андреев с дочерью. Андреев в те годы курировал сельское хозяйство. Воюющей стране нужен был хлеб, и как можно больше.

Андреев приехал в специальном литерном поезде в сопровождении заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК партии и нашего краевого

Константин Кислов — полковник госбезопасности в отставке, последняя должность — начальник Управления КГБ УзССР по Самаркандской области. Член Союза писателей, пишет детские книги.

начальства во главе с генералом Семеновым. Было там немало и других сопровождающих.

С приездом таких высоких особ, а вернее, еще за два-три дня до их приезда для всего личного состава Управления НКВД начинается суета сует. Указания, сигналы к такому авралу исходят главным образом от начальника личной охраны приезжающей персоны. Надо проверить воду, взять на анализ пищевые продукты, из которых будут готовить еду для высокого гостя. Подвергнуть анализу даже воздух помещения, где изволят отдыхать гости.

Начальником охраны у Андреева был подполковник Букатов. Надо сказать, что в охрану подбираются главным образом такие люди, которые на других участках или не проявили себя, или вообще оказались непригодными для работы, где требуется больше знаний и ума, чем физической силы.

В охрану подбирали парней саженого роста, сильных, хорошо натренированных, умевших одним ударом кулака свалить не только человека, но и вола. Ума здесь большого не надо, не надо и высшего образования, да и культуры тоже. Таким, кстати, был и подполковник Букатов. Конечно, это мое личное мнение и, разумеется, оно не может распространяться на всех офицеров Управления охраны. Среди них у меня были друзья, о которых и сейчас приятно вспоминать. Но вот из каких оперативных соображений исходило наше руководство, обязав меня, начальника контрразведки, быть связным, а вернее, личным порученцем секретаря ЦК Андреева, — это мне неизвестно.

К приходу литерного поезда я уже был на перроне вокзала, заботливо очищенного и чисто подметенного не только от мусора, но и от празднилолюбивых людей. В руках у меня была папка с нужными документами.

Поезд еще медленно, на тормозах, подходил к платформе, а генерал Семенов уже стоял на подножке салон-вагона. Не знаю почему, но вместо начальника управления, с которым мы стояли рядом, первым он велел (махнув рукой) подняться в вагон мне.

В салоне за столом сидели Андреев, два-

Неожиданное
появление в
далекой
Хакасии гостя
из Москвы
едва не стоило
жизни
молодому
чекисту

В самый разгар войны член политбюро Андрей Андреевич Андреев с дочерью совершил комфортабельное путешествие на восток. Люди, которые могли бы быть на фронте, обслуживали высокого начальника

три сопровождавших его работника высокого ранга, они пили чай. Семенов представил меня Андрееву как начальника одного из ведущих управлений.

— У меня есть поручение к вам, товарищ Кислов, — сказал Андреев и подал мне три листа бумаги, исписанных красным карандашом. — Прошу вас как можно скорее передать эти телеграммы по назначению, ленту изъять. Это очень важно...

Пойти и застрелиться

Что было написано на этих листах, я не знал, да и интересоваться это меня не могло. Передав содержимое моей черной папки начальнику охраны Букатову, я вложил в папку эти три листа и, попросив разрешение выполнять поручение, покинул салон.

От железнодорожного вокзала до нашего управления всего каких-нибудь три квартала. Я не сел в машину, а, зажав рукой папку, пустился чуть не бегом по боковой улице. Вбежав в вестибюль, на ходу вторых раскрыв папку и... обмер — бумаг в папке не было. Холодный пот выступил по всему телу. Хотя в вестибюле стояла жуткая жара.

Все это было похоже на какой-то страшный детектив, словно некая нечистая сила вырвала из папки все ее содержимое, составлявшее государственную тайну. Я осмотрел широкую лестницу, подошел к ней — нет, бумаг не было.

Тогда я побежал по своему следу как собака-ищейка, заглядывая в каждый куток, в каждую земную морщинку на пути, по которому я бежал от поезда. Состав еще стоял у платформ, разгружались, покидали свои вагоны пассажиры из группы сопровождения члена политбюро. Я забежал с противоположного рельсового пути, чтобы избежать встречи с Семеновым или с кем-то из тех, кто меня видел в салоне. Подлез под вагон — нет, бумаг и здесь не было.

Разбитый, морально подавленный, весь мокрый от пота, я вернулся по той же самой дороге, по которой еще каких-нибудь полчаса бежал окрыленный важным поручением члена политбюро ЦК ВКП(б).

Чего нет, того, видимо, не найдешь. Что же делать? Явиться с повинной головой к члену политбюро и сказать горькую правду: я потерял ваши документы, которые вы поручили мне лично передать по телеграфу адресатам?

Это же что-то немыслимое: чекист, начальник контрразведывательного подразделения потерял важные документы! Что же будет? Судить его, растяпу, в трибунал! Может быть, Андреев этого не сказал бы, но уж подумал бы наверняка. Стыд, позор! Нет, все должно быть иначе: пройду еще раз по улице до управления, поднимусь в свой кабинет и застрелюсь. Иного выбора у меня не было.

Я шел от вокзала и уже ни о чем не думал, ни на что не надеялся.

Счастливая кузница

Между тем день становился все жарче. Улицы — все многолюдней. Пустиры и городские площади, а кое-где и сами улицы были засажены картошкой.

На крутом повороте от вокзала на прямую улицу, идущую к управлению, стояла небольшая старенькая кузница. Работала она или уже была приговорена к сносу, этого я не знаю, но то, что она стояла не на месте и каким-то острым углом упиралась в улицу и мешала нормальному движению транспорта, — это все замечали. От кузницы через дорогу начинались уже картофельные посадки, густо кудрявились зеленые всходы ботвы на радость городским «землеладельцам». Здесь на какое-то мгновение что-то задержало меня. Я поглядел на противоположную сторону дороги и заметил среди

Таковыми плакатами, призывавшими уничтожать шпионов и диверсантов, была увешана вся страна, но большому числу сотрудников гигантского аппарата госбезопасности так и не удалось своими глазами увидеть живого шпиона

картофельной зелени не то белую тряпку, не то брошенную газету. Подошел — о, чудо! Это были те самые три листа белой бумаги, исписанные красным карандашом.

Я поднял их и тут же, обессилев от страшного напряжения, от безнадёжности, опустил на бровку канавы, прижал к мокрой груди бумаги, сел и расплакался.

Как же эти злополучные листы белой бумаги могли оказаться на противоположной стороне улицы да еще в картофельной ботве, ведь я бежал от вокзала по другой стороне улицы? Спокойно поразмыслив, я сообразил. Я бежал так стремительно и, видимо, так круто повернул на углу кузницы, что из папки — а она была без боковых клапанов — ветром-сквозняком вырвало листы бумаги и забросило их на противоположную сторону улицы в картофельную ботву.

Уже там, на почте, передав записки по телеграфу, я узнал, что они не содержали никакого секрета. Одна из них направлялась в Москву в Главнефтебизит, другая — в Новосибирск, секретарю обкома, и еще одна — секретарю Алтайского крайкома. Во всех трех было требование (в виде вежливой просьбы) увеличить поставки горюче-смазочных материалов для Хакасии, ускорить отгрузку тракторов из Алтайского края и увеличить поставку запасных частей и агрегатов к сельскохозяйственным машинам и особенно к комбайнам...

Начальник политической разведки нацистской Германии Генрих Гиммлер (слева) и начальник военной разведки адмирал Канарис (справа) не сумели забросить своих агентов в далекую Хакасию, и советские контрразведчики сидели без дела

Я позвонил в салон-вагон, подполковника Букатова там уже не было. Мой доклад принял один из помощников Андреева. Позвонил и будто свалил с себя непосильную ношу. Весь день куда-то ходил, вернее, бродил как чумной, не зная за что взяться.

В сорочке родился

После войны много лет спустя случайно встретился с генералом Семеновым в санатории «Кратово». Семенова уже уволили. Выписавшись из госпиталя, он ждал, пока оформлялись документы о его отставке. До встречи с ним я

Рисунок Марата Таурова

никому не рассказывал этой истории, чуть не оборвавшей мою жизнь.

Мы сидели в зале, он слушал меня с обостренным вниманием, лицо его почему-то постоянно менялось: то наливалось кровью, то становилось мертвенно-белым.

— Это да, случай... — вздохнув, проговорил он. — Если бы ты доложил мне все это еще тогда, честно скажу, мы бы сейчас не сидели рядом. Ну и дела, черт возьми, видимо, ты все-таки в сорочке родился...

Между тем визит члена политбюро Андреева продолжался. В составе спецпоезда кроме салона, вагонов спецобслуживания находились еще и гараж с двумя черными «бьюиками». Я оказался у запасного пути как раз в тот момент, когда выкатывали из вагон-гаража эти красивые вместительные автомобили. Когда их выкатили, один из шоферов заметил, что колесо у машины слегка приспущено. Он тотчас же поставил под машину домкрат, снял колесо, взял зубило и принялся разрубать им новенький баллон.

Наши машины давно уже ходили на «лысой» резине, много раз вул-

канизированной, латаной-перелатанной. А некоторые были поставлены на баллоны, снятые после использования ресурса с военных самолетов Р-5. Эти баллоны были вообще без протектора, и после дождя на таких колесах уже нельзя было тронуться с места. Шоферы наши мучились, ругали все и всех, постоянно напоминая о том, что когда-нибудь они и их пассажиры разобьются вдребезги. Помня жалобы шоферов, возмущился и сделал замечание шоферу, который с таким неистовством разламывал почти новый баллон.

— Что же ты делаешь?!

— А что?

— Да это ведь настоящее вредительство: новый баллон у всех на глазах губишь.

— А ты хотел, чтобы где-нибудь в дороге этот чертов баллон спустил, а, покуда я бы возился с ним, член политбюро сидел бы на обочине и загорал. Так, да? Иди-ка ты со своими советами куда подальше и не хрена соваться не в свое дело.

Покушение

На одном из этих «бьюиков» дочь Андреева и начальник охраны Букатов поехали в Минусинск, а оттуда — в Шушенское. На абаканской паромной переправе произошел с ними такой случай.

Помощник паромщика, видимо, крепко подвыпивший, спал прямо на паромном настиле. А когда шикарная автомашина, не виданная в здешних краях, плавно и величественно въехала на старенький скрипучий паром, этот бедолага вдруг вскочил и, раскинув руки, всем своим тощим телом обнял капот и ярко блестящий радиатор машины.

Букатов схватил за шиворот пьяного мужика и приказал находившемуся здесь милиционеру задержать и отправить «террориста» куда следует.

На следующий день утром мне позвонил начальник Усть-Абаканского райотдела Дубровин и доложил, что милиционер еще вчера привел к нему террориста, который намеревался совершить теракт на паромной переправе, когда там появилась автомашина члена политбюро А.А. Андреева. Милиционер не передал ему никаких материалов, сказал, что арестовал этого мужика подполковник, начальник охраны товарища Андреева, и приказал доставить в райотдел.

— Что мне делать? — спросил Дубровин. — Я допросил его, он все еще не проспался и потому ничего толком объяснить не может. Говорит одно: испугался, как бы его не задавила машина, занявшая весь паром. И потому он вскочил и пытался руками придержать машину. Вот и

все. Этого мужика я хорошо знаю, с полгода назад он пришел с фронта инвалидом. С тех пор и работает на пароме. Одинокий, почти каждый день пьяный — шоферы угощают...

Я сказал Дубровину, чтобы он еще раз допросил мужика, когда тот трезвеет, и отпустил его с миром.

Исчезнувшая скатерть

Андреев пробыл в Хакасии два или три дня — ждали прибытия теплохода. Андреев решил возвратиться в Красноярск на теплоходе по Енисею.

Комфортабельный лайнер отшвартовался у причала в абаканской протоке. Пассажиры на нем не было. Вся верхняя команда теплохода состояла из сотрудников управления НКГБ края и членов их семей. Группе сотрудников областного управления, которую возглавлял, было приказано «подготовить» теплоход для члена политбюро.

Мы самым тщательным образом обследовали нижнюю и верхнюю палубы теплохода. На верхней палубе все дверные ручки, перила лестниц, мебель и даже туалет — все было протерто спиртом, огромную бутылку которого доставили сюда с Минусинского спиртзавода.

В салоне теплохода не оказалось посуды и скатертей — где их взять? Идет война, в Абакане нет ни одного ресторана. Выручил начальник управления Орлов, передавший во временное пользование посуду и скатерти со своей квартиры. В общем, все было сделано в лучшем виде.

Когда к причалу подкатил «бьюик» Андреева, а следом за ним охрана под командой подполковника Букатова, Андрей Андреевич вышел из машины, огляделся — мы стояли на сходнях. Он прошел мимо, словно не заметив нас. Сразу поднялся в салон. Букатов подошел ко мне и сказал:

— Автомобили сегодня же отправить поездом в Красноярск. Без задержки.

Даже начальник управления Орлов не был удостоен приглашения на теплоход. Мы дождались, когда лайнер отвалит от причала, не сводили глаз с салона, чуть не вылизанного нами, ждали, что гость заметит и нас. Но этого не произошло.

Через несколько дней Орлов спросил меня, когда вернут ему посуду и скатерти? Я ответил, что все это должно находиться в Красноярске. Но из Красноярска так ничего и не вернулось. Орлов еще долго напоминал мне об этой посуде и даже сердился на меня. Но помочь ему я уже не мог.

В следующем номере: история о том, как ферганское управление КГБ принимало Индиру Ганди и Джавахарлала Неру и как для встречи бирманского премьер-министра У Ну понадобилась помощь армейской гарнизона.

Изготовим
липкую

АПЛИКА

рекламу,
бирки,
этикетки,
наклейки,
товарные
знаки
и т.д.

Разработаем
фирменный и
рекламный
стиль.

Тел.
202-50-66

Научно-производственное
предприятие "Экон"
предлагает:

Экон

- поставку оборудования для локальных вычислительных сетей (ЛВС);
- монтажные работы, генерация и администрирование локальных сетей "под ключ";
- программное обеспечение по всем аспектам административно-хозяйственной деятельности предприятий, в том числе и для применения в составе локальных сетей;
- разработка специализированного программного обеспечения для автономного и сетевого использования;
- реализация автосамосвалов марки "ЗИЛ-ММЗ".

Тел. (095) 208-40-02

Открывает офис в
Москве.

Мы
специализируемся
в проектировании
жилья, офисов,
медицинских
учреждений,
предприятий
торговли,
интерьеров и т.п.

ЧИКАГСКАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ФИРМА

GARY A. BERKOVICH & ASSOCIATES, Inc.

ХОТИТЕ ЗАКАЗАТЬ
ПРОЕКТ,
ОТВЕЧАЮЩИЙ
ЗАПАДНЫМ СТАНДАРТАМ?

Звоните по
телефону:
(095) 938-13-74.
Говорим
по-русски.

Простить и забыть?

Офицеры КГБ и судьи, отправлявшие диссидентов в лагеря, продолжают делать карьеру

Николас Бетелл

В 1979 году в Киеве состоялось судебное заседание, на котором рассматривалось дело поэтессы Ирины Ратушинской, которая в настоящее время живет в Лондоне. Она обвинялась в «сочинении антисоветских стихов» и «искажении советской истории». Председательствовал на суде судья Зубец.

— Он нарушал все законы, которыми должен был руководствоваться, — вспоминает Ратушинская. — Во время суда он меня оскорблял. Он не позволил мне защищать себя и не дал мне последнего слова. По договоренности с КГБ он вынес мне жесткий приговор — семь лет в лагерях строгого режима и пять лет ссылки.

«Я выполнял свой долг»

Советский режим рухнул, и Украина теперь — независимое государство. Означает ли это, что судью привлечь к ответственности за нарушения законности, допущенные по отношению к молодой женщине-диссидентке? Ни в коей мере. Стыдно ли ему? Нисколько.

— Тогда было другое время. Я выполнял свой долг, — сказал он в интервью.

Его только что назначили председателем Верховного суда Украины.

В мордовском лагере № 385 Ирина познакомилась с диссиденткой из Эстонии Лаглей Парек, которая стала ныне министром внутренних дел Эстонии. Один из офицеров-охранников, отличившийся особенной жестокостью, сейчас оказался в ее подчинении. Вместо того чтобы избавиться от него, Лаглей Парек решила все простить и забыть. Проблема теперь в том, что он настолько боится ее, что желание угодить парализует его и он практически не способен справиться со своими обязанностями по поддержанию порядка в эстонских тюрьмах.

Это один из парадоксов нынешней жизни в бывших советских республиках. Система уничтожена, коммунистическая партия распущена, название страны изменено, и в то же время

— в отличие от Германии в 1945 году — те же люди продолжают оставаться у власти.

Один из помощников вице-президента?

Бывшие офицеры КГБ, специализировавшиеся на борьбе с членами демократического движения, сегодня делают карьеру. В 1978 году Евгений Саушкин допрашивал известного диссидента Александра Гинзбурга. Именно КГБ, а не суд приговорил Гинзбурга к восьми годам тюрьмы.

— Его считали одним из самых жестоких следователей в КГБ, — говорит сегодня Гинзбург. — Он угрожал мне смертным приговором по обвинению в государственной измене. По его приказу мне не оказывалась медицинская помощь. А сегодня он — депутат Моссовета.

Еще один гонитель диссидентов, полковник Владимир Черкасов, недавно назначен руководителем петербургского управления министерства безопасности.

— Это ужасные люди, — говорит Гинзбург. — Но у них связи и свои люди везде. Новое руководство, даже демократы, считают их полезными. Они не могут обойтись без них.

Недавно Ирина Якир, дочь известного диссидента и внука расстре-

Александр Гинзбург помнит, как его допрашивал следователь КГБ Евгений Саушкин, ныне депутат Моссовета

лянного Сталиным маршала, встретила своего бывшего следователя Павла Александровского в здании российского парламента.

— Я спросила, помнит ли он меня. Оказалось, нет, хотя он очень жестоко со мной обращался, а я в то время ждала ребенка. Я спросила его, чем он занимается. Выяснилось, что он — один из помощников вице-президента Рущкого.

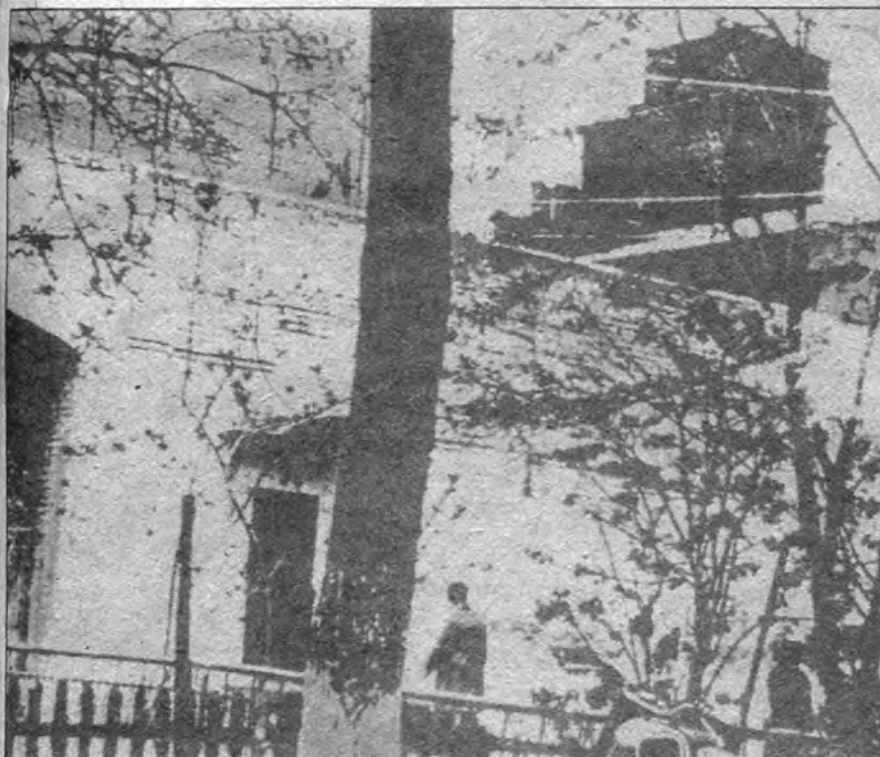
Владимир Буковский вспоминает Маргариту Тальце, которая поставила ему соответствующий диагноз и «лечила» его от психического заболевания в Институте имени Сербского. Сейчас она на пенсии, но продолжает консультировать в институте.

Директор Института имени Сербского Григорий Морозов ушел со своего поста, но не отошел от дел и получает свою пенсию. Это он лечил от «психических заболеваний» многих бывших диссидентов, среди них — Буковский, Григоренко, Горбаневская, Плющ и Жорес Медведев.

Лечение Горбаневской и Плюща в Институте имени Сербского, возглавляемого Морозовым, напоминало пытки. Им давали вредные и болезненные лекарства, пытались убедить, что антисоветские взгляды — симптом душевного заболевания. Горбаневской вводили препарат, от которого она ужасно страдала.

Россия и другие бывшие советские республики еще не разобрались со своей недавней историей. Они утверждают, что отвергают прошлое, Брежнева и Сталина, но меха-

Болгарский диссидент Георгий Марков, убитый в 1978 году в Лондоне. Недавно генерал Олег Калугин признался, что организовывал это убийство по приказу Андропова. Орудие убийства — зонтик с отравленной пилюлей на острие...

Леонида Плюща «лечили», а точнее пытали, в Днепропетровской психиатрической лечебнице (на снимке) и в московском Институте имени Сергеевского

низ управления остается прежним. По большей части у власти находятся те же самые люди. «Новый КГБ» сегодня действует более мягко, но люди, там работающие, по большей части те же, что и прежде.

Некоторые перегибы

— Нужно признать, что допускались некоторые перегибы, но сотрудники КГБ делали то, что должны были делать, подчиняясь закону, — говорит Алексей Кандауров, сотрудник центра по связям с общественностью министерства безопасности (только что, получив звание генерал-майора, возглавил ЦОС МБР. — Ред.).

Это основная линия. О прошлом надо забыть. Нужно оставить взаимные обвинения. Преследователи не только не наказаны, но и остались на своих местах и сохранили свои привилегии, полагавшиеся им при старом режиме.

Кажется, единственным всерьез пострадавшим сотрудником КГБ во время демократической революции в России стал Феликс Дзержинский. Его памятник снесли, его наследники остались на своих местах.

Деятели сталинской эпохи все еще живы и пользуются всеми благами, получая солидные пенсии. Например, бывший начальник одного из управлений НКВД Петр Сопруненко, подписавший приказы о массовых расстрелах польских офицеров в Катыни в 1940 году. Два года назад его допрашивал военный прокурор, но ничего предпринято не было, и сейчас он спокойно живет в своей прекрасной квартире на Садовом кольце.

Допрашивали недавно и еще одного сотрудника тайной полиции, Даниила Копелянского, которому сейчас 74 года. Согласно архивам Лефортовской тюрьмы в 1946 году он дважды допрашивал Рауля Валленберга за несколько месяцев до предполагаемого убийства шведского дипломата.

— Я это совершенно не подтверждаю! — закричал он, когда я позвонил ему домой, в квартиру неподалеку от Тверской. Явно заученная формулировка, возможно, подсказанная молодыми умами Лубянки. Прежде в разговоре с моим московским коллегой Львом Елиным Копелянский «отрицал» свое участие в допросах. Но отрицать то, о чем говорят документы, глупо...

Официальное расследование так и не было начато.

Павел Судоплатов — один из наиболее печально известных сталинских палачей. Он много раз бывал за границей, в Германии и других странах, выполняя секретные поручения, убивая русских эмигрантов. Он был главным организатором убийства Троцкого в Мексике в 1940 году.

— Я горжусь своей работой по защите нашей революции, — сказал он мне во время нашей встречи у него дома в северном районе Москвы. — Единственно, о чем я жалею, что наша страна, похоже, катится ко всем чертям.

Сегодня ему 88 лет, он пользуется всеми привилегиями отставного генерал-лейтенанта КГБ.

«Я организовал убийство»

Более свежий пример — Олег Калу-

гин, прекрасно говорящий по-английски отставной генерал КГБ. Три года назад он порвал с КГБ и стал писать о том, что там творится. Он, однако, не решился назвать конкретных сотрудников КГБ, ответственных за конкретные преступления. По его словам, это недостойно офицера и благородного человека.

Его лояльность по отношению к мрачному прошлому КГБ отчетливо видна и в его статье, опубликованной в английской газете «Мейл он санди». Калугин утверждает, что принимал участие в подготовке убийства в Лондоне болгарского писателя-эмигранта Георгия Маркова в 1978 году. Двухпослая статья называлась «Я организовал убийство Маркова».

В награду за это болгарская полиция подарила ему охотничью винтовку. Калугин пишет, что верой и правдой служил государству; что должен был выполнять приказы, что не подчиниться Юрию Андропову было равносильно самоубийству. Ему, кажется, не приходится в голову, что немецкие нацисты приводили те же аргументы во время Нюрнбергского процесса.

Олег Калугин часто приезжает в Лондон, рекламирует книгу, описывающую его подвиги в те времена, когда он служил в КГБ. Может быть, в свой следующий приезд он поможет британской полиции раскрыть это еще не раскрытое преступление — убийство Маркова на мосту Ватерлоо?

ЛОНДОН

Фото из журнала «Шпигель» (ФРГ)

Предлагает недорогую и добротную офисную мебель (кабинет руководителя-столы, шкафы), солидную мягкую мебель (диваны, кресла) со склада в Москве. Современный европейский дизайн. Стильные вешалки, сейфы. **П**родает ксероксы MITA CC-10 и расходные материалы к ним. **О**существляет ремонт ксероксов MITA и Canon. Рассмотрим предложения по закупке и реализации офисного оборудования (мебель, светильники, зеркала, оргтехника и пр.)

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ
КОММЕРЧЕСКАЯ ФИРМА

"АРК-92"

**ПРЕДЛАГАЕТ
К РЕАЛИЗАЦИИ:**

- станок универсальный
комбинированный УН-1СМ,
- станок строгальный
трехсторонний С25-3СМ,
- станок фрезерный ФС-1СМ,
- станок рейсмусовый СР6-9СМ.

АДРЕС:

Санкт-Петербург,
ул. Трефолева, дом 43.

ТЕЛЕФОН:

(812) 186-01-98.

ФАКС:

(812) 186-64-85.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА
"АМЕРОИТ"

бизнес в Санкт-Петербурге:

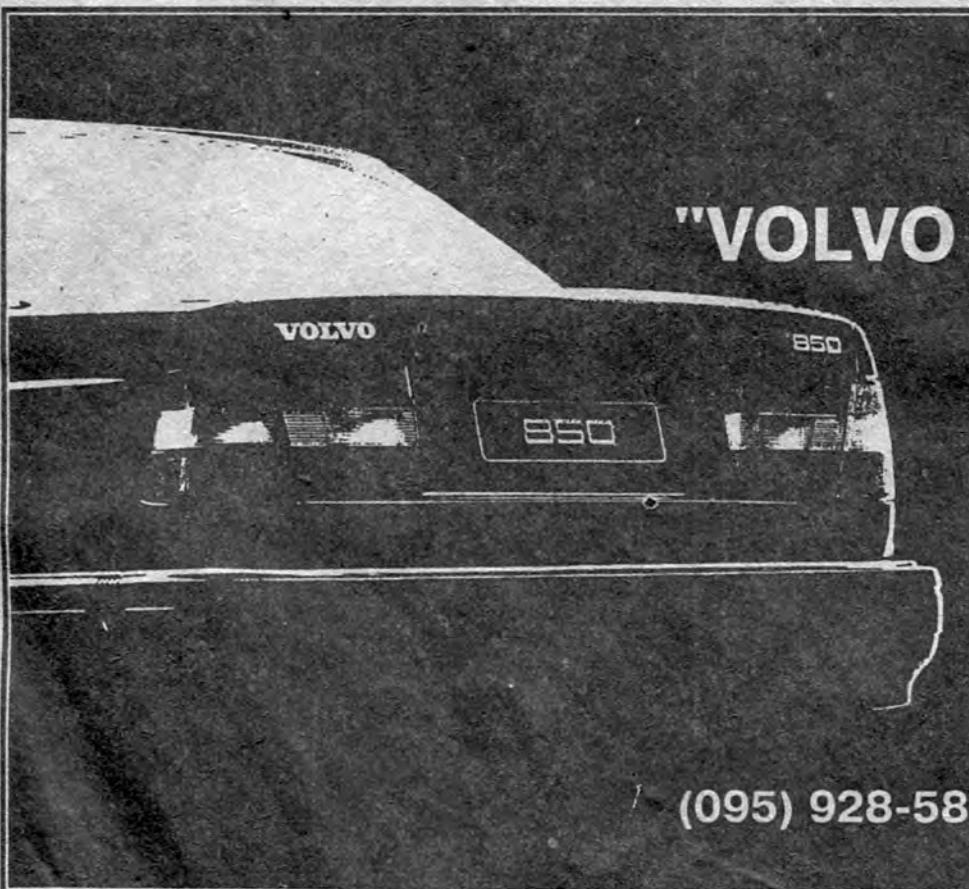
правовая помощь
предпринимателям,

регистрация и продажа
готовых предприятий,

консультации,

интервью.

Запись по телефону
в Санкт-Петербурге (812) 239-83-98

"VOLVO 850 GLE"

Организация
предлагает
автомшины

(базовая модель)
со склада в Москве.

Гарантия 1 год.

Форма оплаты
любая.

Возможна поставка
любых моделей
в течение месяца.

Тел.:

(095) 928-58-73, 200-60-29.

Гольий среди одетых

Инна Руденко,

собственный корреспондент
«Нового времени»

Когда в том страшном августе 1968-го в Кремле брежневская камарилья обрабатывала интернированного Дубчека, а он все твердил, что советские танки — трагедия, катастрофа, народ никогда не примирится с оккупацией, Косыгин заметил:

— С той силой, которая там у нас сейчас есть, и с вашей помощью мы свергнем и черта, не только Гольдштюккера.

Имя это, Гольдштюккер, так долго не сходило со страниц наших газет — «многоликий либерал», «сионист», «агент Запада», — что стало нарицательным. Когда десятилетия спустя в Москве проходили первые демократические выборы, на встрече с кандидатом в депутаты, вокруг которого кипели особенные страсти, оголтелая «Память» явилась с лозунгом: «Да это же доморощенный Гольдштюккер».

Тридцать лет спустя

И вот тихое кафе на шумной Вацлавской площади, и Эдуард Гольдштюккер передо мной. Не имя, живой человек: «Видите, не такой уж и страшный». Белая от седин голова и молодой прищур глаз.

Ему восемьдесят, а Пражской весне, с которой так прочно связано его имя, ныне двадцать пять. И ровно тридцать лет событию, которое потом назвали началом весны, — в мае 1963-го в Либлице под Прагой состоялась конференция о творчестве Франца Кафки. Теперь это кажется странным — почему разговор о литературе вызвал такой политический резонанс?

— Многие кажется странным — с высоты наших сегодняшних знаний и представлений, — вспоминает Эдуард Гольдштюккер. — Но вспомним то время: Кафка по сути был запрещен в странах, называвших себя социалистическими. Широко популярный на Западе, он совсем не издавался у нас. Этот немецкий писатель, еврей по национальности, как известно, жил и творил в Праге. А Прага его не знала. Образованные люди не читали ни строчки! Уже после смерти писателя вышел его «Замок», но тираж не был даже распродан. Остатки тиража в войну сожгли фашисты, для них это была еврейская литература. Вспыхнувший было интерес к Кафке в годы оккупации — абсурдный мир его книг как бы переключался в жизнь — после войны заглох. Кафка был неужоу и коммунистам. «Жечь Кафку!» — такой призыв прозвучал со страниц французского коммунистического еженедельника.

Последнее фото Франца Кафки, несчастного человека и великого писателя, не признанного при жизни. И после своей смерти он все был кому-то неужоу. Его книги то сжигали как «еврейскую литературу», то запирали в спецхран как «буржуазную»

«Типичный представитель загнивающей буржуазной культуры», «декадент», «пессимист», «дурное влияние на молодежь» — таковы были ходячие представления. А так ли это с точки зрения науки, а не ходячих представлений? Вот какой сакраментальный вопрос решили мы обсудить. Когда проректор Карлова университета профессор германистики предложил провести первую международную конференцию «Франц Кафка в пражской перспективе», на нее приехали Роже Гароди из Франции, Эрнст Фишер из Австрии, видные ученые-марксисты ГДР, Венгрии, Югославии, Польши. Два дня дискуссий вошли в книгу, которая была издана потом на чешском, немецком и итальянском. И породила ожесточенные споры.

Я долго искала в библиотеках Праги эту книгу. С трудом нашла, домой мне ее не дали, в читальном зале читать не разрешили, отвели в специальную комнату — раритет.

А открыв ее, испытала чувство некоего недоумения: «Франц Кафка помог нам лучше увидеть мир, но мешает идти дорогой, на которую нас позвали Маркс и Ленин... Взять законы жизни в свои руки — вот наше предназначение. Для этого нужна иная литература, та, суть которой выразил Юлиус Фучик: «Жил я для радости, умираю

Разговоры с
Эдуардом
Гольдштюккером о
Кафке,
Пражской
весне, и не
только о них

за нее». Да что же тут такого опасного?

«Вершина навозной кучи»

— О любом явлении прошлого, согласитесь, следует судить, не отчуждаясь от конкретных реалий времени, — говорит Гольдштюккер. — «Агент Запада» — такой была тогда точка зрения официальной советской пропаганды о Кафке. А Говард Фаст написал о нем буквально следующее: «Вершина навозной буржуазной кучи». Наша же конференция пришла к однозначному выводу: Кафка — выдающееся явление мировой культуры. Только одни — те, которых вы цитировали, считали, что он принадлежит лишь истории литературы. Другие — Гароди, Фишер и я — утверждали, что Кафке есть что сказать и современности.

Брожу по Праге по кафковским местам. Угловой дом у Староместской площади. На нем мемориальная доска — здесь Кафка родился. 110 лет назад. В семье галантерейщика-фабриканта, человека грубого, самодовольного и нетерпимого, который, презирая литературное занятие, пытался сломить волю сына, беспомощного, нагого пред его нетерпимостью. Сын потом напишет свое знаменитое «Письмо к отцу», где отчуждение в семье вырастет до отчуждения человека и мира вообще.

А вот в этом, таком ныне весело окрашенном, доме было страховое общество, куда Кафка каждый день

руку полюбил, — Милену Ясенскую, автора первых переводов его на чешский. Он потом оставит нам свои «Письма к Милене», невероятные по обнаженности сплетен — стремлений — выйти из своего одиночества и страх перед потерей этого одиночества.

Странное ощущение не покидает меня: он жил тут — и не тут. Прошел какой-то лишенный плоти тенью по этому городу, топографические детали которого так тщательно стирал в своих произведениях, доводя их до притчевости. Он словно растворен в самой атмосфере этого города, таинственной, многозначной. Будто не живой человек, а символ. Заостренный до голый дидактичности пример бытия личности в дегуманизированном мире.

— Главные споры на конференции развернулись вокруг проблемы отчуждения: есть ли оно в нашем обществе или является лишь приметой капитализма? — рассказывает Гольдштюккер. — Мы утверждали, что есть, чем очень оскорбили правоверных ортодоксов. Через несколько недель после завершения конференции на нее обрушился Альфред Курелла, идеолог из ГДР. Это был старый коммунист, который пережил нацизм и войну в Москве и вернулся в Берлин лишь в 1958 году верным стражем идеологической чистоты. Гароди, Фишер и я полемизировали с ним, выявляя его ортодоксальность. Потом меня обвинили в том, что это я завел дискуссию о различии социализма прогрессивного и консервативного, разделил коммунистов на консерваторов и реформаторов. Но факт остается фактом: с имени Кафки запрет был снят. После нашей конференции уже нельзя было найти сколько-нибудь весомых аргументов против публикации его произведений, и Кафка был издан всюду. А полемика, то затухая, то разгораясь, вновь продолжалась. Новая волна обвинений накатилась в августе 1968 года, когда наша конференция и была названа «началом контрреволюции».

Царство абсурда

История — в какой раз! — показала свою способность творить из событий символы. Конференция по Кафке, сумевшему как никто проявить абсурдность этого мира, стала предтечей Пражской весны, чтобы потом разгром ее пошел именно по кафкиански.

Отец писателя, чьи самодовольство и нетерпимость положили начало его страданиям. Франц Кафка обессмертил этого маленького фабриканта, написав «Письмо к отцу» — произведение, которое изучают теперь в школах как классическое

Перечитывая сейчас воспоминания, свидетельства очевидцев, исследования политологов о событиях четвертьвековой давности, поражалась, как часто в них встречается само это слово — «абсурд».

«При известии о вторжении, — пишет известный — деятель Пражской весны Зденек Млынарж, — я испытал потрясение, сопоставимое лишь с тем, какое я пережил, попав в автомобильную аварию. В моем сознании промелькнула череда сцен, как будто из какого-то абсурдного кино... Я просто физически

ощущал, что это полный крах моей жизни как коммуниста».

Потом его, Млынаржа, вывезут в Москву, и он будет стоять пленником у окна гостиницы и смотреть на свой, бывший свой, московский университет: «В абсурдности этих минут олицетворялся абсурд всей моей жизни, и меня охватило страстное желание вообще не существовать».

Вспоминая ночь ареста, когда все они, руководители страны, сидели под дулами автоматчиков — автоматчики сопровождали их и в туалет и возвращались потом с мокрыми закатанными рукавами: искали свидетельства контрреволюционности в унитазах, — он замечает: «То был настоящий театр абсурда».

«Решение о вводе войск в Чехословакию было результатом действия кафкианской системы», — пишет в своей монографии о 1968 году политолог Иржи Валента. Сплошной абсурд, цепь абсурда, логика абсурда, если возможно такое сочетание понятий.

Истошный крик прессы: «Найден склад американского оружия!» А оружие оказалось в... русских мешках. Молоденький усталый солдат, вылезая из танка на улице Праги, спрашивает: «Это Израиль?» Танк, развернутый к стене — на стене надпись: «Если у нас такие братья, то лучше бы мать-Россия пользовалась бы противозачаточными средствами».

Против оружия — лишь ирония, сарказм, презрение. Одетые в броню против голых, безоружных. «Мы рождены, чтобы Кафку сделать былью» — это уже кажущееся пошловатым от частого употребления выражение тем не менее точное, я бы даже сказала: научное определение.

Чем была Пражская весна, как не попыткой спасти идею, воплотить на деле лозунг «Социализм — это реальный гуманизм» или «На-

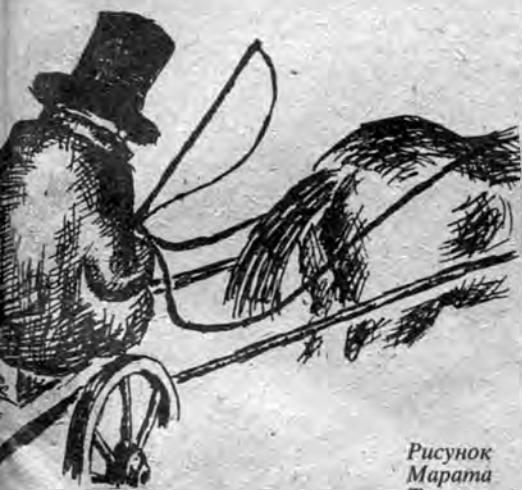

Рисунок
Марата
Таирова

и всю жизнь вынужден был ходить на работу. Страховать от производственных травм, сам навеки травмированный тем миром вездесущей бюрократии, бездушности, бесчеловечности которой с такой ужасающей ясностью встает в его «Процессе».

По этой узкой улочке с такими пророческими названиями «опаленная», «сожженная» он ходил. Здесь однажды встретил женщину, кото-

род и партия едины» — и ведь были, были тогда едины: 75 процентов населения поддерживало тогда коммунистическую партию Чехословакии — но идею раздавали гусеницы тех, кто, считалось, собой эту идею воплощал. Тем самым была раздавлена и сама идея.

Больше никаких партий!

— Я отдыхал в Словакии, когда пришли ваши танки, — вспоминает Гольдштюккер. — Сразу понял, что меня ждет: я ведь уже сидел в тюрьме. Тогда мне повезло: осудили — обвинение было стереотипным: измена, шпионаж — в мае 1953-го, через три месяца после смерти Сталина и Готвальда. И в конце 1955-го я уже был освобожден. Вера в коммунистические идеалы, которым я был искренне предан с юности, поколебалась, но осталась. Верил, что система реформируема. Еще летом 1968 года верил. Писал: либо Советский Союз воспользуется нашим примером — пойдет по пути, который мы назвали Пражской весной, либо его ждет крах. Советские танки эту веру раздавили. Понял: система гнилая вся. С сумкой, в которой были лишь пижама и зубная щетка, успел перейти границу, уехал в Англию. Там преподавал. Дети, внуки остались здесь. Четырнадцать лет я внуков не видел, у внуки уже двое детей. Уже тогда я сказал себе: если удастся выжить — все, никаких партий. Буду жить по собственному разумению, а не по чьей-либо инструкции. Никаких «измов»... Вот вы спрашивали, чем так был недоволен Кафка. Да прежде всего тем, что не шел под крышу соцреализма — не был ни реалистом, ни социалистом.

«Революция испаряется, и остается только ил новой демократии», — говорил Кафка. Он ведь все же интересовался социалистическими идеями, читал Герцена, Кропоткина...

— И ходил на собрания чешских анархистов.

Это легенда, — говорит Гольдштюккер. — Книга «Разговоры с Кафкой» Яноуха, откуда вы почерпнули эти сведения, во многом лжива. Я доказал это. Вокруг Кафки много легенд. Кем только его не называли. Из него хотели сделать то еврейского националиста, а он к сионизму относился весьма критически, то считали католическим или протестантским мыслителем, называли сюрреалистом, экзистенциалистом. Но в том-то и дело, что Кафка органически был не способен как художник и человек принять ни одну

идеологическую конструкцию, которую ему предлагало время.

Правда и необходимость

— Милена Ясенская сказала о Кафке удивительные слова: «Голый среди одетых...»

— Милену я знал. Она потом погибла в Равенсбрюке. Ей принадлежит едва ли не лучшая психологическая характеристика Франца Кафки: «Для него жизнь вообще — нечто решительно иное, чем для других людей... Мы все будто приспособлены к жизни, но это лишь потому, что нам однажды удалось найти спасение во лжи, слепоте, воодушевлении, в оптимизме, в непоколебимости убеждений, пессимизме — в чем угодно. А он никогда не искал спасительного убежища ни в чем. Он абсолютно не способен солгать...» Очень обнаженно чувствуя дисгармонию мира, Кафка отчаялся оттого, что потерялась сила, соединяющая людей в органичное сообщество. Он сам был не способен создать гармоничных отношений с обществом и в своем творчестве показал почему: общество ставит такие условия, которые интеллект, интеллигент выполнить не может. Это проблема личности и власти и более широко — правды и необходимости. Тот, кто имеет власть, поступает исходя из того, что возможно и что невозможно. У настоящего интеллектуала иная мера: что есть правда, а что есть неправда. Это прекрасно показано в «Процессе». Невозможно жить в длительном согласии между правдой и необходимостью. Подлинная гармония возможности и правды невозможна. Об этом еще во времена Ренессанса был большой спор Лютера и Эразма Роттердамского. Великий Эразм шел за правдой, а не за необходимостью. О нем говорили, что он сам по себе. Таким был и Кафка. Нагой пред ужасами больной цивилизации. Ему и сегодня есть что сказать людям. Об этом я сейчас пишу юбилейную — очередную! — статью. Она будет издана в Америке.

— А здесь, в Чехии?

— Здесь я, вернувшись в прошлом году из эмиграции, живу во внутренней эмиграции. Люди 1968 года ныне непопулярны. Считается, что мы хуже, чем бывшие агенты госбезопасности. Те, дескать, автоматически выполняли приказы, мы же сознательно хотели реформировать это обще-

Милена Ясенская, которую любил Франц Кафка и которая первой стала переводить Кафку на чешский язык. Милена погибла в нацистском концлагере

ство. Пражская весна ныне едва ли не преступление, по мнению многих. Кафковская конференция — позор. Таково влияние официальной пропаганды...

— А почему, как вы думаете, в Праге до сих пор нет музея Кафки?

— Я три с половиной года воевал за то, чтобы вывесили мемориальную доску на доме, где Кафка родился. И тридцать лет борюсь за то, чтобы маленькая площадь перед этим домом была названа его име-

нем. Но все же надеюсь еще победить — ведь мне только восемьдесят.

Кофе вышел, диктофон отключен. Человек, чье имя было нарицательным, уходит. Не видно молодого прищипа глаз, лишь белая от седин голова. Шумная Вацлавская площадь — и одинокая эта фигура. Я гляжу ей вслед и думаю и о нем, отчужденном от своего имени, и о Кафке, чье имя, канонизированное после смерти, было окружено равнодушием при жизни. И о его подруге Милене, сожженной национал-социалистами, и о студенте Палахе, который сжег себя сам, протестуя против превращения социализма с человеческим лицом в «нормальный» социализм. И об Александре Дубчеке, чье имя тоже было нарицательным. На разных языках люди скандировали: «Дубчек! Свобода!» А когда он умер, последнее «прощай» прозвучало лишь на одном языке — чешском. Таково «влияние официальной пропаганды». И о многих других думаю — голых среди одетых. Одетых в броню «очередного изма» или тех представлений, что даются лишь по праву рождения, того высокомерия, что не знает благодарного уважения к тем, кто за нас проделал путь исканий, ошибок, разочарований, тем самым преподнесая нам истину в готовом виде. Или одетых в одежду сионистских политических пристрастий, дающих видеть лишь то, что зримо.

Как-то Кафка, расставшись с Миленой, написал ей, что ясно слышит «звон маленького колокольчика» «совсем близко, в ушах» («ты ушла»). Но одновременно и «звон исполненного колокола где-то в небесах» («ты всегда со мной»).

Живем, увы, чаще лишь по колокольчику...

ПРАГА

Фото из книги Франца Кафки «Из дневников. Письмо к отцу»

Господа!
Вы хотите, чтобы о Вашем бизнесе знали в России и других странах СНГ?

А/О "ВИТТ" предлагает самый оперативный вид рекламы. Ваша реклама на цветных электронных табло в самых бойких "бизнес-центрах" - доступна и выгодна! Вы сможете оперативно вносить в нее коррективы и обновлять содержание.

Ваша реклама на цветных электронных табло

Наши цветные электронные табло расположены:

- в международном аэропорту "Шереметьево-2" (г. Москва);
- в аэропорту "Домодедово" (г. Москва), обслуживающем Сибирь, Урал, Дальний Восток, Поволжье, Казахстан и другие регионы внутреннего рынка СНГ;
- в павильоне ВВЦ "Центр Москва" (г. Москва) - одном из крупнейших выставочных и ярмарочных центров;
- на Новом Арбате (г. Москва), 2-м этаже магазина "Мелодия" (витрина на улицу) - одной из самых оживленных магистралей Москвы;
- в вестибюле ст. метро "Тургеневская" (г. Москва);
- в г. Минске, на проспекте Франциско Скорины, магазине ГУМ (витрина на улицу);
- в г. Алма-Ате, гостиница "Казахстан" - месте проживания, отдыха и встреч бизнесменов, деловых людей и туристов.

Расценки на рекламное время доступны.

Мы готовы оказать фирмам-рекламодателям дополнительные услуги: распространять в местах установки табло их буклеты и другие информационные материалы.

А/О "ВИТТ" также поставит Вашей фирме цветное электронное табло, проведет монтаж и введет в эксплуатацию.

Ваша фирма может оказать посреднические услуги по рекламным кампаниям на наших электронных табло и по продаже табло.

Телефон: (095) 330-85-33

НА КОНКУРСНОЙ ОСНОВЕ

ПРОДАЕТСЯ СОВМЕСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ:

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ, С ВЫПЛАЧЕННЫМ
УСТАВНЫМ КАПИТАЛОМ, С
ОФИСНЫМ, ТОРГОВО-ПРОИЗ-
ВОДСТВЕННЫМИ И СКЛАДСКИМИ
ПОМЕЩЕНИЯМИ; имеется два
действующих филиала и гараж (две
машины-иномарки), мебель, орг-
техника, торговое и производ-
ственное оборудование, товары на
складе.

ТЕЛЕФОН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: (812) 239-88-98.

Туристическая компания
"Русский экспресс"

ТОЛЬКО У НАС!

КЕНА

ДОРОГО

Прикоснитесь к раю на земле!

Тел.: 292-21-21
Факс: 292-72-55

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Совсем еще недавно имя Михаила Осоргина было известно очень немногим, в основном только специалистам по русскому литературному зарубежью, да, может быть, еще некоторым театроведом по его переводу «Принцессы Турандот» (1923). Но вот настали наконец времена «воссоединения» русской культуры, «наведения мостов» между ее прошлым и настоящим, — и имя Осоргина и его труды вернулись на родину. Теперь имя Михаила Осоргина читающей нашей публике знакомо хорошо...

Но Осоргина-публициста знают намного меньше. Но знают — это видно по почте нашей рубрики: именно наши читатели посоветовали нам

обратиться к публицистическому наследию Осоргина — это, например, москвич Арк.Панов, Михаил Панов, житель Перми, родного города Осоргина, ряд других читателей. Из далекого Франкфурта-на-Майне литературовед доктор Д.Бадрад прислал нам и некоторые образцы «газетной философии» Михаила Осоргина. Мы выражаем признательность читателям и почитателям жанра, которому служит наша рубрика, и публикуем сегодня фрагменты заметок Михаила Осоргина, печатавшихся в 1917–1918 годах в московских и киевских газетах.

Следует, очевидно, напомнить основные вехи жизни писателя. В литературу он пришел совсем молодым человеком, в 1895 году, призвание обнаружилось как раз в призывном возрасте. Он получил хорошее юридическое

образование, но стать правоведом была ему не судьба. Во-первых, литература влекла его к себе гораздо больше. А во-вторых, сыграли свою роль и некоторые левые симпатии, через которые прошли многие молодые люди его поколения. Во время вооруженного восстания в Москве в 1905 году он предоставил было свою квартиру революционерам. За что подвергся затем преследованиям со стороны властей и вынужден был покинуть Россию. За границей он занимался журналистской и литературной работой, а в 1916 году, несмотря на войну, ему удалось вернуться в Россию, где по-прежнему оставался персона нон грата до самого Февраля 1917 года. Вскоре после незабвенного Октября он снова впадает в немилость: «контр-контрреволюционное» ведомство начинает

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

преследовать свободолюбца. После третьего ареста он провел почти полгода в лубянской узилище и был выпущен в 1922 году благодаря вмешательству Фр.Нансена. Это было спасение — ему грозила смертная казнь. В том же году он был выслан из России, став таким образом «дважды эмигрантом». За границей, во Франции, и закончились его дни.

Суета сует и томление духа

Михаил Осоргин (1878–1942)

Почему лозунги, не только самые крайние, но и самые даже вздорные, у нас пользуются таким широким признанием? Почему не только малосознательные массы народа, но и часть интеллигенции принимает их, голосует за них, пытается им следовать?..

Мы слишком привыкли быть против правительства. И мы слишком не привыкли быть гражданами...

Массы русского народа неприспособлены. Доверчиво идут они за тем, кто громче кричит и больше обещает. И они не спрашивают его: а можешь ли ты выполнить? Чем сам ты отвечаешь, если ты ошибся и ввел нас в заблуждение? Идут за ним — пока верят на слово, разуверятся — пойдут против, не догадываясь, что правда-то может быть как раз посередине...

А гражданину незачем быть «правым» или «левым», ему достаточно быть самим собой. И если его разум говорит ему, что в известном случае более правы не его партийные единомышленники, а его идейные противники, то он должен иметь смелость сказать это и тем и другим. Партии создаются для духовного единения и для совместных выступлений, а не для подавления личности партийной программой и приказами «комитетов»...

Выше всякой партийности и драгоценнее дружеских связей — честь гражданина. Все это, может быть, и общеизвестно, и не ново, но слишком часто забывается, и лишний раз об этом напомнить не страшно...

Будем откровенны! Вы представляли себе под свободой нечто чрезвычайно легкое, приятное и прохладительное: улыбающиеся от благополучия лица, отсутствие всяких политических тормозов, деятельная, бодрая и планомерная работа всех организаций, дружеские объятия лиц, племен, наречий, состояний, сословий и классов...

(И вот)... Единая Россия живет будто единым желанием. Краины улыбаются центру, центр шуточно отмахивается: «Ну вас! Живите сами как хотите! Не маленькие!»

Земства сеют культуру, города нашли способ подмести улицы, жандармы раскаялись и ушли в монастырь замаливать грехи, провокаторы по дешевому тарифу служат новому режиму...

Французская булка — пять копеек, черный хлеб — бесплатно, взявшему коробку спичек прилагается к ней копейка.

По главным улицам города в праздничный день проезжает на небольшой здоровой лошадке крутобокий местный лидер партии народной свободы. Вежливо, ласково, но не теряя достоинства, приветствуют его граждане и товарищи...

Ведь так представляли вы свободу, читатель? Ну, не смущайтесь, признайтесь прямо!..

Вышло же, как известно, не совсем так, и даже совсем не так.

Утром вы встаете с тяжелой головой, читаете заметно правящие газеты, полные печальных фактов. За отсутствием единой России ее окраины отвертываются от ее остатков, равнодушно заявляя ей: «Ну тебя! Живи сама как хочешь! Не маленькая!..» Про лидера партии народной свободы и говорить не стоит: на нем лица нет. Но и лица лидеров левых партий не цветут здоровьем и уверенностью.

О французских булках лучше умолчать. Республиканские птички на закате оказываются воронами и каркают злое и отвратительно. И никто-то нас не уважает. Ни свои, ни чужие, ни мы сами...

И в эти дни, когда в России есть республика, но нет власти, когда правительство, усталое, запуганное и обесцененное, хоть и желает искренно блага России, балансирует между «правой» и «левой», стремясь примирить не-

примиримое... боясь показаться либо слишком революционным, либо слишком реакционным, вообще боясь, и в этом весь ужас и вся нелепость его положения.

Увы, мы еще не наговорились. Тем хуже для нас и лучше для тех, кто на нашей говорильной мельнице давно уже перемалывает свой хлеб...

Как давно пишущий человек, могу засвидетельствовать, что гораздо легче и приятнее писать при господстве реакции. Когда язык огорожен забором цензуры, он всегда начеку, он приобретает особую игривость, он дразнит, он вырабатывает совершенно особые выражения, он звенит и бьется между дозволенным и недозволенным, как молоточек электрического звонка...

Какое бы политическое течение ни пришло к власти, у него прежде всего нет людей на роль министров, администраторов, проводников в жизнь новых законодательных норм. Этих людей нужно создавать, и они, конечно, создадутся. Но пока нянька научится нянчить — детям придется набить немало шишек на лбу... (1917)

Когда в хлебоброднейших местностях умирают без хлеба, среди вековых лесов мерзнут без топлива, рядом с фонтаном нефти не имеют керосина, среди двухсот миллионов людей не находится человека, а в двадцать лет не видят интереса к жизни — знайте, что вы в России. И только в России неизбежна безработная интеллигенция. Пушей нелепости нарочно не выдумаете.

Пронесем ли мы через великую разруху лучшее и ценнейшее нашей культуры — литературу нашу? Художественному творчеству ломка жизни не страшна. Искусство — строитель, и в прахе разрушения оно равно угадывает будущие формы, в которые облекается дух созиданий. И не это нас страшит.

Страшит другое. Страшно то, что мы вернулись к таким средневековым условиям жизни, в которых по чисто техническим причинам книга делается предметом исключительной роскоши. Только великий духовный голод позволяет еще издавать и печатать книги, ставя на обложку цену, по недавнему масштабу просто нелепую. И в тот момент, когда все спасение наше в защите и в демократизации культуры, величайший проводник этой культуры — книга исчезает с рынка народного, за полной недоступностью цен и за полной разрухой распространительных аппаратов.

Книга — хлеб духовный. Но для этого хлеба не изобретена еще система выдачи по пайкам. И что всего хуже, от хлеба духовного народ может быстро отвыкнуть — ведь и так этот хлеб еще не стал насущным. И в этом — великая угроза будущему.

Дать какую-нибудь оценку политического момента я совершенно отказался бы. Вообще никаких моментов у нас нет, есть длительное состояние полной неопределенности, унылый затяжной период потухания надежд (есть еще) и ожидание удара дубинкой по голове (а потом состояние) отдыха от подобного напряженного ожидания, передышек и новых удушений. Не думаю, чтобы это можно было назвать жизнью, но это и не благодатная избавляющая смерть.

Воздуха нет — вот в чем ужас! Воздуха, кислорода у нас совсем нет, его меньше даже, чем хлеба. Это не политический момент: это — настроение. И, думается мне, настроение, объединяющее город и деревню, власть и оппозицию.

Власть не весела, она ясно видит, что дни ее сочтены; она, быть может, даже предчувствует трагичность своего положения и напрасно сеет гибельную для себя панику. Но и оппозиция, худосочная, уже растерявшая свои самостоятельные силы, — оппозиция также гордо головы не несет. Что-то неизбежно должно случиться. Но то, что произойдет, будет сделано не ею, а посторонней силой — а что несет с собой эта сила, чем придется заплатить ей за избавление от удушья, не новым ли удушьем, — этого никто решительно не знает...

Жизнь, как вы, конечно, сами замечали, обладает удивительной способностью продолжаться, хотя ей, казалось бы, гораздо естественнее потухнуть. Человеческое несравненно живучее кошки, чему кошкам представляется заводить на досуге. Вот у меня на Никитской улице, прямо против окон, стоит длиннейшая вседневная очередь «под семечки». Подсолнух все же трудно считать предметом первой необходимости, скорее — предметом роскоши, тем более что фунт его в вольной продаже стоит пять рублей. И, однако, люди стоят, порой под дождем, и за время простоя успевают тут же, в очереди, пропустить каждый ровно фунт этих семечек. Точно так же стоят, даже и по летнему времени, у входа в кинематограф. Значит — жизнь продолжается, и на слое моха, которым мы обросли, упорно желает прорасти что-то вроде мелколистной и обещающей кислую ягоду брусники...

Если бы с той же простой откровенностью, с какой пишу вам я, написал бы вам дружеское признание власть имущий комиссар любого ведомства — он также признал бы, что будущее наше темно и непонятно, и мудро сказать, что минется, а что останется. Шаг назад, шаг вперед — а тем временем сапоги стаптываются...

Был я на днях в участке, или, по-нынешнему, в комиссариате. Там на стенке висит приколотый на кнопке портрет Маркса, а на двух других стенках также кнопками приколоты улыбающиеся Ленин и Троцкий. И Маркс тоже улыбается. Раньше висел Николай в золоченой рамке, на кованом крюке, — да и тот сорвался. Где уж листочкам на кнопках удержаться! Зато участок останется, наверное! И тюрмы останутся. И останется обязательно чья-нибудь карающая длань.

И если вам интересно знать твердое и прочное убеждение фаталиста, то вот оно: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, — и нет ничего нового под солнцем». Читайте главу 1-ю, а стих 9-й Екклесиаста...

Со всем этим вы вольны, конечно, не соглашаться, да я и не стремлюсь убеждать кого-нибудь. Я просто хотел познакомить вас с тем, какие мысли фабрикует в душе нашей пребывание в коммунистическом раю и как на мизерном хлебном пайке пылкая вера (всегда вредная вещь!) тускнеет до убедительной, хотя и не веселой формулы: «Суета сует и томление духа»...

Наша внутренняя политическая жизнь на мертвой точке. На языке официальном это именуется «дальнейшим упрочением советской власти»... Беспрецедентный развал народного хозяйства, неслыханная дороговизна и отсутствие жизненных припасов готовят советской власти непримиримого врага в той самой темной и полусознательной массе, на которую она до сих пор могла еще демагогически опираться и которая от действительной поддержки прежде всего ушла в апатизм...

Слабо мы реагируем на то, что не ударяет именно нас, именно по голове, именно обухом...

Трагедия власти в том, что сочувствие трудовых масс, которое она прежде приобретала голыми лозунгами и обещаниями блаженства вечного, теперь приходится покупать за наличные, и притом по очень высокой цене...

А не идем ли мы к полной реставрации, поскольку она, конечно, возможна, поскольку учреждения, бывшие ее тремя китами, не разбиты навсегда и бесповоротно? Велика должна быть измученность страны, если даже такая перспектива не страшит широкие слои населения! И велика наша природная беспечность, если страшный урок жизни рискует пропасть даром и единственным устремлением нашим является печка, от которой мы вновь начнем танцевать пугающий свой танец... (1918)

Рисунок Анны Золотаревой

Трагедия власти в том, что она уже не может отделаться обещаниями вечного блаженства праведникам, теперь все хотят наличные, а впереди всех — грешники

Идея создать музей истории московских фонарей от времен царствования Бориса Годунова до наших дней принадлежит **Юрию Харкевичу**. Всю жизнь, с перерывом на учебу в институте и на войну, проработал он в «Мосгорсвете», был его директором.

Музей «Огни Москвы» расположился в Армянском переулке, в старинном здании — палате бояр Милославских. Харкевич привлёк к работе ветеранов, архитекторов, художников, историков. Но основную ношу взвалил на себя. Одна из редких находок — указ сената от 1730 года: «В Москве, в Кремле, в Китае (имеется в виду Китай-город), в Белом, Земляном городках и в Немецкой слободе для зимних ночей сделать и поставить на столбах фонари стеклянные, один от другого на 10 сажень, все в одну меру линейно».

Осветительный сезон длился с 1 сентября по 1 мая. Зажигали фонари 18 дней в месяц. Остальные дни считались лунными и посему расточительство неуместно.

Харкевич вместе с помощниками развешивал «светильню» с филами, погруженными в конопляное масло, — первые фонари.

Масло вначале заменили хлебным спиртом, но вскоре перешли на керосин. Фонари, которые Харкевич не смог раздобыть, он

заказывал по рисункам и чертежам художникам, кузнецам, народным умельцам. Сам участвовал в их создании.

Юрий Харкевич лично ведет экскурсии в своем музее. Он демонстрирует газовые фонари, освещавшие Большой и Малый театры. Показывает документ от 1880 года об устройстве электрического освещения в местности вокруг храма Христа Спасителя. Когда храм взорвали, естественно, пострадали и фонари. Однако их удалось восстановить. Директор тщательно подобрал для экспозиции различные

светильники, лампы накаливания, вплоть до тех, что горят в звездах Кремля.

Вместе с группой единомышленников **Наиль Шамсутдинов** создал благотворительный центр «Соучастие в судьбе», который опекает воспитанников детских домов и интернатов. Ведь эти ребята выходят в жизнь, к которой чаще всего не приспособлены.

— Главное — научить ребят жить самостоятельно, отвечать за свои поступки, принимать решения, — объясняет Наиль. — Сильный человек, если ему еще

и помочь, сам пробьет себе дорогу, а иждивенец никогда ничего не добьется, пойдет по кривой дорожке и может угодить в тюрьму. Наш центр старается этого не допустить...

Сам воспитанник детского дома, Наиль Шамсутдинов с отличием закончил исторический факультет МГУ. Одно время он работал в Детском фонде, но после конфликта с руководством ушел.

Наиль и его соратники по «Соучастию в судьбе» пытаются найти «сиротам» их родителей, родственников. Хотят организовать приют для тех,

кому на первых порах некуда деться.

К Наилу обращаются за помощью, советом все больше и больше выпускников детских домов и школ-интернатов. Некоторым уже помогли, многим пока не могут, но не теряют надежды.

«Соучастие в судьбе» — благотворительный центр. Ему необходима спонсорская помощь.

Л.Хайкин

«Авторитет номер два»

Письменный стол **Ефима Шифрина** привлекает к себе внимание блеском стоящего на нем «Золотого Остала» — своеобразного «Оскара» и «Ники» петербургского Дома сатиры и юмора. Рядом со статуэткой — обрамленное в рамочку удостоверение «Авторитет № 2». «Номер 2» — это порядковый номер «Остала». Точно так же нумеровались партийные, комсомольские и прочие билеты.

Шифрин все свои 37 лет беспартийный, хотя отлично знает «Историю КПСС»: четыре раза сдавал. Сперва в Латвийском университете, потом в Университете марксизма-ленинизма (первые два так и не закончил), в эстрадно-цирковом училище и ГИТИСе.

Ефим был «мечен» биографией отца, сосланного в 1940 году по 58-й статье в Горький, после — на Колыму. Там-то и родился популярный артист, там впервые вышел на сцену перед школьными друзьями.

А признание пришло, по мнению Шифрина, не в 1983 году, когда он получил первую премию на Московском и Всесоюзном конкурсах артистов эстрады, а в 1985-м, когда в Советский Союз пришла «гласность»: тема Колымы стала для многих журналистов, как считает Шифрин, едва ли не главной в беседе с артистом. И на антикоммунистической волне вопреки его желанию стали делать из него эталон народного героя, жертву тоталитарного строя. Но политическим лидером, как некоторые, Шифрин не стал.

Со сцены же он, несмотря на все заявления об аполитичности, читает монологи про «гайдарчика», «хасбульончика». И он нисколько не противоречит сам себе, ибо его голосом говорит совершенно другой человек — герой текстов Виктора Коклюшкина, Михаила Жванецкого и Антона Чехова.

Под столом Ефима Шифрина — еще один «авторитет»: гиря. «Для поддержания формы», — признается артист.

В.Батуев

Прославленный голливудский актер **Роберт Де Ниро** впредь не обязан оплачивать содержание дочери певицы кабаре Хэлен Лисандрелло. Так решил Верховный суд Лос-Анджелеса. Суд отверг иск певицы, которая утверждала, что начиная с 1979 года в течение трех лет она поддерживала интимные отношения с этим знаменитым актером. Де Ниро освобождается от выплаты 8000 долларов ежемесячно и 100 000 долларов, которые Хэлен требовала в качестве возмещения расходов на адвокатов. Перед судом не стоял вопрос о признании отцовства, тем более что три предыдущие проверки дали отрицательный результат, однако адвокаты певицы настаивали на том, что 10-летняя **Нина-Надежда** якобы «всегда считала Де Ниро своим отцом». Адвокаты 48-летнего актера, прославившегося в фильмах «Таксист» и «Крестный

отец», доказывали с документами в руках, что между их подзащитным и дочерью Хэлен не существовало никаких родственных отношений: тот впервые познакомился с девочкой, когда ей уже минуло три года, и за все время видел ее всего лишь четыре или пять раз. Судья пришел к выводу, что девочка считает своим отцом Де Ниро потому, что это внушила ей мать. Одновременно лос-анджелесский суд отменил решение суда низшей инстанции, которое обязывало актера выплачивать девочке ежемесячно 2 500 долларов.

Почитатели голливудского актера, ожидавшие на улице решения суда, приветствовали своего кумира. Де Ниро сообщил, что отправляется в Лондон, где заканчиваются съемки фильма ужасов о кошмарном пожирателе детей Франкенштейне, в котором он играет главную роль.

Есть встречи, которые предопределены волей судьбы. Одна из них состоялась 10 февраля 1947 года. В годовщину гибели великого русского поэта около памятника встретились его правнук **Григорий Пушкин** и **Лев Давыдов**, правнук поэта и партизана, участника Отечественной войны 1812 года.

Александра Пушкина и Дениса Давыдова связывала крепкая

дружба. Они не раз встречались в Москве, Петербурге, беседовали, читали друг другу свои стихи. И вот спустя много лет встретились их потомки. И тоже подружились. Лев Денисов, несмотря на то что в его роду были все военные, избрал сугубо мирную профессию — окончил сварочный техникум. Работал на строительстве газопроводов, воевал, дошел до Берлина. Был тяжело ранен. Есть боевые награды...

И Григорий Пушкин пошел по мирной стезе — готовился быть зоотехником. Однако учебу не закончил, участвовал в финской кампании, потом — Великая Отечественная. Партизанил под Москвой, был разведчиком, десантником, сражался на Курской дуге, форсировал Днепр. Награжден орденами. После войны работал в уголовном розыске. А

когда вышел на пенсию, пошел в печатники.

У Льва Денисова хранится самодельный альбом «Каталог портретов, памятников и личных вещей Дениса Давыдова, находящихся в музеях и личных коллекциях». За этими листами — годы напряженных поисков, переписки, работа в архивах. Потомок Денисова помог ребятам из села Верхняя Маза (Ульяновская область) открыть музей своего

прадеда, который некогда жил в этих краях. Между Москвой и Астраханью курсирует пароход «Денис Давыдов». В одной из кают собраны материалы о жизни и творчестве поэта-партизана. Это также дар правнука.

Дружба Александра Пушкина и Дениса Давыдова продолжается между их потомками. Не прерывается связь времен и одно поколение присягает другому на верность.

Рассказывают, что **Владимира Девяткина**, нового генерального директора московского Центра международной торговли «Совинцентр», охраняет взвод омоновцев и к нему не попасть.

На самом деле новый хозяин Хаммеровского центра вполне доступен тем, кто попал в график приема посетителей. Желющих встретиться с Девяткиным множество, зато он и работает по 15–18 часов.

Владимир Девяткин из Свердловска, там он председательствовал в Уральской торгово-промышленной палате.

Последние годы занимался изучением проблем акционирования, поэтому на новое место его пригласили не только как земляка президента, но и как дефицитного специалиста.

Девяткин — инженер-электромеханик, работал на железной дороге, учился в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

Хаммеровский центр преобразован в акционерное общество открытого типа с двумя учредителями — московской мэрией и Российской торгово-промышленной палатой — и с уставным капиталом в четыре с лишним миллиарда рублей. Акции по двести тысяч целковых каждая продаются, и Владимир Девяткин клянется, что это выгодное вложение капитала.

Ю.Павловская

Кокаин — источник вдохновения?

С тех пор как три года назад французский суд приговорил **Франсуазу Саган** условно к шестимесячному тюремному заключению и штрафу в 10 тысяч франков за употребление наркотиков, знаменитая писательница упорно отстаивает свою свободу. Тюрьма ей скорее всего не грозит, но суд может обязать ее пройти курс лечения от токсикомании, чего она не желает: «Я скорее перееду в другую страну или покончу жизнь самоубийством, но не вынесу посягательства на мою свободу». Саган никогда не отрицала, что пользуется наркотиками («мне 2 грамма кокаина в месяц!», но, коль скоро она не пропагандирует их употребление, считает это своим личным делом).

Эта странная ситуация озадачивает истораживает: с одной стороны, известная всему миру писательница, не желающая отказаться от пагубной привычки, с другой — закон, перед которым все равны. Обеспокоенный этой удручающей историей, президент Миттеран звонил ей по телефону, они долго разговаривали — «в основном о литературе», поясняет она.

А пока суд не вынес окончательного решения, на время отпуска Саган переехала в Нормандию, где за 8 миллионов франков, выигранных в казино, она сняла дом, принадлежавший некогда Люсьену Гитри и Саре Бернар. Там ее уединение скрашивает сын Дени. Саган признается, что прожила жизнь каскадера, хотя множество приписываемых ей приключений — всего лишь выдумка. Тем не менее писательница, которая так прекрасно пишет о любви, не исключает возможности того, что под конец жизни влюбится в какого-нибудь аргентинского альфонса или поселится в лачуге среди собак и лошадей в заброшенном краю: «Со мной все может случиться».

— Не считая нескольких автокатастроф и любовных огорчений, у меня была очень счастливая жизнь. Я умею наслаждаться счастьем, — говорит писательница.

Милиционер напрокат

Чем заняты люди, которые могли бы нас охранять

Вячеслав Басков

Чем крупнее магазин, тем больше в нем милиционеров. Они там работают. Они магазин охраняют. В ГУМе, например, милиционеров так много, что число их — на тот случай, если сыщется желающий ограбить секцию, — государственная тайна. Да и само милиционерское подразделение, стерегущее этот магазин на Красной площади, входит в таинственное милиционерское образование, которое создано для соблюдения порядка внутри и вокруг Кремля.

В ЦУМе попроще. Здесь милиционеры приписаны к районному отделу милиции, который, в свою очередь, состоит органичной частью управления охраны Главного управления внутренних дел Москвы. Это управление — продажная часть ГУВД. В том хорошем смысле, что различные учреждения, которые перешли на хозрасчет и самофинансирование, нанимают работников милиции за деньги. Это управление окупает себя само и не черпает жалование из городского бюджета.

Щедрый магазин

В 1993 году магазин «Детский мир» выделил 67 миллионов рублей на оплату труда милиционеров. Заместитель директора «Детского мира» Светлана Евдокимова считает, что охранная сигнализация обойдется магазину дороже. Поэтому в «Детском мире» сигнализации нет. И никогда не было.

Ни на одном оконном стекле, ни на одной дверке, ни на одном замочке нет такой маленькой штучки, которая в случае чего, как зверь, завоет, откуда-то выбегут милиционеры — и:

— Стоять! Руки вверх! Не двигаться!

«Детский мир» глазами, ушами, носом и шестым чувством охраняет живая сила. Она прекрасно знает все уголки и закутки магазина, куда может спрятаться злоумышленник.

В «Детском мире» злоумышленниками бывают, естественно, дети. Они задумывают ограбить магазин. Или просто для интереса провести в нем ночь. Ни разу за последние двадцать лет им это не удалось. Впрочем, не так уж часто они и пытались. Опытные сотрудники магазина вспомнили всего два таких случая, которые произошли еще до перестройки.

Взрослые грабители тоже видят, что в «Детском мире» есть что своро-

вать, но остаться в магазине на ночь они вообще ни разу не рискнули. Тем не менее дирекция фирмы на подмогу милиционерам, которые и так прекрасно справляются со своими обязанностями, призвала народную дружину. Сшили пугающие своей пятнистостью костюмы цвета хаки, похожие на форму солдат, прошедших Афганистан. В них нарядили своих электриков, слесарей, грузчиков, которые пожелали вступить в дружину, чтобы в нерабочее время подзаработать (в субботу оплата в двойном размере).

В руках у дружинников резиновая палка. На груди приколот значок со словом «Россия». На голове — берет набекрень. На ногах — полусапоги. Многочисленные затраты все равно не окупились: попыток ограбления «Детского мира» не было.

Недетский мир «Детского мира»

Впрочем, дружина пужна магазину в борьбе не с ночными похитителями, а для дневной части суток. Во всех центральных магазинах, а в «Детском мире» особенно, с утра до закрытия обитают тучи «спекулянтов». Они не дают работать продавцам, к прилавку не подойти!

Если на минутку углубиться в эту побочную тему, то окажется, что

перекупщицы делают очень хорошее дело: они сбивают магазинные цены. Кое-что из того, чем они торгуют, дешевле. Снижение цены происходит так. «Спекулянтка» не всегда скупает товар в магазине и перепродает его тут же дороже. Иногда магазин и перекупщик пользуются одним источником добывания товара: «со склада в Москве, по ценам ниже рыночных». Эта формулировка на слуху у всех, кто слушает радио, смотрит телевидение, читает газеты, — это суть всех рекламных роликов. Так вот, магазин набрасывает к цене товара 25 процентов, а со «спекулянткой» можно поторгаться.

Магазинная милиция и самодельная дружина, состоящие на службе у магазина, призваны «спекулянтов» разгонять. Фирма не в состоянии бороться с конкурентом торговым способом — она прибегает к заочной силе Уголовного кодекса.

Люди и вещи

Постановлением № 589 от 30 июля 1992 года мэрия Москвы разрешила бороться с конкурентками не на равных. Схватил «спекулянтку», завел ее в комнату милиции, составил рапорт о ее нехорошем поведении, конфисковал товар, назначил штраф, «спекулянтка» сбегала в ближайшую сберкасса, квитанцию принесла — товар ей возвращают. А если денег на штраф нет — иди гуляй, твоя вещь

Рисунок
Марата
Таурова

конфискована. Постановление так и называлось: «О введении сбора за право уличной торговли и штрафов за нарушение порядка ее осуществления в г. Москве».

Но вдруг кому-то из юристов показалось, что постановление слишком вульгарно намекает на желание городской казны обогатиться за счет предприимчивого человека. И процедура наказания усложнилась чрезвычайно.

Поймал «спекулянтку», завел в комнату милиции, отнял товар, составил протокол — вези задержанную в народный суд. Там судья решит: вещь конфисковать или штраф платить.

Если решит конфисковать, то через несколько дней придет в комнату милиции судебный исполнитель, который вещь опишет и оценит. Этот документ он сам отвезет фининспектору. Затем должен приехать фининспектор и вещь забрать.

Если же судья решит, что конфисковывать вещь не нужно, а следует наложить штраф, то процедура слегка упрощается.

«Спекулянтка» оставляет в комнате милиции расписку, что свою вещь забрала, едет в ближайшую сберкасса, платит штраф, а квитанцию везет судье. Из осведомленных источников известно, однако, что если штраф не будет уплачен в течение двух месяцев, то эта санкция народного суда утратит силу.

Чтобы понять сложность процедуры с участием народного судьи, нужно просто побывать в «Детском мире», попытаться охватить взором толпы нештатных продавцов, окруживших здание магазина и занявших все его проходы между прилавками на четырех этажах, и количество товара, который они держат в руках и баулах, — и сравнить эти две величины (людей и вещи) с помещением комнаты милиции.

Там и для двух горластых «спекулянткок» места не хватит. Не хватит и всей милицейской охраны магазина, чтобы сопроводить каждую пойманную в народный суд (за пять верст от магазина), не напасешься бензина, резины, да, пожалуй, и местного городского транспорта, который идет по направлению к народному суду к станции метро «Проспект мира» и которым в экстренных случаях приходится пользоваться из-за отсутствия собственного газа.

Если все милиционеры поедут в народный суд и там встанут в очередь к судье, а судья попадется вдумчивый и добросовестный и захочет вникнуть в мятущуюся душу подсудимой, выслушать все стороны, чтобы решить дело по справедливости, то дирекции «Детского мира» прощайте 67 миллионов рублей, отпущенных на охрану, и сразу выкинуты в форточку, потому что милиционеры, раз поехав в суд, вернутся оттуда через год.

«Девочки, атак!»

Поэтому в комнате милиции сейчас

обычно тихо. Милиционеры неспешным шагом совершают круги по этажам — 316 метров в одну сторону, 316 метров — в другую. Форму видно издали. Сотни «спекулянткок», которые торгуют главным образом пеленками, обувью и детскими джинсами, тотчас обращаются толпой покупателей. А за спиной милиционера — тотчас смыкаются, вытягивают руки с пеленками, сандаличками, брючками, курточками...

Среди нелегальных продавщиц разработана своя система сигнализации: ею служат глаза. И частично жесты. В глазах читают: «Девочки, атак! Тревога!» По жестам понимают: «Сворачивай манатки, девочки!» Взгляд, жест — и толпы «девочек» уже стоят лицом к прилавку. Или склоняются к сумке, как будто они купили детям подарки — спасибо акционерному обществу «Детский мир»!

Самое любопытное, что ЦУМ от «спекулянткок» почти избавился, и «Детский мир» принял новое пополнение вынужденно. Конечно, заслуга милиционеров ЦУМа в борьбе против толкучки огромна, но решающую роль сыграла торговая политика дирекции: ЦУМ стал дорогим магазином, 80 процентов его товаров идут по коммерческим ценам и лишь 20 процентов — по напоминающим бывшие государственные.

А «Детский мир» еще только идет по этому пути. На первом этаже уже автосалон «Форвард» (цена среднего автомобиля — 22 960 000 рублей), на четвертом — дамская обувь, видеомагнитофоны (цены в долларах). Эти этажи уже похожи на цумовские.

А москвичи еще живут по старинке — за всякой мелочью едут «в центр». Но «центр»-то уже не тот. Вот толкучка и перебазировалась поближе к едущим в бывший «центр» народным массам. Милиционеры — поближе к толкучке: распугивают ее издали формой. И вся работа.

С автоматом у банка

Милиция там, где нас нет. На службе управления охраны ГУВД состоят 50 000 милиционеров. Они оберегают магазины от вероятного вора. Государственную милиционную форму носят еще охранники посольств (посылали ли кто на посольство после Блюмкина?), радио и телевидения, правительственных учреждений, музеев, библиотек, банков... Эти милиционеры-сторожа не берегут нас ни дома, ни на улице. Наоборот, в каждом из нас они видят потенциального грабителя, мы все у них под постоянным подозрением. Любый из нас может оказаться не тем, за кого себя выдает.

Скажем, по всей Москве новые банки открывают пункты размена долларов на рубли и обратно. Микроавтобус коммерческого банка «Хелп», чье место у Малого театра, охраняют два милиционера с автоматами АКС-У наперевес. В двух авто-

бусах коммерческого банка «Стройинвест», производящих обмен валюты на другой стороне Театральной площади, по два милиционера в каждом. Пункт обмена коммерческого банка «Элексбанк» в пустынном и рафинированном салоне художественного фонда на Кутузовском проспекте — один милиционер.

Работа у «купленных» милиционеров посменная, то есть видимое число мундиров нужно умножить по меньшей мере на два. Что же касается магазинов, то умножать нужно на сорок-пятьдесят, потому что перед прилавками ходят по одному милиционеру на этаж, основная же масса находится в закулисной части магазина, где материальные ценности.

Любовь за прилавком

Тысяч сто милиционеров взяли на свое содержание торговля, банки и разные другие состоятельные фирмы. Бюджету города от этого, конечно, легче. Но возникает вопрос: почему торговле интереснее платить работникам милиции, чем установить элементарную сигнализацию? Как понять новую роль московской наемной милиции? Кого в спорной ситуации между магазином и покупателем поддержит милиционер? Того, кто ему платит, или покупателя, который просит у него защиты от произвола цен, грубости, обвеса, обсчета?

С работниками милиции число людей, приближенных к товару еще до того, как он попал на прилавок, прибавилось. Милиционеры дежурят в магазинах круглосуточно, работают на одном месте десятки лет. Дружеские отношения между продавцами и милиционерами неизбежны. Иной раз вспыхнет любовь...

Милиционеры подчиняются своим районным начальникам. Районные — городским. Городские милицейские начальники — в подчинении у республиканских. А что такое вообще милиция? Это и есть исполнительная власть. Своих решений она не принимает. Она лишь исполняет принятые решения. И вот эта государственная структура — в недрах магазинов.

Она, разумеется, неподкупна. Это не подлежит даже малому сомнению. Просто речь идет о том, что в магазинах должны работать продавцы, а милиционеры — в милиции. И пусть они любят друг друга в нерабочее время и не на рабочем месте. И сколько бы Светлана Евдокимова ни уверяла, будто «живые» милиционеры акционерному обществу «Детский мир» обходятся дешевле, чем сигнализация, все-таки, думается, 67 миллионов рублей (с каждым днем услуги милиции дорожают) все же увеличивают цену товаров. А они и так недешевы.

Вот, пожалуй, об этом и статья, и ни о чем другом, кто бы что ни подумал.

Осторожно: ОЗП!

Раньше не выпускать старались, а теперь домой пускать не собираются

ОЗП означает не болезнь какую дурную, а «общегражданский заграничный паспорт». Наш, родимый, «серпасть-молоткастый», с гордыми золотыми буквами по красному коленкору «Союз Советских Социалистических...» Потому как других не успели наделать.

Ну да ладно, какой ни есть, лишь бы был да чтоб въехать-выехать по нему можно было. А то иные простодушные «совзагранслужащие» (или нынче «росзагранслужащие»?) поверили, будто закон о въезде-выезде в силу уже вступил, ну и поехали, родимые, справив Новый год дома, обратно к месту нелегкой службы за рубежами Родины. Со старыми паспортами. А на границе, как известно, их поворотили назад. Не оказалось у них в документе отметочки «выезд до...»

Вот и я с семьей два года назад с красным ОЗП приехал работать в Германию. Недавно пошел среди соотечественников слух, будто паспорта эти самые меняют. На новые. Такие же, красивые, с теми же золотыми буквами, только размером поменьше, без золотом тиснутых двух слов «общегражданский заграничный» и без этой самой от-

метки. Справился я в консульском отделе посольства. Все верно, говорят, меняем, заявление на имя консула пишите, по две фотографии приложите, и все в порядке будет.

А тут московский звонит приятель из Дюссельдорфа, он там в одном очень серьезном международном заведении работает. Не сможешь ли ты, говорит он, мою жену с сыном на вокзале в Бонне встретить, в посольство отвезти и ту же самую процедуру с паспортами проделывать, а то я занят очень. Отчего же, говорю, с большим даже удовольствием.

Не стану описывать всех перипетий сбора подписей — получили мы с женой свои ОЗП нового образца. И тут консульская дама обращается к супругу моего приятеля.

Вам, говорит, следует еще анкету заполнить. Муж ваш ведь по контракту работает?

Да, отвечает супруга приятеля, по контракту. И дожидаться надо, говорит дама, товарища, который как раз этим вопросом занимается.

А что, спрашиваю, до первого июля старые действительны? Да, отвечает, до первого июля. Ну а потом что? А ничего, говорит, со старыми впускать в Россию уже не будут.

Прежде не выпускать старались, а теперь впускать не собираются.

Появился нужный товарищ, вник в наши проблемы, и на лице его страдание отразилось.

Так ведь не положены новые паспорта — ни мужу вашему, ни вам тем паче, извиняющимся тоном говорит он жене моего приятеля.

Это как же так?! — хором спрашиваем.

А он глаза мученически заводит, вот, говорит, читайте. И бумагу какую-то дает. А в ней точно такой же случай, как с моими приятелями из Дюссельдорфа, описан. Это мы запрос в Москву послали, говорит, чтоб разъяснение получить, как в таких случаях поступать.

И что ответили? — замирая, спрашиваю.

Отказать, ответили, всем отказать, кто по контракту выехал и работает, а уж женам и подавно, говорит.

Я вижу, как жена приятеля меняться лицом начинает.

Как же так? Наивные мы, глупый вопрос задаем.

А товарищ-то, компетентный в паспортных делах, только руками разводит и в глаза нам не смотреть старается. Словно сказать хочет: не могу понять почему, не мучьте же меня! А вслух говорит: те, кто по контракту выезжал, паспорта в ОВИРе получали. Вот в Москве и порешили, что менять паспорта только ОВИР и будет. А кто в МИДе получал, тому мы меняем. А вот над ОВИРОм мы не властны.

Но ведь это же бред! — не выдерживаем мы. Какая разница, кто выдавал?! Мы — граждане одной страны или нет?! Что же это получается — чтобы паспорт поменять, надо все бросать и в Москву срочно ехать? А если человек не может? Он что — должен контракт рвать, чтобы чиновники из ОВИРа себя при деле чувствовали?

Уж чего мы только в запале не говорили. Все впустую. И чувствовали, что хотели нам милая дама и компетентный товарищ от всего сердца помочь, да не могли.

Так и уехали мы несолоно хлебавши. Мои приятели из Дюссельдорфа сидят голову ломают, как быть. А через день-два мне друзья из Голландии звонят, они там тоже по контракту работают: ты не знаешь, как у вас, в Германии, с паспортами новыми? Меняют? А то у нас что-то непонятное происходит.

Ну, наивные, ей-богу...

Дмитрий Погоржельский,
соб. корр. «Нового времени»
Паспорт 21 № 1082214 выдан взамен
ОЗП ОК-111 № 185058
БОНН

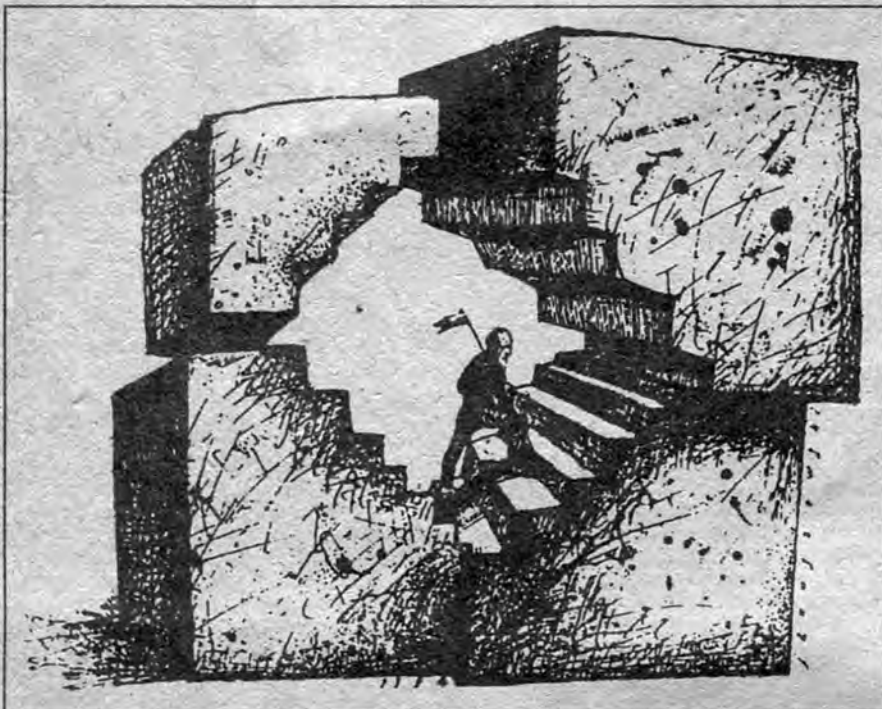

Рисунок из журнала «Хаус» (ФРГ)

Качество мирового уровня — это плюс **SIEMENS.**

Компания «ТриК» — это Ваш плюс,

потому что «ТриК»
предлагает по оптимальным
ценам полный ассортимент
электробытовых приборов
SIEMENS для Вашего дома
и офиса со склада в Москве:

холодильники и морозильные
шкафы, стиральные и
посудомоечные машины,
газовые и электрические
плиты, микроволновые печи
и пылесосы, утюги и фены,
тостеры и кофеварки,
фритюрницы и раклетницы,
комбайны и миксеры,
вытяжки и обогреватели и др.

Приглашаем Вас ежедневно,
кроме воскресенья,
в выставочный зал по адресу:

Москва,
Можайское шоссе, 4.
Телефоны: (095) 443-81-35,
441-82-55.

Гарантия — 1 год.
Любая форма оплаты.

Компания «ТриК» — ключ к новому качеству жизни!

Мы не гонимся за мифическими сверхприбылями

АО «Паритет»

*предлагает к реализации листовой
и сортовой прокат черных металлов:*

- ◆ – лист горяче- и холоднокатанный любой толщины;
- ◆ – кровельный прокат;
- ◆ – профилированный лист;
- ◆ – жечь марок ГЖК, ЭЖК;
- ◆ – уголок;
- ◆ – швеллер;
- ◆ – катанка;
- ◆ – полоса;
- ◆ – штрипс;
- ◆ – балка.

Телефон/факс:
(35-12) 36-73-59.
Телетайп:
124276 Металл
(для АО «Паритет»).

*Мы рассчитываем на прочное долговременное
взаимовыгодное сотрудничество.*